

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

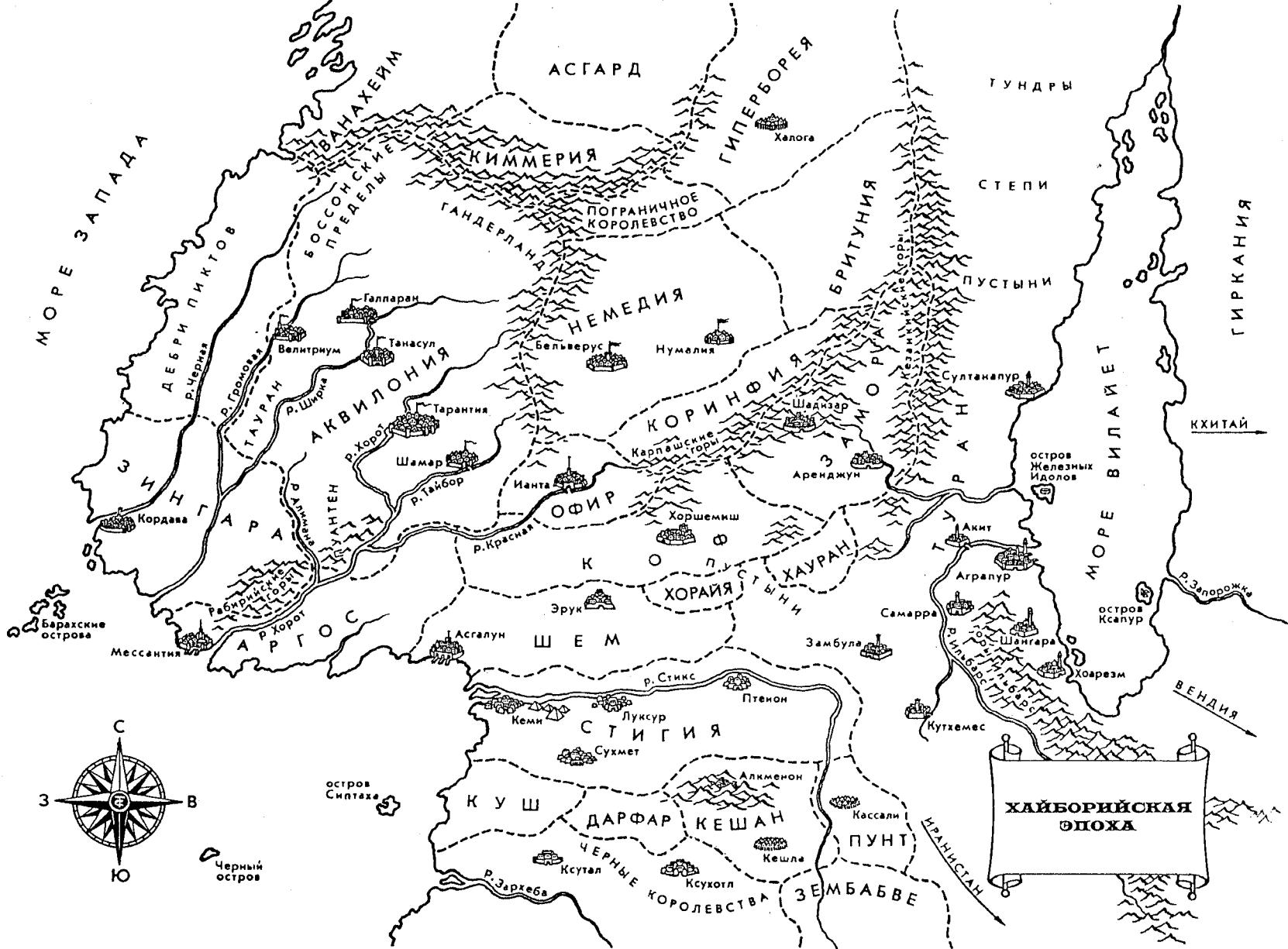
КОНАН РАЗРУШИТЕЛЬ

Роберт
Джордан

Именно этот
роман лёг в
основу знаменитого
фильма

АЗБУКА
Fantasy

ОН ВЕРНУЛСЯ!

Издательство "Азбука" продолжает
знаменитый сериал о варваре по имени

КОНАН

Роберт Джордан

КОНАН

РАЗРУШИТЕЛЬ

Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
Санкт-Петербург
1995

ББК 84.7 США
Д42

Robert Jordan. Conan the Destroyer.

Copyright © 1984 by Conan Properties, Inc

Конан™, Содап™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Перевод Владимира Правосудова.

© 1995 "Терра" — "Азбука", русское издание.

ISBN 5-300-00089-2

Глава 1

Кроваво-красное солнце изжаривало равнину Замора, а заодно и отряд всадников, державших путь по этим каменистым пустынным плато, сменявшимся покатыми холмами. Грудь всадников была защищена кирасой из черного дерева. Головы прикрывали от ударов шлемы с забралом. Кольчуги черного цвета защищали руки. Черными же были и щитки, поднимавшиеся от сапог к коленям. Все до единой части их снаряжения были окрашены в цвет темной ночи. Такие же черные металлические пластины и войлочные попоны с нашитыми металлическими бляхами защищали головы, шеи и бока их лошадей. На бедре каждого из всадников висело по длинной кривой сабле,

а к седельным лукам были прикреплены шипастые палицы. Правда, в руках у них вместо ножей было по длинной деревянной дубинке. Были у них с собой и толстого плетения сети, достаточно прочные, чтобы удержать тигра.

Замыкала процессию повозка на больших колесах, на которой была установлена огромная клетка из металлических прутьев толщиной с человеческое запястье. Возница непрестанно хлестал двух лошадей, тащивших это сооружение; он должен был не отставать от колонны, которая, несмотря на жару и вес доспехов, отягощавших лошадей, держала очень приличный темп езды, и казалось, ничто на свете не будет способно заставить всадников хоть на миг притормозить на пути к их загадочной цели.

Тот, кто возглавлял отряд, был едва ли не на голову выше любого другого, а также заметно шире в плечах. О его высоком положении можно было догадаться по искусной золоченой резьбе, покрывавшей кирасу. Там, среди арабесок, изготавлился к прыжку золо-

той лев. Тонкие, побелевшие от времени шрамы на лице воина — один — через переносицу, а другой — от угла глаза через всю щеку к подбородку — давали понять, что этот человек не был чужд военному делу. Правда, сейчас эти шрамы были почти скрыты дорожной пылью, оседавшей на потной коже лица плотным слоем.

— Бесполезно, — пробормотал он почти про себя, — проклятье, абсолютно бессмысленно.

— Во всем, что я делаю, всегда есть смысл, Бомбатта.

Большой, сильный человек вдруг боязливо сжался, когда к нему галопом подлетел один из всадников, чье лицо помимо шлема было укрыто еще и маской из черной мягкой кожи. Он-то был уверен, что дальше его собственных ушей эти проклятья не долетят.

— Я просто не вижу необходимости... — он начал осторожно оправдываться, но второй всадник, чей голос, даже приглушенный маской, не утратил командного тона, резко оборвал его:

— Что должно быть сделано — должно быть сделано, как гласят древние Свитки Скелов. Именно так там и написано, Бомбатта.

— Что вы прикажете, — неохотно согласился тот, — будет исполнено.

— Разумеется, Бомбатта. Но я чувствую повисший в воздухе вопрос. Ну же, спрашивай. — Высокий воин продолжал, в сомнении, молчать. — Говори же, Бомбатта. Я приказываю.

— То, что мы ищем, — медленно произнес Бомбатта, — а точнее, где надо искать... Мне кажется, этого нет ни в каких свитках.

Смех всадника в маске заглушила черная кожа. Понувствовав издевку, Бомбатта вспыхнул.

— Эх, Бомбатта, неужели ты думаешь, что моя сила ограничивается только знанием свитков. Ты считаешь, что я знаю только то, что в них написано?

— Нет, — ответ был краток до непочтительности.

— Так выполняй же приказы, Бомбатта. Подчиняйся им и поверь, мы найдем то, что нам нужно.

— Я выполню все, что вы прикажете.

Могучий воин безжалостно сжал коленями бока своего коня, не обращая внимания на тех, кто вынужден был поторопиться, чтобы поспеть за ним. Он уже знал, что более высокий темп будет расценен как проявление послушания, как знак доверия полученным приказам. Пусть остальные проклинают все на свете, обливаясь потом. Он еще пришпорил коня, не глядя на пену, появившуюся на губах и шее животного. Его сомнения вовсе не были рассеяны. Но он слишком долго добивался своего нынешнего поста, чтобы вот так просто потерять его сейчас. Вперед! Быстрее и быстрее, пусть даже придется загнать людей и лошадей до смерти.

Равнина Замора частенько являлась ареной, на которой происходили самые странные события. Безумие, жадность, разбойники, священные клятвы заставляли людей совершать абсолютно непонятные поступки. Здесь

можно было бы увидеть человека в дорогих одеждах, спешно зарывающего в песок золотые монеты; целый караван, все наездники которого сидели задом наперед на своих лошадях, при этом раздетые догола; на горизонте вдруг могла появиться целая вереница девушек, чью одежду целиком заменяла голубая татуировка с головы до пят. Случайного наблюдателя причины этих странных явлений привели бы в изумление, сумей он, конечно, до них докопаться.

То, чем сейчас занимались вдалеке от любого жилья, у подножия каменистого холма два совершенно непохожих друг на друга человека, тоже было бы абсолютно непонятно постороннему наблюдателю.

Их стреноженные лошади пощипывали редкую жесткую траву неподалеку. Первый из двоих, высокий, с крепкими мускулами молодой парень, был занят тем, что укладывал плоский обломок скалы длиной почти в его собственный рост на четыре здоровенных валуна, которые он предварительно подкатил один к другому. Чтобы выровнять плоский

камень, он подложил под один из его углов несколько булыжников. На его груди на ремешке из сырой кожи висел золотой амулет в форме дракона.

Этот юноша с сапфировыми глазами больше был похож на воина, чем на строителя. На его ремне был закреплен прямой широкий меч старинной работы. Потертость его рукоятки, как и рукоятки кинжала, выдавала, что эти предметы служили не для украшения. Его лицо, обрамленное черной гривой волос, сейчас перехваченных широким кожаным ремнем, для невнимательного наблюдателя было лишь лицом юноши. Но более проницательный человек заметил бы на нем ту печать, которую может оставить только большой и тяжелый жизненный опыт.

Спутник голубоглазого юноши был полной его противоположностью. Невысокий, худой, но жилистый, с черными глазами, сейчас он стоял почти по пояс в узкой яме, выгребая из нее камни и песок лопатой со сломанной ручкой. Два набитых кожаных мешка лежали рядом с ямой. Время от времени парень стирал

с лица пот и чертыхался по поводу непривычной для него работы. Но всякий раз при взгляде на мешки он снова с удвоенным усердием принимался за работу.

Наконец он все же отбросил доломанную лопату и спросил:

— Слушай, Конан, может, хватит, а?

Его крепко сложенный товарищ не услышал вопроса. Он, наморщив лоб, придилично осматривал воздвигнутое им сооружение. По замыслу, это должен был быть алтарь. С такими штуками ему не часто приходилось сталкиваться. Но в его родной суровой Киммерии он с детства уяснил для себя, что долги нужно отдавать, невзирая на трудности и препятствия.

— Конан, уже ведь глубоко, правда?

Киммериец мрачно посмотрел на своего товарища:

— Если бы ты не разевал рот не вовремя, Малак, нам бы не пришлось сейчас закапывать эти драгоценности. Амфарат никогда бы не узнал, кто стащил его камешки, городская стража тоже ничего бы не узнала, а мы могли

бы попивать спокойненько вино в таверне Абулета, подсаживать на колени девочек, а не обливаться потом в этой проклятой пустыне.

— Да не собирался я звать тебя по имени, — пробурчал Малак.

Он запустил руку в один из мешков и вытащил горсть опалов, рубинов, сапфиров и изумрудов. Зеленый огонек блеснул в его глазах, когда он высypал обратно отполированные камни. Зеленый сменялся искрами синего, алого, снова зеленого и золотого. Со вздохом сожаления он вновь покрепче затянул мешок.

— Это я просто от неожиданности. Ведь никто не мог предположить, что там столько этих камней. Вот я и вскрикнул. Но я правда не нарочно...

— Кончай, Малак, — сказал Конан, вновь смотря на алтарь, а не на собеседника.

Киммериец зажал в кулаке золотой амулет. Эту вещицу дала ему Валерия, и, дотрагиваясь до золотого дракона, он словно снова ощущал ее рядом.

Валерия — любовница, воин, вор, — все было перемешано в этой золотоволосой красавице. Она умерла, унеся с собой всю радость из его жизни. Он видел ее смерть. Но затем, уже после этого, он видел, что она вернулась, вернулась, чтобы вновь сражаться с ним бок о бок. Этот долг должен был быть оплачен.

Малак снова взял в руки то, что осталось от лопаты, и вдруг, повернувшись к Конану, сказал:

— Я не думал, что ты веришь в богов, Киммериец. Никогда раньше я не видел, чтобы ты молился.

— Бог моей родины — Кром, — ответил Конан, — черный господин загробного мира. При рождении он дарит человеку жизнь и волю, но ничего больше. Он не снизойдет до милости в обмен на жертвоприношения, не станет слушать мольбы и причитания. Как человек поступит с двумя подарками Крома — это его личное дело.

— А этот алтарь? — спросил Малак, когда Киммериец закончил.

— Это другая страна, здесь другие боги. Я не поклоняюсь им, но Валерия верила в них.

Конан, нахмурившись, раскрыл ладонь и посмотрел на амулет.

— Вдруг ее боги услышат меня, ведь жрецы утверждают, что они слушают нас. Быть может, я могу сделать чуть легче ее судьбу там, среди богов, в том мире.

— Кто их знает, этих богов. Вечно им не угодить, — сказал Малак, пожимая плечами. Он вылез из ямы и сидел скрестив ноги рядом с мешками. — Даже жрецы и те толком не знают, где уж тебе...

Цокот копыт за холмом оборвал его на полуслове.

Малак с визгом бросился к мешкам. В одну секунду развязав их, он бросил в рот несколько камней. При этом его лицо перекосилось от судороги, его чуть не вырвало. Затем он швырнул мешки в яму и отчаянно заработал лопатой, закапывая обратно камни, песок — все что угодно, лишь бы успеть заровнять яму до появления всадников.

Конан положил руку на рукоять меча и спокойно ждал, устремив взгляд холодных синих глаз на гребень холма, туда, где должен был появиться первый из нежданных гостей. Они, конечно, могли оказаться кем угодно. Быть может, им даже наплевать на него и на Малака и на то, чем они тут занимались. Может быть... Но Конан не верил в это.

Глава 2

Когда на холме появился одинокий всадник в закрывающем лицо шлеме и с золотой резьбой на доспехах, Малак неуверенно за-смеялся:

— Один человек. Он может быть очень сильным, но вдвоем-то мы с ним управимся. Пусть только сунется...

— Я слышал, что лошадей было много, — ответил Конан.

— Эрлик забрал их на небеса живыми, — простонал Малак, изо всех сил налегая на лопату, подсунутую под большой камень, чтобы перевернуть его. Наконец валун опрокинулся и закрыл собой яму. Малак тяжело вздохнул: — А наши лошади? Может, удастся смыться?

Конан презрительно фыркнул, но ничего не ответил. Да, конечно, на коне незнакомца было навешано столько железа, сколько, наверное, весил сам всадник. Но зато это был настоящий конь. Рванись они сейчас на своих клячах — преимущество было бы потеряно через несколько минут преследования. Таких лошадей, как у них, можно было купить лишь при большой нужде срочно исчезнуть из Шадизара на чем угодно, лишь бы скорее. Торопясь, они заплатили, не торгуясь, столько, сколько стоила бы пара скакунов из королевского табуна. Пустить в галоп этих доходяг означало через несколько сот шагов продолжить бегство на своих двоих, к великому удовольствию преследователей.

Наблюдавший за ними всадник остановился на гребне холма.

— Чего он еще ждет? — спросил Малак, вынимая из-за пояса два кинжала. — Если они решили убить нас, то я не вижу причин...

Неожиданно всадник в черных доспехах поднял руку и помахал ею. Из-за гребня холма в обе стороны от него волной растеклись

всадники в таких же кирасах эбенового дерева. Их было не меньше сотни. Размеренным галопом они понеслись вниз по холму, окружающая Конана и Малака кольцом шагов в триста диаметром.

— Можно подумать, что перед ними целая армия, — усмехнулся Конан. — Похоже, кое-кто считает нас опасным противником.

— Слушай, но так много... — почти простонал Малак, с сожалением взглянув на беспокоившихся лошадей. Те пофыркивали и пританцовывали, словно желая убежать. Малак, похоже, был готов рвануться вслед за ними. — Чтобы нанять такую ораву, нужно столько денег, что год можно в роскоши купаться. Ну кто бы мог подумать, что Амфарат так рассердится?

— Да кто его знает. Может быть, ему не понравилось, что его камешки уперли? — мрачно пошутил Конан.

— Но мы же взяли не все, что у него было, — возразил второй воришка. — Сказал бы спасибо, что хоть что-то осталось. Мог бы еще и пару монет в храм отдать,

в благодарность богам за то, что у нас не было еще мешка. А он вместо этого что удумал...

Киммериец пропустил мимо ушей тираду своего приятеля. Он уже давно научился не обращать внимания на размышления своего жилистого товарища о том, что могло бы быть, если бы было по-другому, когда на самом деле все было как раз наоборот.

В это время холодные как сталь глаза северянина киммерийца ощупывали группу из четырех всадников, возившихся с длинным узлом, закрепленным на седле одного из них. Затем Конан перевел взгляд на вершину холма. Там, рядом с первым всадником, появился еще один, в маске, наблюдающий за происходящим внизу.

Неожиданно высокий всадник в черном поднес ко рту рог, наподобие тех, что используют во время охоты. Громкий тягучий звук скатился по склону, и четверо возившихся со свертком проворно разобрали его концы и галопом погнали лошадей к двоим, застывшим в ожидании. Еще четверо всадников с другой

стороны рванулись на помощь своим товарищам.

Брови Конана сдвинулись: этого еще не хватало. Первая четверка несла огромную сеть, а другие четверо держали в руках длинные дубинки, словно для того, чтобы не дать добыче выскользнуть из-под сети.

Малак сделал было пару шагов к лошадям.

— Подожди. — Несмотря на его молодость, голос Конана звучал как голос командира. Это заставило меньшего остановиться. — Пусть подойдут поближе, если не хочешь оказаться легкой добычей.

Малак мрачно кивнул и покрепче сжал кинжалы.

Грохот копыт приближался. Осталось сто шагов. Пятьдесят. Десять. Загонщики уже набрали воздух для победного крика...

— Давай! — крикнул Конан и бросился к сети. Малак со стоном отчаяния последовал за ним.

В момент броска меч Конана покинул свои потертые ножны из акульей кожи. Влекомое могучими мышцами, лезвие отсекло один из

углов сети. С пронзительным воплем всадник, державший его, пронесся дальше, сжимая в руках лишь бесполезный кусок. Мчавшийся за ним воин бросил поводья своего скакуна и выхватил длинную кривую саблю. Конан, присев, увернулся от удара, а сам, в свою очередь, разгибаясь, вогнал меч под грудную пластину доспеха противника. Пронзенный почти насовсем, тот словно отскочил назад, вылетев из седла.

Прежде чем он коснулся земли, Конан уже освободил свой обагренный кровью меч и резко обернулся, следя лишь древнему инстинкту воина, предупреждавшему его об опасности. Лицо человека, нависшего над ним, было перекошено гримасой ненависти и боевого азарта. Даже по глазам, видневшимся из-под шлема, можно было понять, что ему было бы куда приятнее замахиваться сейчас мечом, а не деревяшкой. Однако это орудие, длиннее человеческой руки, могло проломить череп, будучи применено в полную силу. А в желании вложить в удар всю злость и силу этому человеку было не отказать. Меч Киммерийца

взлетел вверх, пронзая кость и мясо. Дубина и все еще сжимающая ее рука закувыркались в воздухе. Крича от боли, всадник перехватил запястье, исходившее фонтанами крови, здоровой рукой; его лошадь, почувствовав свободу от поводьев, понеслась вскачь подальше от шума боя. Конан сию же секунду подготовился встретить нового противника.

Малак сцепился с одним из тех, кто держал сеть, намереваясь вытащить его из седла. Один из кинжалов маленького вора нашупал щель между шлемом и пластиной панциря. С булькающим стоном всадник повалился на землю, увлекая за собой и Малака. В следующее мгновение маленький черноглазый воришка уже снова стоял на ногах, с кинжалами наготове. Его противник больше не двигался.

Какую-то долю мгновения Конан и его приятель неподвижно стояли лицом к лицу с пятерыми оставшимися в строю атакующими. Сеть валялась на земле. Те двое, которые должны были накинуть ее на пленников, схватились за рукоятки сабель. Те, что держали дубинки, колебались.

Вдруг один из них отбросил деревянную палку и тоже схватился за более действенное оружие. Но прежде, чем его сабля вышла из ножен, над холмом снова прокатился призывный звук рога. Сабля влетела в ножны с громким стуком, и все пятеро помчались галопом к линии своих товарищей.

Малак облизал губы:

— На кой черт им сдалось ловить нас? Никак не пойму.

— Может, Амфарат еще более безумен, чем мы предположили. Он, наверное, решил узнать, сколько криков и стонов смогут выжать из нас лучшие специалисты по пыткам.

— Великий Митра! — вздохнул Малак. — Вечно ты ляпнешь что-нибудь такое, от чего на душе совсем хреново становится.

Конан пожал плечами.

— Ты сам спросил, — сказал он и, услышав рог, добавил: — Слышал? Приготовься. Сейчас опять навалятся.

Снова четыре всадника разобрали между собой углы сети. Но на этот раз число помогающих им загонщиков возросло до двух де-

сятков. Когда всадники подъехали поближе, Конан сделал незаметный знак своему товарищу. Малак пожал плечами, но согласно кивнул головой. Оба стояли, поджидая противника, как и в прошлый раз.

Сеть приближалась и приближалась. За ней неслись остальные загонщики. На этот раз не удастся беспрепятственно разрубить сеть и безнаказанно ткнуть мечом того, кто держал ее.

Когда загонщики приблизились вплотную, Конан метнулся влево, а Малак вправо. Всадники пронеслись между ними, рассыпаясь в проклятиях и пытаясь развернуть лошадей. Над головой Конана взвилась дубинка. Человек, державший ее, был удивлен, почувствовав, что его запястье оказалось крепко схвачено ладонью Киммерийца. Все еще не веря, он с криком вылетел из седла, влекомый сильной рукой юноши. Одно движение рукоятью меча — и всадник оказался на земле с выбитыми зубами и разбитым в кровь лицом.

Стук копыт предупредил Конана о новой опасности. Еще одна дубинка, выхваченная

из рук, описала в воздухе сплошную дугу и с огромной силой опустилась прямо в низ живота всадника. Раздался треск ломаемого дерева, всадник вытаращил глаза, схватил ртом воздух и согнулся пополам. Его лошадь, ничем не удерживаемая, выскочила из-под него и понеслась дальше галопом, уже без седока.

— Конан!

Раньше, чем его последний противник ударился о землю, Конан уже увидел то, из-за чего Малак отчаянно просил его помощи.

Двое воинов в черных доспехах свесились с седел, чтобы достать дубинками извивающуюся на земле фигуру.

С диким воплем Конан налетел на них. Два удара окровавленного меча — и два тела рухнули на землю, а он уже поднимал маленького вора на ноги. Тот плохо видел из-за крови, ручейками стекавшей по его лицу. Сеть снова приближалась, а Малак не мог твердо стоять на ногах, не то что драться.

Сильным движением Конан отодвинул друга в сторону, а сам, напрягшись, бросился

на сеть. От неожиданности один из державших ее вылетел из седла и приземлился на груду веревок, обрывков сети, запутавших его руки и ноги, пока он перекатывался по ней. Следующая дубинка вскользь задела уворачивающегося Конана. Но удар его меча не был скользящим. Лезвие точно вошло под пластины доспехов.

Киммериец понимал, что спасения нет. Слишком много людей сгрудились вокруг него, размахивая дубинками и клинками. Пыль, поднятая копытами, покрывала его потное тело. Медный вкус крови застыл на губах. Скоро ему конец, но Конан знал, что не сдастся на их милость. Каждый удар его меча приходился по живому, незащищенному телу. Это был настоящий фейерверк сверкающей в воздухе стали. Конан смог чуть продвинуться вперед, пытаясь выйти из круга всадников, но они своей массой, почти закрывая солнце, оттеснили его к центру.

Вдруг раздался резкий зов рога. Уже нависшие над Конаном всадники повернули назад, с явной неохотой покидая своих убитых

и стонущих раненых, чтобы снова занять свои места в круге.

Конан с удивлением наблюдал за их маневром. Струйка крови стекала по покрытому пылью лицу, пачкая воротник его туники. Малак исчез. Нет, его схватили! Обмотанного сетью, его несли словно свинью на рынок, привязав руки и ноги к длинной жерди. В голове Конана пронеслось — не дожить до такого конца.

Он медленно обводил взглядом всех окружавших его. Несколько лошадей, оставшись без седоков, спокойно расхаживали между преследователями и жертвами. Схватить одну из них — и пробиться сквозь строй. Он так бы и поступил, если бы не Малак. Киммериец не сделал ни шага к лошадям. Рядом с ним лежали трупы. Раненые стонали, молили о помощи или протягивали руки в сторону круга молча стоявших всадников в черных доспехах.

— Ну, подходите же! — крикнул им Конан. — Пора кончать эту комедию. Или у вас кишака тонка? То здесь, то там какая-нибудь

лошадь дергалась вперед, словно угадывая тайное желание своего седока. Но все оставались на своих местах, лишь молчание было ответом Киммерийцу.

Стук камней, катящихся по склону, возвестил о появлении двух всадников, до сих пор стоявших на вершине холма. Большой воин с золотой резьбой на доспехах остановился в десяти шагах от Киммерийца, но второй, с лицом, закрытым кожаной маской, проехал еще половину этого расстояния, прежде чем натянул поводья. Конан напрягся. Он ничего не знал о незнакомце, скрывавшем под маской лицо и под черным шерстяным плащом всю фигуру. Но если настал час последнего боя — Конан был готов.

Руки одинокого всадника прикоснулись к шлему. Сначала снятый шлем, а затем и сброшенная маска открыли голову незнакомца. У Конана перехватило дыхание. На него глядела женщина, темноглазая, с высокими скулами, волосами цвета воронова крыла, заплетенными в тугие косы и уложенными вокруг

головы. Она была красива. Так, как бывает красива женщина зрелая, оставившая позади первый цвет юности. Но в этой красоте чувствовалась какая-то ярость: в манере держать подбородок, во взгляде, словно пронзающем человека насквозь. Плащ был отброшен назад, открыв брюки для верховой езды и туннику черного шелка, облегающую каждый изгиб округлой груди и полных бедер. Конан глубоко вздохнул. Из всех женщин мира он меньше всего ожидал увидеть перед собой именно эту.

— Тебя называют Конаном, так? — ее голос был чувственен, но и царственно величествен.

Конан не ответил. То, что она оставила свой благоухающий дворец и тенистые сады и уехала в этот палящий зной, — уже было достаточно удивительно. Но то, что она это сделала, чтобы разыскать его (а это было очевидно), — внушало тревогу. Ну да не зря он уже пожил среди тех, кто называл себя цивилизованными людьми, а его — варварам. Он усвоил главные правила выживания в их

мире. И вот теперь от него не дождутся ни одного слова, пока он не узнает хотя бы что-то еще.

Итак, долгое молчание было его ответом. Всадница нахмурилась:

— Надеюсь, ты знаешь, кто я?

— Ты — Тарамис, — просто ответил Конан. При этом ее лицо стало еще более недовольным.

— Принцесса Тарамис, — сказала она с ударением на первом слове. Лицо Конана не изменило своего выражения, не опустил он и меч из боевого положения. — Я — наследная принцесса королевского дома Замора. Тиридатес, твой король, — мой брат.

— Тиридатес — не мой король, — отрезал Конан.

Тарамис улыбнулась, словно ощущив под ногами твердую, знакомую почву.

— Ну, да — вздохнула она. — Ты же с севера, варвар, не так ли? Да к тому же — вор?

Конан словно оцепенел, не давая себе оглянуться, даже чтобы посмотреть, не

подкрадываются ли к нему сзади черные воины с сетями. Он чувствовал, что главная опасность могла исходить от женщины, стоявшей перед ним.

— Что тебе от меня нужно? — спросил он.

— Чтобы ты послужил мне, Конан-ворюга.

Ему уже было не впервые наниматься к кому-нибудь и получать золотые монеты за какое-либо особое похищение. А сейчас такому предложению альтернативой был последний короткий бой с воинами в черном. Но чувство противоречия пересилило.

— Нет.

— Ты отказываешь мне? — Тарамис не верила своим ушам.

— Мне не нравится, когда на меня охотятся как на зверя. Я не дикий кабан, чтобы накидывать на меня сети.

— Я могу дать тебе много. Больше, чем ты когда-либо сможешь иметь, даже удачно ворюга. Будешь жить во дворце, как придворный...

Конан покачал головой:

— Ты, делая такой подарок, забыла об одной мелочи, которая очень важна для меня. А я не просил и не буду просить ее у тебя.

— Всего-то одна мелочь! Какая же, варвар?

— Моя свобода, — Киммериец улыбнулся улыбкой загнанного стаей гончих волка. — И вот ее-то я добуду себе сам.

В темных глазах принцессы Замора блеснуло удивление.

— Неужели ты и вправду надеешься победить всех моих воинов?

— Они смогут убить меня. Но это тоже свобода. Свобода погибнуть в бою, но не быть рабом.

Уставившись на него, принцесса произнесла, словно не замечая никого вокруг:

— Невероятно. Свиток говорил правду. — Она резко тряхнула головой, словно возвращаясь к действительности, и сказала: — Ты будешь у меня на службе, Конан, и ты еще попросишь моего дозволения на это.

Высокий воин с резным золоченым львом на груди вступил в разговор:

— Негоже тебе торговаться с этим. Позволь мне заняться им, и мы доставим его в Шадизар запакованным в сети, как его дружка.

Не отрывая глаз от Конана, Тарамис сделала движение, словно отгоняя муху:

— Помолчи, Бомбатта.

Она протянула руку к Киммерийцу, ладонью вверх, словно изучая пальцами что-то. Груди Конана коснулся легкий ветерок. Он почувствовал, как шевельнулись все до единого волоски на руках. Он сделал шаг назад. Поудобнее поставив ноги, он покрепче сжал рукоять меча.

Пальцы Тарамис опустились, и она повернула голову к сооружению, возведенному Конаном:

— У каждого человека есть самое сокровенное желание. Что-то, ради чего он может убить и может отдать свою жизнь.

С воротника туники она сняла золотую цепь с мелкими звеньями, с которой свисала капля алмазного кристалла чистой воды. Она зажала камень в левой руке, а правой показала на грубый алтарь:

— Смотри, Конан. Ты увидишь то, что ты ищешь.

Между ее пальцами, снимающими кристалл, забились сполохи алого пламени. Лошади всадников взволнованно заржали. Лишь конь Тарамис стоял неподвижно, хотя и вытаращив от ужаса глаза. Его бока ходили ходуном. Вспышки шли одна за другой, все чаще и чаще, и вот уже непрерывный поток ярко-красного света, исходящий из ее кулака, осветил все вокруг.

Неожиданно голые камни алтаря заполыхали, словно сгорая в огне. Лошади воинов в страхе попятились. Захоти Конан сейчас убежать — он вряд ли бы встретил хоть какое-то сопротивление. Все всадники были заняты лишь тем, чтобы удержать охваченных страхом скакунов. Но Киммериец даже не обратил никакого внимания на это. Другое приковывало его взор: на алтаре среди языков пламени появилась лежащая фигура. Женщина с прекрасными золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам, с красивым телом, совершенно не тронутым

ни тлением, ни пламенем, бушевавшим вокруг.

Не дав любимому имени сорваться с губ, Конан лишь процедил:

— Колдовство!

— А как же, колдовство! — Голос Тарамис был мягок, но неестественно сильно звучал в ушах Киммерийца, сквозь ржание и хрюканье лошадей. — Колдовство, которое может дать тебе то, что ты ищешь, Конан. Валерию.

— Она мертва, — резко ответил Конан, — мертва, и хватит об этом.

— Говоришь, хватит, варвар? Сквозь огонь он увидел, как повернулась голова девушки. Чистые голубые глаза встретились со взглядом Конана. Она села, протянув руки к Киммерийцу.

Тарамис сказала:

— Я могу вернуть ее тебе. Вернуть ее в этот мир.

— Живым трупом? — огрызнулся Конан. — Я уже видел таких. Лучше пусть остается мертвой.

— Не холодное тело. А живую теплую плоть. Понял, варвар? Я могу вернуть ее тебе такой, какой ты ее хочешь видеть. А еще, если ты хочешь быть уверен в ее преданности на веки только тебе, — я могу это сделать. Хочешь, она бросится к твоим ногам, молясь тебе, словно богу? Я могу...

— Нет! — У Киммерийца перехватило дыхание. — Она была воином. И я не хочу, чтобы она... — фраза оборвалась на полуслове.

— Значит, ты все-таки поверил?

Одно движение руки — и видение исчезло. Ни Валерии, ни языков пламени, ничего, кроме голых камней без единого следа копоти или пепла. На шее черноглазой женщины снова заняла свое место алмазная капля.

— Я могу сделать все то, о чем говорила.

Конан медленно опустил меч. Он очень не любил колдовство. Даже в тех редких случаях, когда оно применялось без злого умысла. Но — за долги нужно платить. За его свободу пусть расплатятся, освободив другого.

— Отпусти Малака, — сказал он устало.

Бомбатта запротестовал:

— Очистив улицы Шадизара от еще одного вора, разве мы дадим уйти мерзавцу, чтобы он снова взялся за свое? Да по нему ни один человек в мире не заплачет.

— Одним вором больше или меньше — для Шадизара это пустяк. Но он мой друг. Или он уходит свободным, или все дальнейшие переговоры будут вести наши клинки.

Гигант Бомбатты открыл рот, чтобы ответить, но Тарамис взглядом оборвала его.

— Отпусти маленького вора, — сказала она негромко.

На лице Бомбатты смешались гнев и разочарование. Он повернул коня и, пришпорив его, понесся к воинам, державшим пленника. В несколько мгновений веревки были разрезаны, и худой человек свалился прямо на камни.

— Они мне чуть все кости не поломали, — сказал он, подходя к Конану. — Слушай, чего это у вас тут полыхало, а? Да, и еще — почему мы до сих пор живы?

Вдруг его взгляд остановился на Тарамис. Лишь взглас изумления вырвался из его груди. Затем он начал как-то бестолково кланяться, все время вопросительно поглядывая на Конана и причитая.

— Мы честные люди, о ваше светлейшее высочество. Не слушайте, что вам наговорят злые языки в Шадизаре. Мы, это... мы зарабатываем на жизнь, это... как охранники караванов. Да мы за всю жизнь и финика не взяли, не заплатив. Вы должны нам поверить, ибо мы...

— Заткнись, — сказала Тарамис, — или я перечислю все твои подвиги, о которых мне известно. А теперь — проваливай отсюда.

С сомнением глядя на охрану, Малак сделал несколько неуверенных шагов к их лошадям.

— Нам нужно на время расстатьсяся, — сказал ему Конан, — а встретимся там же, где встречались после драки в таверне «У Трех Корон». Уезжай, удачи тебе.

Последний раз взглянув на стражников, маленький человек вскочил на свою лошадь.

Когда Малак галопом скрылся из виду, все оглядываясь назад, не веря в свое чудесное освобождение, — Конан повернулся к Тарамис.

— Что я должен сделать? — спросил он просто.

— Когда придет время, тебе скажут, — ответила прекрасная женщина. На ее губах светилась улыбка победителя. — А теперь я жду от тебя твоего решения.

Конан не сомневался:

— Я поступаю к тебе на службу, Тарамис. Долг есть долг. И за него нужно рассчитаться, невзирая на цену.

Глава 3

Шадизар был городом золотых куполов и белоснежных шпилей, уносившихся ввысь, к лазурному небу, прочь от пыли и грязных камней равнины Замора. Во дворцах, в садах, усаженных финиковыми пальмами, били кристальные фонтаны. Белые стены отражали солнечные лучи, сохраняя прохладу внутри домов. Городом порока называли его, злым городом; и еще с десяток куда менее приличных, но не менее справедливых эпитетов служили для обозначения этого знайного города.

Здесь, за гранитными городскими стенами, люди искали золота и удовольствий. Те, у кого было первое, менялись с теми, кто мог дать второе. Стареющие богачи облизывали губы, оглядывая трепещущих невольниц. Дамы

с горящими глазами, как кошки, рыскали в поисках добычи. Частенько благородные матроны, покинув дом мужа в поисках сомнительных приключений в веселых кварталах, именно там снова встречались со своими благоверными, решившими развеять скуку семейной жизни тем же самым способом.

Если порок и невоздержанность были душой Шадизара, то не что иное, как торговля приносила золото, чтобы покупать эту грязную душу. Караваны шли сюда изо всех уголков мира: из Турана и Коринтии, из Иранистана и Кораджи, из Котха и Шема. Жемчуг, шелка, слоновая кость, благовония и специи — все стекалось сюда на необъятные базары Города Десяти Тысяч Грехов.

Улицы были, как обычно, заполнены торговцами, когда Конан въехал в город вместе с отрядом черных воинов принцессы Тарамис. Деревенского вида люди несли корзины с фруктами, погонщики гнали вереницы самой разной домашней скотины. Десятки продавцов выстроились неровной линией вдоль улицы, на все лады расхваливая свой товар и

всячески подпихивая его поближе к покупателю. Надменные, одетые в шелка аристократы, толстые купцы в темном бархате, ремесленники в кожаных одеяниях и проститутки, на которых не было ничего, кроме гирлянд монет, нанизанных как бусы на нитку, — все двигались, уворачиваясь от длинноногих верблюдов, целый караван которых размеренно ступал по улице, ведомый явно чужими погонщиками, напряженно посматривающими по сторонам. Воздух между домами был наполнен блеянием и мычанием, кудахтаньем куриц и писком цыплят, криками лоточников, расхваливавших свой товар, завываниями нищих и криками торгующих купцов. Над всем этим висел тошнотворный запах, состоящий из равных частей ароматов специй, гниющих отбросов, благовоний и потных, немытых тел.

Тарамис не снизошла до того, чтобы замедлить шаг. Половина ее отряда бросилась вперед, расчищая ей дорогу, нещадно колотя дубинками тех, кто не успел вовремя убраться. Оставшиеся закованные в эбеновые доспехи воины образовали кольцо вокруг Тарамис

и Конана, охраняя ее и следя за ним. Киммериец понял, что хоть он и принят на службу, но за ним следят как за пленником. Он неторопливо, не провоцируя охрану, свесился с седла и схватил большую спелую грушу с лотка торговца фруктами. Так же не торопясь он выпрямился и поудобнее устроился в седле, всем своим видом давая понять, что не интересуется ничем, кроме сочного вкусного плода и созерцания людей по сторонам.

Улицу расчищали, оттесняя к стенам домов всех подряд: купцов и покупателей, aristократов и нищих. Летели в стороны лотки, переворачивались столы у входов в лавки. Угрюмые лица сопровождали процессию. Лица тех, кто не был склонен на ноги, быстро покрывались кровавыми ранами и ссадинами. Большинство молчало, но ближайшие к Тарамис стражники, размахивая дубинками, заставляли толпу выкрикивать: «Слава принцессе Тарамис!» — или: «Да благословят тебя боги, принцесса Тарамис!»

Взгляд Конана задержался на караване, загоняемом в переулок впереди по ходу их

движения. Передним верблюдом управлял смуглый человек в грязном тюрбане. Люди вплотную прижались к ногам верблюдов. Те же испуганно ревели и нервно переступали с ноги на ногу.

Проезжая мимо каравана, Конан коротким и точным броском отправил огрызок груши прямо в нос переднему верблюду. С диким ревом животное резко попятилось, вырвав поводья из рук человека в тюрбане. Постояв в нерешительности секунду-другую, словно сомневаясь в своей свободе, верблюд резко рванулся вперед, увлекая за собой еще десяток своих товарищей по каравану. Горбатые длинноногие животные пронеслись сквозь строй черных всадников и помчались дальше по улицам. Конан направил свою лошадь вслед за ними.

За его спиной послышались крики, но он лишь наклонился пониже и пустил лошадь галопом. Сбивая с ног торговцев и покупателей, верблюды неслись по извилистым улочкам, прикрывая Конана. Преследователи — а то, что за ним погоняется, Конан знал точно — не видели его. Но это преимущество не могло

сохраниться долго. Киммериец соскочил с лошади и тут же получил основательный пинок ниже спины от одного из верблюдов. Вскочив на ноги, Конан быстро сгапнул за груду корзин, провожаемый недоуменным взглядом их продавца. Грохот копыт по булыжникам мостовой вновь очистил улицу от любопытных. Два десятка всадников в черном, возглавляемые Бомбаттой, с ожесточенными лицами пронеслись вдогонку верблюдам.

Конан медленно поднялся, поправляя нояс с мечом и глядя вслед уносящимся всадникам. Он потер ушибленное верблюдом место. Мерзкие твари, подумал он. Не то что лошади. Ему никогда еще не приходилось иметь дело с верблюдами. Вдруг до него дошло, что продавец корзин все еще таращится на него.

— Неплохие корзины, — сказал Конан, — но не совсем то, что мне нужно.

Продавец все стоял неподвижно с открытым ртом, а Конан уже нырнул в боковой переулок, пропахший мочой и гниющими отбросами.

Узкими извилистыми закоулками он пробирался подальше от центра, время от време-

ни тихо ругаясь, когда его нога поскользывалась на чем-нибудь неаппетитно скользком. На каждом углу, прежде чем пересечь улицу, он внимательно смотрел, не появятся ли откуда-нибудь черные воины в шлемах с забралами. Так, петляя и уворачиваясь, он пробирался по Шадизару, пока не добрался до стоявшей в тени южной стены города таверны Манета, куда и нырнул через заднюю дверь.

Воздух внутри был приятно прохладен, хотя и провонял плохо приготовленной пищей. Девушки, сновавшие из кухни в зал и обратно, окидывали Конана удивленными взглядами. Обычно клиенты не вваливались через заднюю дверь, выходившую в зловонный переулок. Да и сам высокий, плечистый парень с мечом на боку не был похож на обычного клиента.

В общем зале сидели погонщики верблюдов и проводники караванов, в основном — чужестранцы. Запах пота и животных соперничал с вонью прокисшего вина. Кабацкие шлюхи демонстрировали свои прелести, вышагивая почти в чем мать родила по песчаному полу

между столов. Многие из них, оценив взглядом Киммерийца, остались очень довольны и даже присвистнули от восхищения. Те, кто уже получил деньги за сегодняшний вечер, склонялись по окрику, а то и по оплеухе от мужчин, уже заплативших за их внимание. Но все их мужское раздражение было сорвано только на женщинах. Даже те из присутствовавших, кто считал себя храбрее мастифа, почувствовали в этом здоровяке волка и предпочли, чтобы не рисковать, излить свою злобу на кого-нибудь другого.

Конану было наплевать на волнение, произведенное его появлением. Убедившись, что в обеденном зале нет черных воинов, он потерял всякий интерес к тем, кто там находился. Он быстро подошел к прилавку, за которым управлялся Манет.

— Малак здесь? — тихо спросил Конан трактирщика.

— Наверху, — последовал ответ, — третья дверь направо.

Манет вытер руки какой-то жирной тряпкой и бросил опасливый взгляд за спину Ко-

нана, словно опасаясь, что тот привел за собой толпу преследователей.

— Что-нибудь серьезное? — спросил он.

— Не для тебя, — сказал ему Киммериец и направился к лестнице.

Он был спокоен за верность Манета. Не так давно Киммерийцу удалось вырвать дочь трактирища из лап двух иранистанцев, решивших увести ее в Аграпур, чтобы продать там. Манет не выдаст его даже под пыткой.

На втором этаже Конан распахнул нужную ему дверь и отпрянул назад — острый кинжал просвистел в воздухе, чуть не полоснув его по горлу.

— Это я, придурок, — прорычал Конан.

Нервно ухмыляясь, Малак убрал кинжал в ножны и отступил в глубь комнаты. Конан захлопнул за собой дверь.

— Извини, — все так же нервно засмеялся худощавый воришка, — это... это просто... Милостивый Митра!.. Слушай, Конан... Эта Тарамис, охотящаяся на нас, этот огонь — наверняка ведь колдовство, да? Я ведь понятия не имел, что стало с тобой. А как... как

тебе удалось выбраться? Я к тому же совсем забыл о той драке в харчевне «У Трех Корон», так что еле сообразил, где надо встречаться. Ну да ладно. Что, сваливаем из города? Давно пора. Интересно, а они выкопали камешки или нет? Первым делом надо двигать туда и забрать их от греха подальше. Этик побрякушек нам хватит, чтобы...

— Да постынь ты, — сказал Конан. — Мы не уезжаем из Шадизара. По крайней мере, не сейчас. У меня есть одно поручение от Тарамис.

— Еще не хватало. Какое такое поручение? А сколько она заплатит? У нее, поди, золотишко-то навалом.

— Я еще и сам не знаю, чего она от меня хочет. А что до платы... Тарамис клянется, что может вернуть Валерию.

Его приятель аж присвистнул сквозь зубы. Темные глаза забегали, словно ища запасной выход.

— Колдовство, конечно, — выдавил он из себя наконец. — Я знал, что этот огонь был ведьминым пламенем. А ты и вправду веришь,

что у нее хватит волшебных сил на такое дело? Да и вообще, стоит ли доверять этой...

— Я должен использовать этот шанс. Ради Валерии. Это мой долг...

Он тряхнул головой. Малак, конечно, старый друг, но какой ему смысл ввязываться в такое дело.

— Я понимаю, лично тебе до этого нет никакого дела, — сказал Конан, — но, если ты поможешь мне, я отдаю тебе свою долю наших камней.

Малак просто засиял:

— Это предложение было абсолютно излишним, Киммериец. Мы ведь вместе работаем. Но сказано — сделано. Я его принимаю. Правда, с одним условием — я не переступлю порога дворца Тарамис. Ее люди упекли трех моих двоюродных братцев в тюрьгу, и двое из них уже умерли, да и о третьем ни слуху ни духу.

— Я тебя об этом и не прошу. Да и принцессе ты во дворце ни к чему. Там, на холме, все, чего она от тебя хотела, — это чтобы ты свалил куда-нибудь подальше.

— Эх, да что она понимает в мастерстве, — вздохнул Малак. — Если ей был нужен вор, то разве найдешь кандидата лучше, чем я. Ладно, хватит шуток. Я готов сжечь все благовония в храме Митры за то, что она выбрала тебя, а не меня. Это я должен буду сделать.

— Я отправляюсь во дворец Тарамис. Не знаю, сколько я там пробуду, но наверняка у меня не будет много времени, чтобы искать тебя. Так что постараися не исчезать далеко. Да, самое главное — выясни, где сейчас Акиро.

— Еще один колдун! — воскликнул Малак.

Разумеется, Акиро был колдуном. Маленький, толстый человек с желтой кожей, как у жителей далекого Кхитая, хотя сам он никому не рассказывал о своей родной земле. Однажды он помог Конану своими чарами. Конан до конца не доверял ему, как и любому другому волшебнику, но Акиро нравилась Валерия. Может быть, это склонит чашу весов и заставит его прийти на помощь Киммерийцу.

— Он может мне понадобиться в этом деле, Малак, пусть последит за колдовством

Тарамис, чтобы она не наложила на возвращенную Валерию какое-нибудь заклятие.

— Я его разыщу, Киммериец. А теперь, у тебя есть время, чтобы выпить за удачу, или ты возвращаешься во дворец сию же секунду?

— Я там еще и не был, — со смехом сказал Конан. — Пришлось покинуть эту компанию не попрощавшись, а теперь ее стражи прочесывают город в поисках меня. Надеюсь, что смогу добраться до дворца, не убив никого из них.

— Тебе крупно повезет, если она не настолько рассердилась, чтобы украсить твоей головой один из зубцов дворцовой стены.

— Она-то, может, и рада бы, но не станет этого делать. Ей ведь нужен не просто вор, а именно я. Она знала мое имя и отправилась с целым отрядом, чтобы найти меня. Что бы она там ни затевала, но Конан Киммериец ей нужен просто позарез.

Глава 4

Дворец Тарамис снаружи больше напоминал огромную крепость, хотя и не такую большую, как дворец короля. Гранитные стены с узкими бойницами превосходили рост человека в четыре раза, лишь чуть-чуть не достигая высоты стен королевского замка. По четырем углам возвышались квадратные башни, еще две прикрывали высокие обитые железом ворота.

Подойдя к этим воротам, Конан увидел, что вход преграждают два стражника в черных доспехах. Они стояли неподвижно, словно статуи, чуть наклонив свои копья с длинными поблескивающими наконечниками. Еще две фигуры маячили над башнями, а через равные интервалы над стенами тоже были

выставлены часовые. Конан тихо усмехнулся: понаставили каменных идолов, а толку-то... Темной ночью опытный вор проберется между ними без всяких хлопот.

Солнце уже клонилось к западу, и стража отсчитывала оставшиеся часы дежурства. Мысленно они уже были в казарме, попивали вино, ужинали, прихватывая за мягкие места поварих и подавальщиц. Поэтому, лишь когда Конану оставалось пройти три шага до ворот, они обратили внимание, что он и вправду собирается войти внутрь, а не пройти мимо стены. По их разумению, человек в таком виде мог войти во дворец принцессы только в кандалах, с охраной и только направляясь в дворцовую темницу. Копья стражников одновременно уперлись в грудь Конана.

— Проваливай, — огрызнулся один из них.

— Мне нужно увидеть Тарамис, — заявил Конан.

Они еще раз оглядели с ног до головы этого оборванного, покрытого слоем грязи наглого

верзилу, и на их лицах промелькнула презрительная усмешка.

— Тебе же было сказано...

Неожиданно в воротах появился Бомбатта, словно смерч раскидав в стороны обоих часовых. Солдаты отлетели к тяжелым створкам открытых ворот и, ударившись о них всем телом, рухнули на землю. Бомбатта стоял на их месте, зло глядя на Конана, сжимая в кулаке рукоять меча.

— И ты... ты еще осмелился прийти сюда! — Большой, сильный воин просто задыхался от гнева. — Где, на каком Девятом Небе Великого Зандру ты пропадал все это время?

— Просто моя лошадь испугалась верблюдов. — Конан, нагло улыбаясь, смотрел на Бомбатту. — А еще я решил промочить горло после такого-то денька.

Бомбатта заскрипел зубами.

— Иди за мной, — прошелестил он, поворачиваясь, чтобы проследовать внутрь дворцового двора. Стражники уже вновь заняли свои места, но он, обращаясь к кому-то за стеной,

крикнул: — Тогра! Замени этих шутов у ворот, чтобы духу их здесь не было.

Конан последовал за ним, но не стал торопиться, подстраиваясь под шаг Бомбатты, как какой-нибудь придворный слуга. Наоборот, он пошел не торопясь, словно не замечая напряженного лица Бомбатты, вынужденного сбавить скорость, чтобы не оставить Киммерийца одного внутри дворца.

Широкая, выложенная каменистыми плитами аллея вела от ворот к самому дворцу сквозь прекрасный сад с прохладными фонтанами и алебастровыми обелисками, превышающими высотой наружную стенку. Все вокруг было усажено диковинными, благоухающими растениями, привезенными из самых дальних стран, даже из Вендии и Зингары. В глубь зарослей уходили прогулочные дорожки; кое-где за кустами мелькали силуэты садовников-рабов, старающихся сделать эту красоту еще прекраснее.

Высокие резные колонны окружали сам дворец. За входом шла череда внутренних двориков, мощенных полированным гранитом,

в которые выходили изящные балконы, спрятанные в стены на таком уровне, чтобы оставаться в тени даже во время самого жестокого полуденного зноя.

Великолепные занавеси ручной работы прикрывали входы во внутренние коридоры, а под ногами расстилались прекрасные ковры из Вендии. Слуги обходили покой, зажигая позолоченные светильники, чтобы рассеять сгущающиеся вечерние сумерки.

Бомбатта шел все дальше и дальше, и Конан уже решил, что они пройдут весь дворец нас kvозь, как вдруг, войдя в очередной дворик, Бомбатта остановился, даже не оглянувшись, чтобы удостовериться, остановился ли Конан за ним. Вдоль стен двора стояли ряды каменных стел, на каждой был выложен мозаикой из алебастра, порфира и обсидиана какой-то символ. Некоторые из них были знакомы Конану по гадальным картам. Остальные были ему неизвестны, что, впрочем, мало его беспокоило. Между стелами группами стояли люди в оранжево-черных одеяниях с начертанными на них мистическими знаками

и изречениями разной степени сложности. Отдельной группой стояли те, кто носил одежды золотого цвета. Все взгляды обратились к вошедшему Киммерийцу. Его взвешивали, измеряли, прикидывали, оценивали.

— Человек по имени Конан, — объявил Бомбатта.

Конан даже не сразу увидел, что он обращается не к людям во дворике, а к Тарамис, стоящей на резном балконе и взирающей на всех них сверху.

Роскошная аристократка, так и не снявшая дорожного одеяния, вся пылала еле сдерживаемой яростью. Ее глаза сцепились с взглядом Конана. Принцесса ждала, что он отведет глаза, но Киммериец все так же спокойно глядел на нее. Наконец она раздраженно вскинула голову и приказала:

— Вымыть его и привести ко мне. — Не говоря больше ни слова, она ушла с балкона. Даже ее спина, казалось, выдавала всю ее ярость.

Однако ее чувства были не сильнее тех, что вскипели в Конане.

— Что? Вымыть меня? Я не лошадь! — прорычал он.

К его удивлению, лицо Бомбатты было не менее искажено гневом.

— Ванная здесь, вор, — процидил он, не разжимая зубов, показывая жестом Конану вновь следовать за ним.

Киммериец, мгновение поколебавшись, шагнул за своим нелюбезным провожатым. Конечно, неплохая возможность смыть с себя грязь, а тон, каким было сделано приглашение (или приказание!)... — на это не стоило обращать внимания.

Стены помещения, куда Конана привели на этот раз, были выложены мозаикой, изображавшей горные пейзажи со сверкающими быстрыми реками. В центре комнаты находился покрытый белыми керамическими плитками бассейн. Рядом с ним — жесткое ложе и маленький столик с флаconами с благовонными маслами. Четыре девушки в одинаковых белых одеждах с одинаково уложенными тугими темными косами встретили Конана. Над четырьмя парами глаз

взлетели ресницы, и четыре пары рук поднялись к губам, чтобы скрыть девичье хихиканье.

— За тобой придут, вор, — сказал Бомбатта.

Конан, с улыбкой глядевший на девушек, посерезнел и холодно сказал:

— Мне начинает нравиться твой тон.

— Да если бы ты только не был нужен...

— Не задерживайся, договорим потом. Я буду здесь всегда к твоим услугам.

Бомбатта дернулся к своему мечу, но, сдержав себя, вышел из комнаты, не добавив ни слова.

Все четыре девушки молча следили за обменом любезностями. Теперь, прячась одна за другую, они боязливо косились на Конана,

— Я не кусаюсь, — сообщил он им как можно вежливее.

Они нерешительно приблизились к нему, одновременно начав стягивать с него одежду и снаряжение.

— Мы думали, что вы будете драться с ним, господин.

— Бомбатта — отважный боец, господин. Опасный противник.

— Вы, конечно, почти такой же высокий, как он. Я даже не думала, что есть еще такие высокие люди.

— Но Бомбатта больше вас. Только не подумайте, я не сомневаюсь в вашей силе.

— Хватит вам, — засмеялся Конан. Его смех заставил их отскочить в разные стороны.

— Так, говорить по одной, понятно? Теперь послушайте меня. Первое: никакой я не господин. Второе: я прекрасно умею умываться сам. И третью: как вас зовут, хотел бы я знать.

— Мое имя — Ания, господин, — ответила самая стройная из девушек, — а это — Тафис, Анук и Лиела. Мы здесь, чтобы помыть вас, господин.

Конан оценивающе оглядел ее:

— А я-то думал, для чего-нибудь поприятнее.

К его удивлению, Ания густо покраснела.

— Это... это запрещено, господин, — проговоротала она. — Мы — жрицы Спящего Бога.

Со стороны ее подруг послышался тревожный шепот. Лицо девушки побледнело так же быстро, как покраснело минуту назад.

— Спящий Бог? Это еще что за птица?

— Пожалуйста, господин, — взмолилась Ания, — об этом нельзя говорить. Пожалуйста. Если вы расскажете кому-нибудь, меня... меня очень сильно накажут.

— Я буду нем как рыба, — успокоил ее Конан. Но как он ее ни упрашивал, больше ни она, ни ее подруги не произнесли ни слова, кроме как о его купании.

Он покорно позволил намылить себя и растереть мочалкой. Затем с него смыли пену, ополоснули проточной водой и растерли мягкими полотенцами. Настала очередь благовонных масел. И хотя Конан постарался избежать самых резко пахнущих снадобий, ему все равно казалось, что от него за версту несет благоуханиями, как от какого-то придворного щеголя.

Когда девушки одели его в рубашку и брюки из белого шелка, в комнате появился маленький, высокий, абсолютно лысый человек.

— Мое имя — Ярванеус, — сказал стари-
чок, слегка поклонившись, — я старший при-
дворный распорядитель ее высочества прин-
цессы Тарамис.

По его тону было понятно, что его положе-
ние все-таки несколько выше, чем у уличного
вора.

— Если ты готов, я отведу тебя к... — Он
прервал свою фразу, увидев, что Конан взял-
ся за ремень с ножами и мечом. — Здесь тебе
это не понадобится.

Конан лишь взглянул на него, а затем
спокойно затянул ремень, пристроив поудоб-
нее меч и кинжал. Он и вообще-то не любил
оставаться безоружным. И чем больше он
находился во дворце Тарамис, тем меньше ему
нравилась идея расстаться со своим мечом
именно здесь.

— Веди меня к Тарамис, — сказал он.

Ярванеус отчетливо произнес:

— Я отведу тебя к принцессе Тарамис.

Киммериец лишь жестом потопротил его,
всически показывая, что давно ушел бы сам,
если бы знал, куда нужно идти.

Сюрприз следовал за сюрпризом. Стари-
чок покинул его не в приемном зале, как
можно было бы ожидать. В этой комнате по-
золоченные светильники освещали стоявшую
в одном из углов огромную круглую кровать,
под покрывалом из белоснежного шелка. Мра-
морный пол покрывали толстые мохнатые
ковры вендинской и иранистанской работы.
В центре стоял низкий полированный медный
столик, на котором возвышался стеклянный
кувшин с вином и два кубка чеканного золота.
Тарамис, от шеи до пят затянутая в черный
блестящий шелк, сидела на полу, облокотив-
шись на подушки, разбросанные вокруг сто-
лика.

В комнате они были не одни. Четыре воина
в черных доспехах стояли по углам. Они были
без шлемов, а меч был укреплен у каждого за
спиной так, что его рукоятка виднелась из-за
правого плеча. Все четверо неподвижно гля-
дели перед собой, не шевеля ни одним муску-
лом, почти не дыша и не моргая.

— Мои телохранители, — сказала Тара-
мис, показывая на четверку, — лучшие воины

Бомбатты. Почти такие же сильные, как он сам. Но ты не волнуйся, они действуют только по моей команде. Вина?

Она легко приподнялась и наклонилась, чтобы наполнить кубки. У Конана перехватило дыхание. Там, где шелк одеяния Тарамис образовывал свободные складки, он был непроницаемо черным. Но стоило ему обтянуть поплотнее тело принцессы, как он становился почти прозрачным. При этом на Тарамис не было ничего под ее черным платьем. Когда она приблизилась к нему с кубком вина, Киммериец поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от ее высокой полной груди.

— Может, ты не расслышал, я повторю: если ты голоден — тебе принесут поесть, — в голосе женщины зазвучали веселые нотки.

Конан посмотрел ей в глаза и покраснел:

— Нет, нет. Спасибо. Я сыт.

Злой на себя, он аккуратно принял кубок из ее рук. Еще не хватало. Уставился, как мальчишка, никогда не видевший обнаженной женщины. Он прокашлялся и сказал:

— Я понял, что ты хочешь дать мне какое-то задание! Но я не смогу выполнить твое поручение, если не буду знать, в чем оно заключается.

— Значит, ты хочешь, чтобы твоя Валерия вернулась к тебе? — Тарамис приблизилась к нему вплотную. Ее грудь прижалась к груди Конана. Даже сквозь одежду его кожу жгло, словно к нему прижали два раскаленных угля.

— Я хочу, чтобы она вновь ожила.

Конан шагнул назад, поскользнулся на подушке (случайно, как сам он себя уверял) и растянулся на полу. Тарамис стояла над ним, дразня его взгляд линиями бедер, живота, груди. Конан даже не заметил легкой улыбки, пробежавшей по ее губам.

— Твое желание может быть исполнено, если ты выполнишь то, что я прикажу.

— Ты все еще не сказала мне, что я должен сделать, — Конану пришлось скрыть вздох облегчения, когда она отодвинулась от него и зашагала по комнате.

— У меня есть племянница, госпожа Джenna, — медленно заговорила Тарамис. — Она

всю жизнь прожила в одиночестве, как отшельница. Ее родители — мой брат и его жена — умерли, когда она только-только начала что-то понимать. Этот удар оказался слишком сильным для малышки. Теперь она... в общем, с ней нужно обходиться очень осторожно, ничем не тревожить. Но несмотря на все это, ей нужно совершить одно путешествие, и я хочу, чтобы ты поехал с ней.

Конан отхлебнул большой глоток вина.

— Я? А что, больше некому? — сказал он, когда снова смог говорить. — Я не приучен сопровождать аристократок. Это не та работа, которой я занимаюсь.

— Ты хочешь мне напомнить, что ты — вор. Но я вовсе не предлагаю тебе стать городским стражем, Конан. Я не настолько глупа. Но в этом деле мне нужен именно вор. Дженна должна украсть один Ключ. Только она может прикоснуться к нему, как и к Сокровищу, замок к которому отопрет этот Ключ. А кто лучше подходит, чтобы помочь ей в этом деле, чем лучший вор в Заморе?

У Конана голова шла кругом. Он осторожно поставил кубок на стол. Вино сейчас было бы излишним. Собравшись с мыслями, он стал неторопливо размышлять вслух:

— Итак, мне нужно поехать вместе с госпожой Дженной и помочь ей украсть какой-то заколдованный Ключ и Сокровище. Если за это ты возвратишь Валерию, я выполню все, что требуется. Но мне непонятно, почему бы ей не отправиться в путь со своей свитой и с сотней-другой твоих стражников, а не с одним вором в компании.

— Потому что в Свитках Скелов сказано, что она должна совершить это без свиты, — Тарамис резко оборвала фразу, даже закусив губу.

— Эти Свитки... — начал Конан.

— Пророчества, — ответила она, не давая ему говорить лишнего. — В них сказано, что нужно сделать и как. Выкинь их из головы. Все равно они написаны на древнем языке, известном сейчас только... только ученым людям. Так вот, там есть кое-какие неясности с числом спутников; только двое из них особо

оговорены. Я решила не рисковать и послать только тех, относительно чьей необходимости нет сомнений. Так выбор пал на тебя и Бомбатту.

Конан фыркнул и помянул недобрый словом древних авторов Свитков. Ехать вместе с Бомбаттой? Ладно, а устроить поединок можно будет потом или в пути, когда захочется.

- Где следует искать Ключ?
- Дженна покажет тебе.

— Лучше, если у меня будет карта и подробный план того места, где хранятся Ключ и Сокровище. И что это за Сокровище? Клад? Понадобятся ли нам выручные мулы или лошади, чтобы привезти его?

— Дженна сама все узнает, когда увидит его, мой милый воришка. И она сможет удержать его в руках. Только она и никто другой. Вот все, что тебе нужно знать. Карта? Нет никакой карты, кроме той, которая в голове у Дженны. При ее рождении были произнесены особые заклинания, настроившие ее внутренне на одну ноту с Ключом. Она будет его чувствовать во время пути и приведет вас к

нему. Когда Ключ окажется в ее руках, она точно так же настроится на Сокровище и поведет к нему.

Конан вздохнул. То, что от него кое-что скрывали, было неудивительно. Мало кто в мире согласился бы полностью довериться вору. Но дело от этого не становилось легче.

— Может быть, я могу еще что-то узнать и подготовиться к этому? Пойми, что слишком большие неожиданности могут погубить не только меня, но и твою племянницу.

— Дженне нельзя причинять никакого вреда, — отчеканила Тарамис.

— Я позабочусь о ее безопасности, но вряд ли я смогу быть очень полезен, ничего не зная о возможных опасностях. Если тебе известно что-нибудь еще...

— Ладно. Я... полагаю, что Ключ сейчас во владении человека по имени Амон-Рама, он родом из Стигии.

— Колдун, естественно, — вставил Конан, не ожидавший уже ничего другого.

— Именно. Колдун. Вот и все, что я знаю. Я желаю, чтобы это путешествие было

удачным, точно так же, а может быть, и больше, чем ты. Ты не испугался? Сможешь достойно встретить опасности? И помни о своей Валерии.

Его лицо напряглось при этих словах:

— Я сказал, что сделаю это. И я выполню то, что обещал.

— Отлично, — сказала Тарамис. — А теперь — еще одна деталь, более важная, чем все остальное, по крайней мере, для тебя. Через семь ночей звезды на небе будут в таком положении, которое бывает раз в тысячу лет. Именно в эту ночь я смогу вернуть тебе Валерию. Если к тому времени ты вернешься с Сокровищем и Дженной... — Подняв руку, она прервала негодующе задышавшего Конана. — Мои астрологи не могут найти ни Ключ, ни Сокровище. Но они уверены, что за оставшееся время возможно найти и то и другое.

— Это они тебе так говорят, — Киммериец невесело усмехнулся.

Он заглянул в свой кубок и вдруг разом осушил его. Час назад он очутился по колено в этой грязи — колдовстве, но все еще соблю-

дал осторожность. Теперь же он пробирался в нем по горло, да еще к тому же — в кромешной тьме.

Неожиданно по дворцу пронесся крик. Кричала девушка. Еще раз, снова и снова. Конан вскочил на ноги, схватившись за меч. Он заметил, как напряглись телохранители принцессы, и понял, что только его резкое движение стало причиной этого. Крики, казалось, не заставили бы их даже моргнуть глазом.

— Это моя племянница, — торопливо сказала Тарамис. — Дженну мучают кошмары. Сядь, Конан. Садись. Я вернусь, когда успокою ее.

И, к удивлению Киммерийца, принцесса Заморы выбежала из комнаты.

Тарамис не нужно было бежать далеко. Просто злость замедлила ее бег. Она уже думала, что с кошмарами покончено насовсем.

Ее племянница свернулась клубочком в середине кровати, нервно всхлипывая в

неясном свете луны, проникавшем через высокие узкие окна. Тарамис не удивилась, не обнаружив рядом с девушкой никого из прислуги. Все во дворце знали, что только она может справиться с ужасными видениями, мучившими Дженну. Принцесса наклонилась над постелью и положила руку на плечи девушки.

Дженна, вздрогнув, проснулась, увидела Тарамис и обхватила ее руками.

— Так это был сон, — всхлипнула она, — такой ужасный сон!

Дженне еще не исполнилось и восемнадцати, она была стройна и красива, но сейчас большие темные глаза были наполнены слезами, а полные губы все никак не переставали вздрагивать.

— Да, всего лишь сон, — Тарамис ласково гладила девушку по длинным черным волосам, — не больше, чем сон.

— Но я видела... видела, что...

— Тссс. Тихо, Дженна. Успокойся. Завтра тебе отправляться в путь. Нельзя, чтобы какой-то сон мог испугать тебя.

— Но мне действительно было так страшно.

— Тихо, малышка, спи.

Тарамис кончиками пальцев чуть сжала голову Дженны и запела что-то чуть слышно, почти про себя. Потихоньку всхлипывания затихли, прекратилась дрожь. Когда дыхание вновь стало ровным дыханием спящего человека, Тарамис встала. Уже сто раз она думала, что кошмары и воспоминания о них ушли навсегда. Но проклятый сон каждый раз напоминал о себе. Тарамис сжала голову руками. Дженна была той, о ком говорили Свитки, и это сейчас — самое важное. Ничего, на этот раз наверняка удалось отогнать кошмарный сон надолго. Наверняка. Всю жизнь Тарамис шла этим путем. С самого детства. Как только она стала осознавать себя, ее тетя, принцесса Элфайн, начала учить ее тем двум вещам, с помощью которых женщина может стать сильной: искусству обольщения и колдовству. Когда Элфайн умерла, Тарамис, которой не было еще и десяти лет, не появилась на церемонии погребения. Старшие думали, что ребенку просто стало невыносимо тяжело

от потери. На самом же деле она в это самое время обшаривала личные покой тети в поисках волшебных фолиантов и всяких магических штучек, собираанию которых Элфайн посвятила свою жизнь. Там-то она и нашла Свитки Скелов. В ближайшее же полнолуние она начала работу, которая длилась двадцать лет, а сейчас была близка к завершению.

Неожиданно она почувствовала, что в дверях комнаты стоит Бомбатта и смотрит в одну точку — на девушку в постели. Она быстро подошла к нему и взяла его за руки. Секунду он еще сопротивлялся, а затем позволил вывести себя в темный коридор.

— Так ты даже не считаешь нужным больше скрывать это? — сказала она с презрительным спокойствием. — Ты возжелал мою племянницу. Я все вижу. Так что не пытайся отрицать это.

Он, словно башня, возвышался над нею, но при этом переминался с ноги на ногу, как мальчишка, ждущий наказания от учителя. Наконец он промычал:

— Я ничего не могу с собой поделать. Ты — огонь и страсть. Она — невинность и чистота. Я ничего не могу поделать.

— И она должна оставаться невинной. Так сказано в Свитках Скелов.

На самом же деле Свитки вовсе не требовали от Дженны девственности. Речь шла о другой чистоте. Чистоте души. Она не должна была никому желать зла или предполагать, что кто-то может причинить ей боль. Ее жизнь в затворничестве помогала поддерживать ее в таком душевном покое. Но Тарамис поняла, что происходит с Бомбаттой, задолго до того, как он сам осознал, что с ним.

— Да, даже если бы и не эти Свитки, — сказала она ему, — ты — мой, и я не собираюсь делить то, что принадлежит мне. Ни с кем.

— Мне не нравится, что ты там наедине с этим вором.

— Наедине? — Тарамис рассмеялась. — Четыре твоих лучших стражника стоят наготове, чтобы охладить его или изрубить на куски, если он задумает причинить мне вред.

Мужчина что-то пробормотал про себя, и она нахмурилась:

— Говори так, чтобы я слышала, Бомбатта. Не люблю, когда от меня что-то скрывают.

Он долго молча смотрел на нее, сжигая взглядом, прежде чем заговорить:

— Я не могу избавиться от мысли о том, что этот вор смотрит на тебя, хочет тебя, быть может, даже прикасается к тебе...

— Ты, кажется, стал забываться. — Каждое слово вылетало словно острое лезвие.

Бомбатта отступил на шаг, а затем рухнул на колени, склонив голову:

— Прости меня. Но ведь этому Конану нельзя доверять. Он чужеземец, вор.

— Идиот! В Свитках ясно сказано, что Дженну должен сопровождать вор с глазами цвета неба. Другого такого в Шадизаре не найдешь, да и, пожалуй, во всей Заморе. А ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Будешь точно следовать предписаниям Свитков. Точно!

— Как прикажешь, — пробормотал он. — Я повинуюсь.

Тарамис погладила его по голове. В этом движении было не больше нежности, чем в поглаживании одной из борзых ее своры.

— Ну разумеется, Бомбатта.

Она чувствовала, что победа уже близка. Рог Дагота будет принадлежать ей. С ним она обретет истинную силу и бессмертие. Это чувство словно пронизывало ее. Ее руки вздрогивали на волосах Бомбатты. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Будь уверен, все будет так, как я говорю. А сейчас — отправляйся к себе и ложись спать, и пусть тебе снится твоя победа.

Неподвижно стоя на коленях, Бомбатта смотрел, как она уходит по коридору. Его обсидановые глаза поблескивали в темноте.

Конан вскочил, когда Тарамис вошла в спальню.

— Как твоя племянница? — спросил он.

— Ей лучше. Она спит.

Чувственная женщина лишь слегка приподняла руку и махнула ею в воздухе. Все четверо телохранителей вышли, не произнеся ни слова.

— А как ты, вор? Ты спишь или бодрствуешь? Уже поздно, а ты почему-то решил поговорить о моей племяннице.

От резких шагов разрезы ее одеяния распахивались, открывая взгляду ничем не прикрытую кожу.

Киммериец смотрел на нее с сомнением. С трактирной девушкой или даже с дочкой богатого купца вопросов бы не возникло, ведь она так себя. Но что касается принцесс — тут у него опыта не было.

— Да ты мужчина или нет? — рассмеялась она. — Или видение твоей несравненной Валерии вконец истощило твою мужскую силу?

Конан вспыхнул. Он знал, что бесполезно объяснять Тарамис, что стояло и стоит между ним и Валерией. Он не был уверен, что и сам окончательно разобрался в этом. Но в одном он был твердо уверен.

— Я мужчина.

Руки Тарамис взлетели к шее. Секунда — и черный щелк водопадом сбежал к ее ногам. Своим взглядом и полной наготой она бросала ему вызов.

— Докажи!

Не теряя времени на то, чтобы дойти до кровати, Конан повалил ее на пол и представил все необходимые доказательства.

Глава 5

Конан пристально смотрел в огонь маленького костра. Сухой верблюжий помет горел неярко и не привлек бы нежелательного внимания того, кто тоже оказался бы ночью посреди равнины Замора. Киммериец вспомнил другой, волшебный, огонь на камнях алтаря. Его беспокоило, что они проехали уже целый день, а Малак все не появлялся. Вообще-то Конан никогда не позволял себе уж очень рассчитывать на чью-либо помощь, но теперь он был более чем когда-либо уверен, что ему потребуется помочь Акиро. Не только во время их путешествия, но и после, когда настанет время исполнения обещания Тарамис. Да где уж, на каком Девятом Небе Великого Зандру провалился этот Малак!

Усилием воли он заставил себя отбросить бесполезные гадания и занялся рассматриванием своих спутников. Скорее, одного из них,

Бомбатта аккуратно наполнил серебряную чашу водой из одного из их кожаных бурдюков и протянул ее Дженне. С благодарной улыбкой она протянула руку из-под белоснежного плаща, накинутого на нее, чтобы защитить от ночного холода. Девушка оказалась совсем не такой, какую Конан ожидал увидеть, и он все никак не мог привыкнуть к этому. Тарамис говорила о своей племяннице как о ребенке, и он представлял себе девочку лет девяти-десяти, а не стройную девушку, двигавшуюся в своей свободной одежде с неосознанной грацией газели.

Конан неожиданно прервал общее молчание:

— Дженна, утром мы поедем в том же направлении?

— Госпожа Дженна, понял, вор? — почти рыча, поправил его Бомбатта.

Дженна вздрогнула, словно удивившись тому, о чём ее спрашивают. Ее глаза, похожие

на глаза молодого олененка, на мгновение остановились на Конане, а затем повернулись к Бомбатте. Ему и был адресован ответ:

— Более точно я смогу сказать завтра. А пока я знаю только одно: нам нужно ехать на запад.

К горам Карапаш, понял Конан. Не самое приветливое местечко, где недолго и пропасть навсегда, если не знать хорошенъко эти места или не взять проводника. На картах были нанесены лишь основные перевалы, использовавшиеся как торговые пути. А местные жители, хоть и не такие озлобленные, как горные племена Кезанкиана, вовсе не отличались хорошим отношением к чужестранцам. Они имели обыкновение улыбаться гостю, приветливо встречать его и лишь затем, улучив момент, втыкали ему нож промеж ребер.

Киммерийца не удивляло, что он не получил ответа сам. С самого их отъезда из дворца Тарамис, еще до восхода, она ни словом не перемолвилась с ним, весь разговор шел только через Бомбатту. Но, будучи мастером своего дела, он понимал, что для вора

нет ничего важнее информации. Поэтому он продолжил этот странный разговор:

— А как тебе удается узнать дорогу? Ключ сам притягивает тебя к себе?

— Ее не следует спрашивать, понял, вор? — вновь вскипел Бомбатта.

Где-то вдали завыл волк. Тяжелый, почти потусторонний звук, казалось, смешался с темнотой, пронизанной лунным светом.

— Что это, Бомбатта? — с любопытством спросила Дженна.

Человек со шрамами на лице бросил еще один уничтожающий взгляд на Конана, прежде чем ответить:

— Это такой зверь, малышка, что-то вроде собаки.

— А мы его увидим?

— Может быть, придется, малышка.

Конан тряхнул головой. Девчонка восхищалась всем подряд, ничего не зная о жизни в этом мире. Пустые улицы Шадизара, по которым они ехали к выходу из города, шатры караванов и спящие верблюды, стая гиен, следовавших за ними в течение полудня на

почтительном расстоянии, — все так радовало ее, зажигало искорки в глазах и служило поводом для множества вопросов Бомбатте.

— То, что мне не удается у тебя выяснить, может погубить нас, — продолжал убеждать ее Конан.

— Не пугай ее, вор! — процедил Бомбатта.

Дженна положила ладонь на скрывавшую руку воина кольчугу:

— Я не боюсь, Бомбатта. Мой добрый Бомбатта.

— Ну тогда скажи мне, как ты определишь, где искать Ключ. Или расскажи Бомбатте, если ты по-прежнему не хочешь говорить со мной.

Ее глаза обратились было к Конану, но затем остановились где-то на полупути между Киммерийцем и высоким воином в черных доспехах.

— Я не знаю точно, как я нахожу дорогу. Просто так получается. Как будто я здесь уже была, — она тряхнула головой и рассмеялась. — Конечно, я понимаю, что этого не может быть. Я ведь ни разу в жизни не покидала тетиного дворца вплоть до сегодняшнего утра.

— Если ты скажешь, куда нам нужно идти дальше, пусть даже приблизительно, я, наверное, смогу найти более короткий путь, короче, чем тот, по которому ты нас ведешь.

Вспомнив о том, что сказала Тарамис об особом расположении звезд, необходимом для оживления Валерии, Конан сжал в кулаке золотой амулет, висевший на его шее, и добавил:

— У нас мало времени.

Дженна в ответ еще раз тряхнула волосами и продолжила:

— Когда я вижу перед собой нужное место, я вспоминаю его. Но сначала мне нужно его увидеть.

Вдруг она рассмеялась и упала на спину, глядя прямо в звездное небо.

— А еще, я вовсе не хочу, чтобы наше путешествие закончилось быстрее. Я хочу, чтобы оно продолжалось как можно дольше.

— Нет, малышка, так не получится, — сказал Бомбатта, — нам нужно вернуться в Шадизар через шесть ночей.

Конан сделал все возможное, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица. Этого

еще не хватало. Его срок наступит через шесть ночей. Но Бомбатте нет никакого дела до воскрешения Валерии. Что же еще должно произойти в эту ночь?

— А теперь, девочка, тебе пора спать, — продолжил человек со шрамами, — нам рано в дорогу, ты должна хорошо отдохнуть.

Говоря это, он занялся приготовлением постели: убрал камни с земли и взрыхлил это место кинжалом.

— Бомбатта, ну пожалуйста, можно я еще немного посижу с вами? Здесь даже звезды не такие, какими я их видела из дворца. Они как-то ближе. Кажется, что до них можно почти дотянуть рукой.

Бомбатта молча расстелил на рыхлой земле одеяло.

— Ой, как здорово, — сказала она, ложась и прикрывая ладонью зевок, — мне так хочется все попробовать, все испытать.

Лишь только она легла, Бомбатта укрыл ее вторым одеялом. В его движениях была видна неожиданная нежность.

— Ты еще все увидишь, все испытаешь, я обещаю тебе, девочка. Но сейчас для нас самое важное — вернуться в Шадизар через шесть дней.

Положив голову на руку, Дженна что-то пробормотала, уже сквозь охватывающий ее сон.

Он любит ее, подумал Конан, глядя на то, как Бомбатта склонился над девушкой, — самый настоящий любовник.

Не будь Дженна настолько явно девственницей, он бы подумал, что Бомбатта и вправду ее любовник.

Встав, Бомбатта подошел к костру и стал забрасывать его землей.

— Я буду дежурить первым, вор, — сказал он. Не говоря больше ни слова, он вернулся к спящей Дженне и сел рядом с нею, скрестив ноги и положив обнаженный меч на колени.

Конан сжал зубы. Этот черный стражник усился между ним и Дженной: можно подумать, что он был главной грозящей девушке опасностью. Не спуская глаз с Бомбатты,

Конан лег на землю, не выпуская рукояти меча из рук. Он даже не стал укрываться одеялом. Куда более холодные ночи были ему не в диковинку, а вот одеяло могло на мгновение задержать его, случись срочно выхватить меч. А такое мгновение могло стать роковым, когда рядом противник с клинком, уже зажатым в руке. Но даже сквозь недоверие к Бомбатте в его голове закружилась еще одна мысль: что же должно произойти в Шадизаре через шесть ночей? Именно об этом он размышлял, когда сон наконец сморил его.

Солнце нещадно жгло трех всадников, движавшихся к западу по равнине Замора. Дженна поглубже натянула на глаза капюшон своего плаща, пытаясь найти прохладу в его тени, падающей на лицо. Она уже поняла, что Бомбатта был прав, сказав, что плащ защитит ее от палящих лучей. Она на пробу высунула руку из-под плаща и оставила ее на солнцепеке. Сильное жжение убедило ее в правоте

совета, но, даже избежав ожога, нельзя было спрятаться от самой жары. Это был как раз тот опыт, без которого, как она решила, впрочем можно было обойтись.

Впереди виднелась цепочка гор со снежными вершинами. Горы Карапаш. Они манили прохладой и влагой. Дженна облизала губы, даже не почувствовав на них влаги.

— Бомбатта, а эти горы... мы до них скоро доедем?

Он повернулся к ней, и вдруг девушку пробрало чувство страха перед этим человеком со шрамами, в черном шлеме, с потным пыльным лицом. Чушь какая-то, подумала она. Бояться Бомбатты? Ей, которая знала его с самого раннего детства? Конечно, глупости.

— Не так быстро, малыш. Завтра. Хорошо, если утром.

— Но они кажутся такими близкими, — возразила она.

— Это воздух равнины. Он сокращает расстояние. А на самом деле горы намного дальше.

Дженна хотела попросить воды, но вспомнила, как Бомбатта смотрел на бурдюки после того, как она попила последний раз. Сам он попил лишь дважды с тех пор, как они выехали утром. Затем ее взгляд упал на Конана, двигавшегося впереди. Северянин сделал лишь один глоток на рассвете и с тех пор даже не посмотрел на бурдюки с водой. А теперь он легко сидел в седле, одной рукой придерживая рукоять меча, устремив взгляд вперед и, похоже, не замечая, что солнце уже почти изжарило их заживо, даже не дойдя до зенита.

Какой странный юноша, подумала она. Он был не старше ее, это точно, но эти синие глаза принадлежали взрослому человеку, много повидавшему в жизни. Казалось, жажда совсем не мучит его, не ощущал он и палиющего зноя. Интересно, а может ли что-нибудь остановить его? Дождь, снег, ветер? Она слышала рассказы о снеге в горах, высоких-высоких, выше дворца. Нет, ей казалось, что его ничем не остановишь. Наверное, поэтому тетя и послала его с нею. Он, наверное, герой, переодетый или заколдованный принц, вроде тех, которых

она знала по сказкам, рассказанным ей служанками, когда тети не было рядом.

Она украдкой взглянула на Бомбатту и спросила:

— Он ведь красивый?

— Кто красивый? — ворчливо переспросил он.

— Конан.

Бомбатта резко повернулся к ней; на миг она снова испугалась.

— Тебе не следует думать о таких вещах, особенно о нем, — его голос был тверд, без единой капли нежности, с которой он обычно обращался к ней.

— Не волнуйся из-за меня, Бомбатта, — возмолилась она. — Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты сердился.

— Я... я тоже люблю тебя, Дженна. Я не сержусь на тебя. Просто... Не думай об этом воре. Выкинь его из головы. Так будет лучше.

— Я не могу не думать о нем, не видеть его, пока он едет с нами. И все равно, Бомбатта, я тебе говорю, что он красивый, как в сказках про принцев.

— Он не принц, — отрезал Бомбатта.

Дженна ощущала сильнейшее разочарование, но продолжала свои рассуждения:

— Ну и пусть. Зато он все равно красивый. Хотя мне его и сравнивать-то не с кем. Разве что с тобой да со слугами во дворце Тарамис. А среди них нет ни одного такого красивого. Вечно они кланяются, падают на колени, извиняются.

Лицо Бомбатты совсем помрачнело. Дженна стала лихорадочно обдумывать, чем она могла его обидеть.

— Ну, конечно же, ты тоже красивый, Бомбатта. Я вовсе не хотела сказать ничего другого.

Зубы воина явственно скрипнули:

— Я же сказал тебе — не думать об этом.

— Он выше ростом и крепче, чем любой из слуг или рабов. Он почти такой же большой, как ты, Бомбатта. А как ты думаешь, он такой же сильный? Наверное, Тарамис потому и послала его с нами, что он такой же сильный, как и ты, такой же храбрый и такой же настоящий воин, как ты.

— Дженна!

Она подпрыгнула в седле и уставилась на него. Никогда раньше он не кричал на нее. Никогда.

Он продолжал ехать, тяжело дыша, уперев одну руку себе в бок. Наконец он сказал:

— Этот Конан — вор, малышка. Всего лишь вор и ничего больше. У принцессы были свои причины, чтобы отправить его вместе с нами. Не мое и не твое дело спрашивать ее об этом.

Дженна закусила губу, осмысливая то, что только что узнала. Когда Тарамис сказала, что настал день путешествия, она была без ума от радости. Наконец-то она исполнит свое предназначение. Она найдет Рог Дагота и вернет его тете. Такое задание будет большой честью для нее. Но если Конан — вор, а Тарамис специально послала его с ними...

— Бомбатта, мы что, собираемся украсть Рог Дагота?

Он чуть не хлопнул ее по губам, прикрывая ей рот ладонью, а затем быстро взглянул

на Конана. Голубоглазый гигант спокойно ехал впереди на расстоянии, когда можно расслышать лишь крик. Судя по его неподвижной спине, Дженна решила, что ему абсолютно наплевать и на Бомбатту и на нее. Сама не понимая почему, она почувствовала, что его безразличие задевает ее.

— Дитя мое, — тихо произнес Бомбатта, — Тарамис же просила тебя не упоминать этого имени ни при ком, кроме меня и ее самой. И ты это знаешь. Это ведь наш секрет.

— Он не слышит нас. А я хочу знать, мы собираемся...

— Нет! — тон его голоса стал подчеркнуто терпеливым и спокойным. Таким он бывал только когда Дженна доводила его до белого каления. — Нет, Дженна. Мы не будем красть его. Ведь никто на свете не может прикоснуться к Ключу. Никто, кроме тебя, не может дотронуться до Рога. Никто во всем мире. Разве это не доказательство того, что мы берем свое. Так что твое предназначение — правое дело. Неужели ты сомневаешься во мне или в твоей тете?

— Ну конечно, нет, Бомбатта. Я просто... Но я и вправду не хотела причинять тебе беспокойство, я только...

Высокий воин вдруг пробормотал что-то злое и раздражительное.

— Что? Что случилось, Бомбатта?

Вместо ответа он пустил коня в галоп, настигая Конана.

Она посмотрела ему вслед и тоже заметила, что с севера по склону холма к ним быстро направляется человек верхом, ведущий на веерке еще одну лошадь. Когда он подъехал поближе, она рассмотрела, что это некрасивый худой человек маленького роста, в кожаной куртке и грязных кожаных штанах. Неожиданно она поняла, что, кроме ругательств, пробормотал Бомбатта. Он назвал имя этого человека. Его звали Малак.

Конан позволил себе улыбнуться, увидев скачащего по гребню холма Малака со второй оседланной лошадью, привязанной к первой

длинной веревкой. Перекинув из-под языка за щеку округлый камешек, который притуплял своей прохладой чувство жажды, он громко позвал своего приятеля:

— Эй, Малак!

— Эгей, Конан! — Рот маленького вора растянулся до ушей. — Ну и попотел же я, пока нашел вас. Ты же знаешь, я не следопыт, мы — люди городские, избалованные цивилизацией...

Словно смерч песка и камней, Бомбатта влетел в пространство между ними. Под его гневным взглядом улыбка мало-помалу сползла с лица Малака.

— Принцесса Тарамис подарила тебе жизнь. Почему ты не залег где-нибудь в свинарнике, чтобы отметить такую удачу?

— Я попросил его присоединиться к нам, — сказал Конан.

— Что значит — ты попросил? Да кто тебе дал право решать, кому принимать участие в путешествии? Принцесса Тарамис...

— Тарамис было нужно, чтобы я сопровождал Дженну, — прервал его Конан, — а мне нужен Малак.

— Я сказал, нет!

Конан глубоко вздохнул. Только спокойствие. Не надо ввязываться в драку с этим идиотом.

— Тогда поезжай дальше без меня, — сказал он даже хладнокровнее, чем сам ожидал.

Настала очередь Бомбатты задерживать дыхание, чтобы успокоиться. Его зубы заскрипели, когда он понял, что криком и запретами от Конана ничего не добьешься. С этим парнем где сядешь, там и слезешь.

— Есть вещи, о которых тебе, вор, не следует знать. Ты и госпожа Дженна должны следовать без посторонних.

— Тарамис сказала, что число провожатых не указано точно, — сказал Конан и с удовольствием отметил, как вытянулось в изумлении лицо его собеседника.

— Она тебе это рассказала?

Конан кивнул:

— Тарамис вовсе не нужно, чтобы наше дело провалилось. Поэтому она рассказала мне все.

— А, ну конечно, — медленно проговорил Бомбатта, но что-то в его голосе заставило Конана усомниться в своих словах. Может быть, от него и вправду что-то скрыли. Причем то, что не умалит шансы на успех путешествия, а сыграет свою роль лишь после него.

— Ну? — спросил Конан. — Малак едет с нами, или я отправляюсь с ним своей дорогой.

Ладонь Бомбатты сжала рукоятку меча так, что побелели костяшки пальцев.

— Можешь оставить этого маленького мерзавца. Но смотри не ошибись. Если из-за него с нами что-то случится — я вас обоих изрежу на куски и отдам собакам. И повежливей тут насчет принцессы и госпожи Дженны.

Натянув поводья, он галопом поскакал к Дженне, тревожно наблюдавшей за ними.

Малак тихо засмеялся:

— Не знаю, с чего я это взял, но мне кажется, что этот черный верзила недолюбливает меня.

— Ты пережил многих из тех, кто недолюбливал тебя. Переживешь и Бомбатту.

Конан посмотрел на запасную лошадь, шедшую на привязи вслед за конем Малака, и недовольно сказал:

— Жалкое зрелище.

Малак хихикнул:

— Это лучшее из того, что можно было украсть. Ничего, для Акиро сойдет.

— Ты разыскал его? Где он? У меня нет времени на долгие поиски.

— Недалеко. Сначала в том направлении, куда вы ехали, а потом — чуть южнее.

— Тогда поехали. Времени очень мало.

Малак пристроился позади Конана.

Киммериец привстал в седле и оглянулся, чтобы убедиться, что Бомбатта и Дженна следуют за ними. Все в порядке — они тоже двинулись в путь, но почему-то все время поддерживая довольно большую дистанцию. Быть может, Бомбатта не хотел, чтобы пыль из-под копыт передних лошадей мешала девушке, а скорее всего, ему просто не хотелось ехать рядом с Конаном. Впрочем, Киммерийца это

мало занимало, если бы не желание время от времени оглянуться и посмотреть на Дженну.

Так они и ехали. При этом Малак все время буравил взглядом спину друга и наконец, не выдержав, сказал:

— Слушай, Конан. А что это вы там говорили про какие-то причины, из-за которых я должен или не должен быть здесь? Что такого особенного рассказала тебе Тарамис?

— Я все время ждал, когда же ты спросишь, — усмехнулся Конан и подробнее посвятил приятеля в суть дела. По крайней мере, он рассказал ему обо всем, что касалось поиска Ключа и Сокровища. Кое-что, сказанное принцессой в его объятиях, молодой Киммериец оставил при себе.

Когда он закончил, Малак грустно покачал головой:

— А я-то думал, что все дело упрется в сложности с оживлением Валерии. Эх! Послушал бы ты меня! Все, что я скажу, — предельно просто. Даже ты, надеюсь, сможешь понять. Сдается мне, что мы слишком далеко залезаем в эти колдовские штучки. А ты, ко-

всему прочему, еще и поверил колдунье: считаешь, что тебе все принесут на блюдечке, как обещано. Когда очередное заклинание убьет тебя, или еще чего похуже, — помяни мои слова.

Он еще что-то пробормотал себе под нос, и Конан узнал молитву Белу, шемитскому богу воров.

— Не так все плохо, как тебе кажется, — сказал Киммериец.

— Не плохо! Ты еще скажи, что все здесь нормально. Девчонка с картой в голове — это тебе не черная магия? Какой-то волшебный Ключ, охраняемый неведомо кем. Потом — волшебный клад, на котором своими задницами сидит еще парочка волшебников, а то и похуже. Не многовато ли даже для такого безрассудного парня, как ты? Послушай меня. Я знаю в Аренжунае трех сестриц. Девочки — пальчики оближешь. Ждут не дождутся, когда я приеду. Готов уступить тебе двоих. Выкинем этот Шадизар из головы, словно и не слышали о нем никогда. Тарамис в жизни не найдет нас в Аренжуне,

даже если ей и придет в голову, что мы там. Ну, что скажешь? Махнем в Аренжун! Договорились?

— А Валерия? Мне и ее выкинуть из головы? Нет, поезжай, если хочешь, в Аренжун один, Малак. Я там уже бывал и не вижу смысла и повода снова появляться в этом городе.

— Значит, поедешь дальше? Независимо от того, как поступлю я?

Конан кивнул, а маленький вор, закрыв глаза, пробормотал еще одну молитву — Киали, иранистанской богине удачи.

— Ладно, — сказал он, подумав, — я поеду с тобой, Киммериец. Но только за то, что ты отдашь мне свою долю тех камешков. Бизнес есть бизнес.

— Ну разумеется. Я всегда знал, что ты — настоящий друг.

— Да-да, конечно, — Малак подозрительно взглянул на Конана, словно проверяя, не было ли во фразе Киммерийца иронии. Ничего не определив, он сказал, чтобы заполнить паузу:

— По крайней мере, во всем этом есть одна положительная сторона.

— Какая же?

— Как? Ты не понял? Мы же оказались лучшими ворами в Шадизаре, а это значит — во всем мире. Этот ваш колдун, Амон-Рама, поймет, что в его владениях кто-то побывал, когда мы уже будем далеко от него, на пути назад.

Глава 6

Не единожды эта гора выбрасывала из своих недр пламя и камни. Тысячу лет назад случилось последнее извержение, потрясшее землю на сотни лиг вокруг, разрушая города, уничтожая царства и королевские династии. Небо покернело от пепла, а затем гора преподнесла еще один сюрприз: огонь сменился снегом. В течение долгих лет зелень весны и блеск льда заменяли здесь летний зной. Жители Карапашских гор называли эту гору горой Смерти и считали, что их души будут похищены темными силами, стоит лишь ступить ногой на эту гору.

В том последнем титаническом извержении половина горы исчезла, оставив после себя большой овальный кратер с глубоким озером

на дне. Две стороны гигантской впадины представляли собой вертикальные стены, в сто раз превышавшие человеческий рост. Две других были пологими склонами. У подножия одного из них, на самой кромке озера, стоял дворец, который видела лишь одна пара человеческих глаз.

Дворец возвышался словно огромный драгоценный камень, сверкающий бесчисленными гранями. Стены, башни, купола — все искрилось и переливалось на солнце. Нигде не было видно ни единого камня. Казалось, что огромная игрушка вырезана из цельного горного алмаза, ограненного в виде дворца.

В центре этого хрустального дворца находилась огромная комната с высоким сводчатым потолком. Зеркала стен были скрыты за длинными золотыми занавесями. В центре зала стоял прозрачный постамент, на котором покоялся камень, краснее красного, драгоценный кристалл, горящий и сверкающий так, словно кровь и огонь соединились в одно целое и плотно спрессовались, чтобы создать его.

Амон-Рама, бывший член Черного Кольца Магов Стигии, подошел поближе к тонкой прозрачной колонне. Алые одеяния складками с его плеч до самого пола. Его лицо было лицом хищника. Нос больше походил на клюв орла. Десять тысяч черных заклинаний затмили последние искры света в его глазах. Похожие на кleşни, его руки скользили вокруг камня. Но колдун был осторожен и внимательно следил, чтобы не задеть магический камень. Сердце Аrimана. При каждом взгляде на пылающий красный огонь сердце колдуна наполнялось ликованием.

Когда его бывшие соотечественники узнали, что в его руки попало Сердце Аrimана, они исключили его из Черного Кольца. Ибо существовали такие магические предметы, которых боялись даже черные маги. Они не рисковали выпускать на волю скрытые темные силы, не зная точно, смогут ли они их удержать в повиновении. Он же не боялся ничего. Теперь ему некого было опасаться. Самим фактом обладания Камнем Сердца он стал выше всех своих врагов и соперников.

Они были бы рады разделаться с ним, но знали его силу и опасались сокрушительного ответного удара, если их атака не удастся.

Его пальцы нашли нужное положение с двух сторон от Камня, и он начал нараспив читать заклинание на каком-то древнем, давно умершем языке: А'бат маа'бак удамай мор'аас. А'бат маа'бак, а'бат маа'бак кафа'ар.

Хрустальные стены дворца задрожали, войдя в резонанс с вибрациями слов. С каждым звуком мерцание Сердца Аrimана становилось все реже, а свет все бледнел. Все меньше рубина и крови, все больше малинового, алого — и вот камень стал совершенно прозрачным, а в его глубине показался горный пейзаж. По склону одного из холмов двигалось несколько точек.

Амон-Рама прищурился, присматриваясь к неясным силуэтам. Всадники. Девушка и трое мужчин, еще две запасные лошади. Пальцы чуть изменили свое положение, и девушка заполнила весь шар.

Колдун зло ухмыльнулся. Да, это она. Та, которую он ждал столько лет. Она, которая могла дотронуться до Сердца Аrimана. Женщина из Шадизара хотела использовать ее в своих целях. Ей не откажешь в дерзости, еще бы — рискнуть использовать само Сердце Аrimана в своем колдовстве, да еще и без ведома самого Амон-Рамы. Но этот камень — он скрывал в себе такие силы, какие ей и не снились. И как только к нему в лапы попадет девчонка, та самая, о которой говорилось в Свитках, — он, только он получит доступ ко всем этим скрытым могучим силам. А уж там он разберется, что стбит использовать, а что лучше не трогать. А Тарамис, — что ж, он даже сохранит ей жизнь, сделав рабыней, целующей ему ноги. Но это потом, а пока...

— Ну, иди ко мне, девочка, — шептал он, — приведите ее ко мне, мои храбрые воины.

Его пальцы снова закружились вокруг Камня, его губы вновь забормотали заклинания на неведомых языках.

Эти таинственные слова сгорали в воздухе словно живые, корчась от боли. А вместе с ними бился, кипел в агонии и магический кристалл. Сердце Аrimана горело ярче и ярче. Кровавый свет пульсировал и отражал тень волшебника от всех зеркальных стен. Казалось, что в комнате находятся двадцать, пятьдесят, сто человек в одинаковых мантиях. И все они продолжали петь магические гимны, глядя во все более яркий рубиновый огонь волшебного Камня.

Ощущение спешки крепло в Конане с каждым шагом его коня в направлении Карапашских гор. Все ближе и ближе к взметнувшимся склонам. Но нужно свернуть, чтобы найти Акиро, а времени совсем нет. Каждый час, потраченный на розыски колдуна, был потерян для поисков Ключа, явно находившегося где-то впереди, в горах. Значит, останется еще меньше времени, чтобы найти Сокровище и вернуться с ним в Шадизар. Каждый час

промедления грозил часом опоздания, тем самым часом, которого не хватит, чтобы вернуть Валерию.

— Здесь, Конан.

Киммериец обернулся, услышав оклик Малака, но не притормозил лошадь.

— Акиро, — сказал Малак, показав рукой в нужном направлении. — Нужно свернуть здесь. Мы же собирались... Я думал... А может, наплевать на него, а?

Конан остановился в нерешительности. Нахмурив брови, он смотрел то на близкие уже горы, то на юг. Нет, на Акиро ему было не наплевать. Но и медлить тоже нельзя.

Бомбатта и Дженна остановились на расстоянии от призадумавшихся приятелей. Пряди красивых волос Дженны сбились ей на лоб, но, ничего не замечая, она все так же глядела вперед, на серые вершины у горизонта.

Черный воин утер пот со лба:

— Ну, что там еще? Почему ты остановился, варвар?

Челюсти Конана сжались, но он ничего не ответил. Он лишь хлопнул со всего размаха

по крупу выночного мула. Время! Совсем нет времени. А стоя тут, он терял его и вовсе бездарно, не разыскивая старого мага и не продвигаясь к горам. Но какое же решение будет правильным?

— Да проклянет тебя Эрлик, варвар! Мы уже почти дошли до гор. Нужно поторапливаться. Нам нужен Ключ! Давай двигай живее!

Малак прервал тираду Бомбатты:

— Ну что, Киммериец? Будем искать Акиро? Клянусь ногтями Огуна, я лично понятия не имею, что делать.

Взрыв проклятий вырвался из горла Бомбатты:

— Еще кто-то? Ты что, всю окрестную шаль решил собрать, варвар? Тарамис может считать тебя очень важной персоной в нашем деле, но я считаю, что ты подвергаешь всех смертельной опасности. Один лишний человек может нарушить исполнение пророчества! Тебе есть хоть какое-то дело до этого? Или ты просто тянешь время? Может, ты струсиł, ты, жалкий варвар с севера?

Он закончил, наполовину вынув саблю из ножен. Его глаза налились кровью.

Конан окинул его ледяным взглядом. Хватит. Довольно он выслушал окриков и оскорблений. Наступил предел терпению. Его ответ был прост и прям:

— Вынимай меч, Замориец. Обнажи оружие и умри. Я и один смогу довести Дженну до Ключа и вернуться в Шадизар.

Вдруг Дженна галопом ворвалась в пространство между ними. К их общему удивлению, ее глаза горели нешуточным гневом.

— А ну, прекратить! Я обоим приказываю! Вам сказано сопровождать меня, а вы сцепились, как голодные псы из-за кости.

Конан осталбенел, не веря своим глазам и ушам. Если бы мышь набросилась на стаю котов, он бы, наверное, не так удивился.

Бомбатта так и застыл с отвисшей челюстью. Когда Дженна замолчала, его рот захлопнулся, но с таким же звуком и его сабля вошла в ножны.

— Мы сейчас же продолжаем наш путь в горы, — сказал он ей хмуро.

Конан, стараясь сдержать свои эмоции, скжав свои чувства в кулак крепче, чем рукоять меча, молча повернул коня на юг.

— Так нельзя! — возмутилась Дженна. Маленький кулачок изо всех сил ударили по луке седла. Царственное величие девушки бесследно исчезло, словно дым на ветру. — Конан! Мы же решили, что идем туда, куда ведут я. Мы же договорились!

Конан со вздохом повернулся к ней:

— Дженна, мы сейчас не играем во дворцовом саду. Я делаю то, что считаю нужным, а не то, что нужно по правилам игры.

— А я думала, что все это очень похоже на игру. Что-то вроде огромного лабиринта. Только ты почему-то не хочешь больше играть.

— Это и есть лабиринт. Только за каждым поворотом нас может поджидать смерть, а не приятный сюрприз.

— Нет, так не бывает! Так нельзя! — Было видно, что такой оборот дела совершенно неожидан для девочки. — Моя тетя говорила, что это — мое предназначение, что это

обязательно нужно сделать. Но она никогда бы не отпустила меня, если бы это было опасно.

— Ну конечно, нет, — медленно сказал Конан, глядя ей в глаза. — Дженна, я дойду с тобой до Ключа и Сокровища. А потом мы вместе вернемся в Шадизар. Я сделаю все, чтобы тебя миновала любая опасность. Но сейчас тебе следует ехать за мной. Нам всем может очень понадобиться человек, которого я ищу.

Дженна нерешительно кивнула:

— Ладно. Я поеду с тобой.

Конан вновь повернул коня на юг. Малак и Дженна последовали вплотную за ним. На некотором расстоянии двигался бурчащий проклятия Бомбатта.

Прекратилась пляска теней в зеркальном зале. Погас ярко-алый свет, лишь привычно мерцало кроваво-красным Сердце Аримана.

Амон-Рама, чуть пошатываясь, отошел от прозрачного пьедестала. Его узкое лицо стало

еще уже, и без того бледная кожа совсем посерела. Колдовство на расстоянии отбирает много сил. Следовало отдохнуть и подкрепиться, прежде чем продолжать.

Жаль, конечно, что заклинания, на которые потрачено столько сил, не сработали.

К тому же не удалось посмотреть, чем закончилось все там, на равнине. Сердце Аримана не могло одновременно служить магическим кристаллом и источником силы. Амон-Рама понимал, что не девчонка помешала заклинаниям. Она, конечно, отмечена судьбой, но не имеет никакого представления о реальном колдовстве. Вся ее жизнь подчинена одной цели, и колдовство никак не увязывалось с ее чистотой и непорочностью.

Значит, остаются эти люди, сопровождающие ее. Они, конечно, тоже не волшебники. Он бы почувствовал вибрации встречных заклинаний. Любой сильный талисман, способный защитить от заклятия, он тоже увидел бы при первом же взгляде сквозь волшебное зеркало Камня. Оставался лишь один ответ — каким бы неправдоподобным он ни

казался. Один из них — один из двух воинов — обладал невероятной, непостижимой силой воли.

Черный маг зловеще улыбался. Неплохо. Железная, алмазная воля? Что ж, отличное дополнение к подарку. Девчонка, которая может управляться с Сердцем, и железная воля, отобранная у сопровождающего ее воина.

Но сначала — хорошая еда, крепкое вино и глубокий сон. Амон-Рама покинул зеркальный зал. Сердце Аримана угрожающе тлело на своем прозрачном пьедестале.

Глава 7

Кроваво-красное солнце уже коснулось вершин гор, но палящий зной все не ослабевал. Обливаясь потом, четверо всадников продолжали путь на юг. Бомбатта всю дорогу продолжал проклинать Конана и все подряд. Но делал он это негромко, себе под нос, и Киммериец не особо прислушивался к сопровождавшим его имя эпитетам. За любое из этих оскорблений он был готов убить кого угодно, но, решив для себя, что Дженнэ не нужно видеть смерть, он предпочел отложить выяснение отношений.

— За тем холмом, Конан... — неожиданно разорвал тишину Малак. — Селкет меня побери, если обитель Акиро не окажется там. Конечно, если меня не обманули в Шадизаре.

— Ты уже трижды говорил это, — раздраженно сказала Дженна.

— Госпожа, даже такой специалист, как я, имеет право на ошибку. Но на этот раз, уверяю вас, все будет без обмана.

Из-под копыт лошадей покатились камни, когда всадники направили их вверх по склону. Киммериец начал сомневаться, имеет ли Малак хоть малейшее представление о том, в какой стороне может находиться Акиро. Забравшись на вершину холма, он громко воскликнул:

— Ханнуман меня подери!

— Попридержи язык при Дженне, — гаркнул Бомбатта, но, подъехав к тому месту, где стоял Конан, сам прохрипел: — Вот так дермо Великого Эрлика!

Перед их глазами и вправду оказалась обитель Акиро — грубо сложенная из камней и глины хижина, наполовину врытая в склон. Ее хозяин, маленький желтолицый человечек, был привязан за руки и за ноги к столбу перед входом. Ветки, положенные у основания столба, весело потрескивали огоньком. Три человека в развевающихся, как крылья, белых одея-

ниях стояли спиной к наблюдателям на холме и, глядя в разгорающийся костер, читали какие-то таинственные заклинания. Еще две дюжины одетых в грязные лохмотья, немытых, нечесаных людей восторженно кричали, потрясая копьями, издавая одобрительные крики, за спинами белокрылых фигур.

— Вообще-то Акиро и мне не очень нравился... — осторожно начал Малак.

— Он нам нужен. — Ответ Конана был краток и ясен. Он молча повернулся к Бомбатте, и тот прочел в глазах Киммерийца немой вопрос.

— Нет, варвар. Если это и есть тот человек, из-за которого мы проделали такой путь, то теперь это твои личные проблемы.

— Почему вы что-то обсуждаете, вместо того чтобы помочь несчастному человеку там внизу? — разозленно спросила Дженна.

— Мое дело — охранять тебя, дитя мое, — ответил Бомбатта. — Неужели ты думаешь, что я потащу тебя туда, поближе к этим дикарям, или оставлю здесь, где поблизости могут шляться их приятели.

Малак влез в разговор, обратившись к Конану:

— Мы, кстати, еще можем махнуть в Аренжун.

— Вперед, Малак, к Акиро.

Меч Конана легко скользнул в его руки; закатное солнце блеснуло красным светом по всей длине лезвия. Пришпорив коня, Конан полетел вниз по склону.

— Да поможет мне Донар, — закатив глаза, простонал Малак вслед Киммерийцу, — надо думать, эти ребята знают свое дело, раз смогли скрутить колдуна.

Бормотча молитвы еще полудюжине богов, Малак отвязал приготовленную для Акиро лошадь и поскакал вслед за другом.

Молча, без боевого клича, Конан ворвался в группу оборванцев с копьями. Их завывания и причитания заглушили даже стук копыт приближающегося коня. Стоявшие кучкой разлетелись в разные стороны. Лишь немногие, собравшись с мыслями, повернули копья в сторону незнакомца. Но Конан не стал тратить на них ни секунды. Троица, продолжав-

шая самозабвенно петь свою абракадабру, интересовала его больше. Несомненно, они творили какое-то колдовство, которое следовало немедленно остановить, чтобы спасти Акиро.

Стоявший в центре рухнул под копыта коня Конана со стоном и с треском ломаемых костей. Киммериец не испытывал никаких угрызений совести, напав сзади, без предупреждения. Это был не рыцарский поединок, а маленькая война; эти люди собирались расправиться с его другом, и он должен был остановить их так, как мог.

Человек справа выхватил из-под складок одежды кинжал. Киммериец невольно содрогнулся от ужаса: его противник оскалил рот, зубы в котором были сточены каким-то инструментом в форме клыков. А под этой мерзкой пастью висело ожерелье из высушенных человеческих рук. Маленьких, детских ладошек.

Первым звуком, который издал Конан с того момента, как бросился вниз по склону, стал крик ярости, раздавшийся вместе с ударом меча, вошедшим в эту оскаленную пасть. Руки жертвы поднялись к лицу, словно пытаясь

удержать разваливающиеся кости черепа. Кровь фонтаном била сквозь растопыренные пальцы, покрывая кровавыми пятнами белоснежное одеяние.

Больше у Конана не было времени, чтобы рассмотреть этого колдуна, или кем там он еще был; его третий приятель, похоже, сам куда-то исчез. Но шок, заставивший остановить толпу их спутников, прошел, и теперь они были готовы рассчитаться с дерзким незнакомцем.

Первое направленное на него копье Конан перехватил за середину, проткнув в следующий момент мечом горло державшего его человека. Древком он отбил другое копье, одновременно перерубив мечом еще одно. Схватив обрубок, он изо всех сил ткнул наконечником в лицо одному из нападавших. Стальной треугольник вошел в череп точно между глаз.

Трои противников погибли в мгновение ока. Остальные отступили. Конечно, они могли просто задавить его численным превосходством, но при этом многим суждено было умереть. Понимая это, никто не хотел лезть вперед. Они нервно передвигались, то прячась

за спины друг друга, то выступая вперед; на их лицах ясно был виден страх, смешанный со стыдом за эту трусость.

Осторожно, не сводя глаз с медленно приближающихся противников, Конан слез с коня. Преимущество длинных и легких копий будет сведено на нет в ближнем пешем бою. Кроме того, их следовало лишить последнего преимущества, не считая их численного превосходства: права напасть первому. Конан присмотрел слабейшее место в надвигающейся цепи и подготовился к броску.

Вдруг рядом с его плечом пролетел огненный шар, вонзившийся в голову одного из наступавших и взорвавшегося с треском разрываемых костей.

Несмотря на все свое самообладание, Конан подпрыгнул на месте. Затем он оглянулся. За костром стоял кривляющийся, грибасничающий, как клоун, Малак. Рядом с ним Акиро, во все еще дымившиеся кожаных штанах и закопченной коричневой тунике, молча щевелил губами, читая какое-то заклинание. Сухие, словно покрытые пергаментом, руки

совершали непонятные движения. Вдруг раздался хлопок ладоней на уровне груди, и между ними возник еще один огненный шар. Этот плод магии проделал тот же фокус с еще одной жертвой. Двух трупов с дымящимся обрубком вместо головы вполне хватило, чтобы охладить пыл наступавших и обратить их в бегство. Их крики долго еще доносились из сгустившихся вечерних сумерек.

— Мерзкие, полудохлые, вонючие верблюды! — кричал им вслед Акиро. Его седые волосы и длинные усы просто стояли дыбом от гнева. — Я их проучу, еще внуки их внуков будут со страхом произносить мое имя. Я заморожу кровь в их жилах, а их кости превращу в мягкий студень.

— Акиро, — окликнул его Конан. Малак внимательно слушал продолжающуюся череду проклятий, даже повторяя кое-что про себя, чтобы лучше запомнить.

— Я напущу на них чуму на десять поколений вперед. У них вся скотина передохнет, все посевы сгниют. Да у них у самих яйца отсохнут и зубы повыпадают!

— Акиро, — вновь обратился к нему Конан.

Желтолицый старик погрозил кулаком в сторону бежавших обидчиков.

— Они заявили, что я прогневал их богов. Богов! — он состроил презрительную гримасу и сплюнул. — Убогие шаманщики, они не могли придумать себе ничего поприличнее. Я им сказал, что если они принесут в жертву еще хоть одного ребенка, то я обрушу молнии на их мерзкие головы, и, клянусь Девятой Степенью Великой Силы, я это сделаю!

— Может, у тебя не получится? — съехидничал Малак. — Я имею в виду, что пока что они умудрились связать тебя и даже частично поджарить. Может, тебе лучше оставить их в покое?

Акиро внимательно присмотрелся к хитрой физиономии Малака и покровительственно заметил:

— Тебе нечего бояться, Малак. Твоим мужским достоинствам ничто не угрожает. Надеюсь, та гримаса, которую ты сотворил, выражает глубочайшее уважение к

собеседнику, не так ли? Ну, тогда я расскажу, что случилось. Эти три шамана, называющие себя жрецами, ухитрились наложить на меня заклятие, пока я спал. Заклинание, к слову сказать, было весьма простеньким, но оно позволило мерзким последователям мерзейшего культа навалиться на меня всей компанией и связать. Со связанными руками я не мог проделать ни единого магического жеста. Они засунули мне в рот кляп, — тут он остановил рассказ, чтобы сплюнуть, — и я не мог произнести ни единого заклинания. А потом эти ублюдки решили принести меня в жертву своим богам. Какие там боги! Я им покажу богов! Я сам стану страшным демоном в их пантеоне, даже раньше, чем отправлюсь на тот свет. Я им... Эта девушка? Что она здесь делает?

Конан вздрогнул. Он решил, что лучше дать старому волшебнику возможность спустить пар, прежде чем о чем-то говорить. Но внезапная смена тона голоса и темы разговора застали его врасплох. В следующий миг он сообразил, что Бомбатта наконец спустился с

холма с Дженной. Их силуэты едва вырисовывались в предвечерней мгле, и даже Конан, с его кошачьим ночным зрением, едва ли смог бы определить в одном из них женщину, если бы не знал об этом заранее.

— Она невинна, — тихо сказал Акиро; при этом Малак усмехнулся:

— Ты хочешь сказать, что отсюда видишь, что она еще никогда...

— Придержи язык, Малак! — оборвал его стариk. — Это не имеет ничего общего с плотской девственностью. Тут дело в душе, и вот это-то и страшно.

— Страшно? — воскликнул Конан. — Это, конечно, не то, что я выбрал в жизни, но что уж тут страшного?

Акиро вздохнул:

— Такую чистоту надо беречь, как оберегают детей, лишь постепенно знакомя их с миром, чтобы они не стали легкой жертвой зла. Редкий случай, чтобы такая чистота сохранилась естественно. Обычно этих детей оставляют расти специально для каких-нибудь колдовских целей.

— Тот самый случай, — пробормотал Конан, нахмурившись. На достаточном расстоянии от хижины Бомбатта помогал Дженнे слезть с лошади. Черный воин встал между нею и кровавым зрелищем, не давая ей увидеть следы сражения.

— Валерия, — произнес Акиро, заставив Конана вздрогнуть.

— Она — одна из причин того, почему я пришел к тебе.

— Подожди.

Акиро скрылся в своем жилище. Звуки, доносившиеся оттуда, свидетельствовали об усердных поисках. Когда он появился вновь, в его руках оказался маленький флякончик из полированного камня, запечатанный воском.

— Это для Валерии.

— Я не понимаю.

Акиро поджал губы и стал накручивать усы на пальцы.

— Я долго думал об этом, Киммериец. Я бросал Кости Судьбы, читал по звездам, таскал карты К'фара — все для того, чтобы найти нужный ответ на мучающий тебя вопрос.

— Меня больше ничего не мучит, Акиро. По крайней мере...

— Не перебивай меня. А если говоришь, говори правду. Иначе я не смогу помочь тебе. Жизнь Валерии слишком тесно переплелась с твоей жизнью. Она была для тебя и любимой женщиной, и товарищем по оружию. А крепче этих двух связей ничего быть не может. Поэтому, даже погибнув, она вернулась на миг из Царства Теней, чтобы спасти тебя. Киммериец, такая сильная связь между жизнью и смертью может быть очень опасна. Валерия сама обрубила бы ее, если бы знала об этом. Но есть знание, недоступное и жителям Царства Теней.

— Акиро, я не собираюсь разрубать эту связь. Я пришел не за этим.

— Послушай меня, ты, упрямый северянин. Ты не выберешься из этой западни, полагаясь только на свой меч. И я вижу твою судьбу, если ты не одумаешься. Об этом говорят и карты, и кости, и звезды. Все вспоминают об одном. Ты умрешь заживо. В один прекрасный день ты окажешься между жизнью и смертью, но не имея возможности попасть как в мир живых,

так и в мир ушедших. Только забвение может спасти тебя. Мне пришлось здорово поломать голову и потрудиться над снадобьем в этом флаконе. Оно вычеркнет из твоей памяти Валерию, не оставив ничего связанного с нею, никакого следа. Поверь мне, Киммериец: если бы она знала, какой выбор стоит перед тобой, Валерия сама бы поднесла к твоим губам этот соус. Она была не из тех, кто избегает трудных решений.

— А если бы Валерия могла вернуться? — тихо спросил Конан. — Не на миг, как тогда, а чтобы прожить то, что ей было суждено, если бы она не прикрыла меня от смерти в тот раз. Что тогда, Акиро?

Волшебник долго молчал, прежде чем ответить. Его взгляд упал на Дженну, и он, не торопясь, разомкнул губы:

— Я думаю, что первым делом нам надо убрать трупы, чтобы девушке можно было подойти. Затем надо хорошенеко поесть. Лично мне нужно изрядно подкрепиться, чтобы выслушивать дальше то безумие, которое ты собираешься обрушить на мою голову.

Глава 8

Конан сидел на склоне холма, прислонившись к дереву. Он смотрел на горы, покрытые снегом, и вспоминал о том, что произошло вчера. Он не знал, что делать с этой женщиной, с которой он провел ночь. Ее имя было Валерия, и Конан знал, что это имя не имеет никакого отношения к тому, что она сделала с ним. Он знал, что она не хотела причинять ему вреда, но это не меняло факта, что она сделала с ним то, что он не хотел бы никому в мире сделать.

Старый колдун не отвязался от Конана, пока тот не взял флакон и не положил его в мешочек, висевший у него на ремне. Его настойчивость куда-то исчезла, когда Конан с Малаком стали перетаскивать трупы за дом. Акиро пробормотал что-то невнятное про больную спину и старые кости, хотя под слоем его жира можно было нашупать еще очень крепкие мускулы. Бомбатта опять отказался покинуть Дженну и не подпустил ее поближе, когда она захотела рассмотреть, что великан Киммериец и его малорослый приятель таскают за дом старика, на другой склон холма.

Акиро уже сообщил, что ему необходимо поесть, а теперь он изобразил из себя

умирающего от голода. Кролики, пойманные им этим же утром — с помощью самых обычных силков, безо всяких заклинаний, — были выпотрошены и обжарены на огне; полкорзины мелких коринтийских апельсинов появились из-за дверей жилища Акиро. Наконец последние кости были обглоданы и последние апельсиновые очистки брошены в огонь, обрисовавший золотистый круг перед дверью хижины. Бомбатта достал точильный камень и занялся приведением в порядок лезвия своей кривой сабли. Малак решил пожонглировать тремя апельсинами, чем привел в неописуемый восторг Дженну, несмотря на то, что поминутно ронял один из них.

— Ничего, это — составная часть фокуса, — сказал воришко, в четвертый раз поднимая апельсины с земли, — это все для того, чтобы остальные мои штучки производили еще большее впечатление.

Акиро дотронулся до руки Конана и кивком головы предложил отойти. Они растворились в темноте так тихо, что, похоже, никто не обратил на это внимания.

Когда они отошли на такое расстояние, чтобы их голоса не услышали сидевшие у костра, Акиро повернулся к Конану и сказал:

— Ну, а теперь расскажи мне, как ты собираешься оживить Валерию?

Конан изучающе смотрел в лицо толстенькому человечку, хотя в этой темноте едва ли можно было рассмотреть что-либо, кроме неясных теней. Колдуны все делали не так, как нормальные люди, вечно они себе на уме, даже самые приличные из них. Хотя мало кого из их рода можно было назвать более или менее приличными или добрыми. Даже Акиро, с которым Конану довелось попутешествовать вместе, оставался для него загадкой. Но, в конце концов, разве можно хоть одному колдуну доверять полностью?

— Тарамис, — начал Конан, — обещала мне вернуть Валерию. Не как призрак, не как живой труп, а живую. Какой она была.

Колдун помолчал немного, подергивая себя за ус, а затем сказал:

— Я не думал, что в наши дни есть кто-то, у кого хватит знаний и могущества, чтобы

совершить это. Менее всего я ожидал, что такой силой обладает принцесса Заморы.

— Думаешь, она лжет?

Акиро покачал головой:

— Может быть, и нет. В древних рукописях сказано, что Мальтанеус из Офира прошел такое тысячелетие назад. Еще, быть может, Ахмад Аль-Рашид, еще за тысячелетие до этого. Быть может, настало время для следующего чуда оживления умершего.

— Значит, ты веришь, что Тарамис может сделать это, раз она говорит так?

— Конечно. Хотя Мальтанеус был величайшим белым магом с тех пор, как было разрушено Великое Братство Правой Руки, еще во времена Агерона. А Ахмад Аль-Рашид трижды, как говорят, получил благословение от самого Митры.

— Слушай, что ты скажешь, как обезьяна с ветки на ветку? Можешь ты хоть раз прямо ответить на вопрос?

— Я могу сказать только, что такое было сделано в прошлом. Еще я могу сказать, что Тарамис, вероятно, способна сделать

это. — Он помолчал, а потом тихо спросил: — С какой стати она будет делать это для тебя?

Как можно более кратко Конан рассказал, почему он оказался в роли сопровождающего Дженны, о Ключе и Сокровище, а также о том, что времени осталось в обрез.

— А, стигиец, понятно, — заметил Акиро, когда Конан закончил. — Говорят, что нет народов без хотя бы капли доброго в их душах, но я в своей жизни не встречал ни одного стигийца, которому можно доверять хотя бы на грош.

— Он, должно быть, сильный волшебник. Чересчур могущественный для тебя.

Акиро ответил коротким смешком:

— Не пытайся подзадоривать меня. Ты еще мальчишка. А я этих колдунов перевидывал на своем веку.

— Мне кажется, что ты мог бы быть нам очень полезен в дороге, Акиро.

— Я уже слишком стар, чтобы шататься по горам, Киммериец. Пойдем лучше к огню. Ночи здесь холодные, а у костра можно погреть старые кости. — И, не дожидаясь реакции юноши, колдун зашагал к своему дому.

— По крайней мере, Бомбатта будет спокоен. Он боится, что Малак или ты нарушите какое-нибудь предписание пророчества Скелов.

Акиро так и застыл, даже не опустив занесенную для очередного шага ногу. Медленно-медленно он повернулся к своему молодому собеседнику и шепотом переспросил:

— Скелы?

— Ну да, Свитки Скелов. В них сказано, что и как нужно делать, чтобы эта затея выгорела. По крайней мере, так утверждает Тарамис. А ты знаешь, кто такие эти Скелы?

— Братство волшебников, которые умирали сотни лет назад, — рассеяно ответил Акиро. — Они написали много томов, изложив на папирусе и пергаменте свои тайные знания. Теперь эти рукописи найти не легче, чем девственницу в Шадизаре. Так ты говоришь, у Тарамис есть Свиток Скелов?

— Ну, ссылается она на него постоянно. Наверное, она не врет. Эй, куда ты?

Акиро направился к дому с такой скоростью, которая могла поставить под сомнение

правдивость его жалоб на слабое здоровье. Обернувшись, он бросил через плечо:

— Ты говоришь, что времени мало. Вот и я думаю, что выехать надо еще до рассвета. А перед этим мне нужно отдохнуть.

Конан, улыбаясь, шел за ним и думал, что лучшим капканом иногда становится тот, который ты даже не собирался ставить.

Вернувшись, Конан обнаружил, что Дженна сидит у костра и дремлет, Бомбатта все возится с точилом, бросая уничтожающие взгляды на нагло храпящего Малака. Храп и вправду был на редкость немелодичен и противен. Из хижины доносилось невнятное бормотание Акиро. Конан разобрал лишь отдельные слова: «Я должен поспать... старые кости... Осел, объевшийся гороха...»

Вдруг в дверном проеме показалось недовольное лицо Акиро. Его взгляд остановился на Малаке, а губы зашевелились. Храп прекратился в мгновение ока. Маленький воришка с воплем вскочил, боязливо оглядываясь. Акиро не было видно. Нерешительно, держась одной рукой за горло, Малак снова

растянулся на земле. Вскоре его дыхание стало глубоким и ровным, но уже никак не громче, чем потрескивание веток в костре. Через несколько минут раскатистый храп послышался из хижины.

— Он поедет с нами? — поинтересовалась Дженна.

— Да. Мы выезжаем еще до рассвета.

— Туда, куда я скажу?

— Именно туда, как договорились.

Конан чувствовал на себе ее взгляд, который приводил его в непривычное смущение. Он знал, как обращаться с бесстыжими трактирными девицами, с молоденькими женами старых купцов, с пьяной проституткой и страстной дочкой из аристократической семьи. А эта девушка была больше, чем просто девственницей. Непорочная и невинная — так описал ее Акиро. Конан был готов признать точность определения. Но кое-что не укладывалось в эти рамки.

— Слушай, — обратился к ней Конан, — тогда, когда мы с Бомбаттой сцепились там, на холме, ты так изменилась, по крайней

мере, на миг твой голос стал похож на голос Тарамис, да и вся ты была так похожа на нее.

— Да, в эти мгновения я и была Тарамис. — Его глаза широко открылись, и она поспешила добавить: — Ну, не на самом деле. Просто мне не хотелось, чтобы вы продолжали ссориться, и я представила, что я — моя тетя, принцесса, а вы — двое слуг, повздоривших из-за чего-то.

— Я не слуга, — резко сказал Конан.

Дженна выглядела удивленной:

— Почему ты обиделся? Ты служишь моей тете и мне. Бомбатта же не обижается, что он слуга моей тети.

Шуршание точильного камня по стали прекратилось, но двое у костра не обратили на это внимания.

— Он может кланяться кому угодно и столько, сколько захочет. Я нанимаюсь, прощаю свою силу, умение, удары своего меча. Все это на день, на десять. Но я не раб и не слуга никому — ни мужчине, ни женщине, ни богам.

— Вот это да! — восхищенно сказала девушка. — Я так рада, что ты поехал со мной. Я не помню, когда мне удавалось хоть парой слов перекинуться с кем бы то ни было, кроме тети, Бомбатты или моих служанок. Ты — совсем другой, и с тобой интересно. Да и весь мир, оказывается, совсем другой. Небо, звезды и много-много открытого пространства.

Он смотрел в ее карие глаза и чувствовал себя на сто лет старше нее. Такая милая девушка, такая красивая — и полная невинности, полное непонимание того, какие чувства она может вызывать у мужчины. Чтобы что-то ответить, он начал рассказывать:

— Это открытое пространство, тут, где мы находимся, — очень опасное место. В горах еще опаснее, даже если не брать в расчет колдуна из Стигии. Вообще-то это место не для тебя.

— Это мое предназначение, — сказала она просто, услышав в ответ фырканье.

— С чего ты взяла? Так написано в Свитках Скелов?

— Я была отмечена при рождении. Смотри.

Прямо перед остолбеневшим Конаном она расстегнула ворот своего платья и опустила его, открыв грудь почти до самых сосков. Симпатичные игрушки для мужских ладоней, подумал Киммериец, у которого просто перехватило дыхание.

— Видишь? — спросила Дженна. — Вот здесь. Этот знак на мне с рождения. Он описан в Свитках, значит, боги сами выбрали меня.

Действительно, в ложбине между грудей он увидел родинку — четкую восьмиконечную звездочку, не большие ногтя размером, словно нарисованную по линеечке.

Вдруг сверкающая в огне костра сталь рассекла воздух между ними.

— Не смей дотрагиваться до нее, вор. Никогда! — прохрипел Бомбатта.

Конан открыл было рот для неподобранного разговора, но вдруг понял, что его рука и в самом деле уже потянулась к девушке. Изогнутый клинок повис прямо перед его пальцами, словно он собирался дотронуться до сабли. Злясь на самого себя, Конан

встал, лишь посмотрев в глаза черному воину.

Взгляд Дженны переходил с одного из них на другого. Было видно, что в ее глазах кружатся новые, совершенно непривычные для нее мысли.

— Уже поздно, — спокойно сказал Конан. — Лучше всем лечь спать. Завтра мы выезжаем очень рано.

Бомбатта свободной рукой помог девушке подняться, все еще держа перед ней саблю, словно щит. Дженна еще раз бросила взгляд на молодого Киммерийца, но позволила Бомбатте уложить себя на одеяло, не говоря ни слова. Как и прошлой ночью, Бомбатта сел около нее, как страж.

Проклиная всех и вся, Конан завернулся в свое одеяло. Вот ведь дурь какая, думал он. В мире полно женщин, а он позволил заморочить себе голову какой-то девчонке, которая даже не понимает, что делает. Она же совсем ребенок, несмотря на свои годы. Он уснул, и во сне ему виделось сверкающее в темноте тело Тарамис и всплывали картинки прове-

денной с нею ночи. Иногда на месте Тарамис оказывалась Дженна. В общем, такой сон не прибавил Конану много сил.

Темнота ночи повисла над Шадизаром, и скрытые занавесями коридоры дворца Тарамис были пустынны, когда она шла по ним, выйдя из спальни. Единственный звук нарушал тишину: шуршание ее шелкового платья по полированному мрамору пола. В тот зал, куда она направлялась, днем наведывались жрецы и астрологи, ноочные визиты, которые становились все более частыми, она совершила в одиночестве.

В углах помещения тускло горели светильники. Свет, исходивший от них, был так слаб и бледен, что мог бы сойти за лунный. Пол в зале был выложен отполированным до зеркального блеска мрамором. Резные алебастровые колонны поддерживали высокий свод потолка, выложенного ониксом с инкрустацией из сапфиров и алмазов, изображавших

ночное небо. Звезды на этом небе располагались так, как они на самом деле располагаются раз в тысячу лет.

Под этим искусственным небом в центре зала стояло ложе из красного мрамора, отполированного волосами девственниц. На нем лежала алебастровая статуя, изображающая мужчину с закрытыми глазами, вполовину больше любого живого человека и более красивого, чем любой смертный. Лишь одно нарушало совершенство: посреди широкого лба статуи зияла круглая дыра шириной с ладонь и глубиной с половину человеческого пальца.

Тарамис медленно подошла к ложу и встала в ногах статуи. Взгляд скользил по алебастровой фигуре, дыхание замерло, пересохло в горле. Много мужчин было в ее жизни. Первого она долго выбирала в шестнадцать лет. На выбор каждого следующего уходило все меньше времени. Мужчин она знала едва ли не лучше, чем свой родной дворец. Но что, если стать... любовницей божества?

Она сбросила с себя одежду и, обнаженная, припала к ногам статуи. Ничего подобно-

го Свитки Скелов от нее не требовали. Но ей хотелось большего, чем обещалось в древних рукописях.

Прижимая лицо к холодному алебастру, она шептала:

— Я — твоя, о Великий Дагот.

Какой-то импульс подтолкнул ее пойти дальше, чем когда-либо до этого она позволяла себе. Покрывая каменные ноги поцелуями, она медленно двинулась выше, не оставляя ни одной точки, не обласканной ее горящими губами, пока не оказалась лежащей на статуе, как она легла бы на мужчину. Дрожащими пальцами она посмела прикоснуться к каменному лицу.

— Я твоя, о Великий Дагот, и вовеки буду твоей, — снова и снова шепотом повторяла Тарамис. — Когда ты проснешься, я возведу в твою честь храмы выше святилищ всех других богов. Но я буду больше, чем твоей жрицей. Божественная плоть соединится с моей, я буду хранить себя от всех мужчин, оставаясь только твоей. Я буду восседать по правую руку от тебя, и только твоей милостью я буду

повелевать жизнью и смертью других. Вновь тебе начнут приносить жертвы, вновь склонятся перед тобой народы. Я клянусь, что все так и будет, о Великий Дагот, я клянусь своей душой и своей плотью.

Неожиданно у нее перехватило дыхание в груди. То, на чем она лежала, было все таким же твердым камнем. Но сегодня от него шло тепло живого тела. Не решаясь поверить, боясь, что это лишь отражение ее собственного тепла, Тарамис провела руками по прекрасным плечам и опустила их на широкую каменную грудь. Сомнений не было — камень излучал тепло.

Это ощущение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Неестественная быстрота изменения рассеяла последние сомнения женщины. Ее бог дал ей знак. Ее предложение будет принято. Она получит свою награду. Улыбаясь, она погрузилась в дурманный сон, так и оставшись на прекрасной алебастровой статуе Спящего Бога.

Глава 9

Конан прищурился, рассматривая пляшущие перед ним тени. Солнце еще не поднялось целиком над горизонтом, поэтому тени были огромными: они доставали до подножия лежащих впереди первых горных отрогов — гигантских отвесных скал, без намека на какой-либо проход или перевал.

— Дженна? — вопросительно окликнул он девушку.

Большего говорить не требовалось. Все молча обозревали местность, и даже обычно спокойная девушка нервно нахмурилась.

— Нам сюда, — настойчиво сказала она. — Я знаю, мы едем правильно. Прямо вперед. Я уверена.

Конан пришпорил коня. Что бы там впереди ни оказалось — это было лучше, чем бесконечный путь в ожидании.

Он присмотрелся к обрывам, тянувшимся далеко влево и вправо от них. Не меньше пятидесяти шагов в высоту — это в самых низких местах. Кое-где — раз в десять повыше. Тонкие вертикальные расщелины и трещины нарушали местами монолитность стены, но нигде до горизонта не было видно ничего похожего на проход внутрь.

Сам Конан, конечно, смог бы забраться по стене обрыва. Случалось ему встречать стены и повыше и поровнее в его родной Киммерии. Ловкий и проворный Малак тоже одолел бы подъем. Бомбатта — возможно. Но Акиро был, конечно, не скалолаз. А что касается Дженны, то единственное, что смогло бы поднять ее наверх, были крылья. Крылья? Конан задумчиво хмыкнул. А что, если Акиро сможет с помощью каких-нибудь колдовских штучек поднять себя и девчонку наверх, пока остальные доберутся туда более привычным способом?

Вдруг нечто более реальное привлекло его внимание. Прямо, говорила Дженна. И именно точно впереди он увидел узкую трещину, ведущую в глубь обрыва, теряясь из виду на резком повороте в пятидесяти шагах впереди. Конан понял, что едва ли может рассчитывать на счастье, что эта кишка не окажется их дорогой. К сожалению, двигаться придется именно по ней. Да, лучше было бы разжиться крыльями.

На лицах своих спутников Конан увидел те же чувства. Даже Бомбатта состроил подозрительно недовольную физиономию в ответ на вопросительный взгляд Киммерийца. Малак тут же бросился поминать всех известных ему богов разом. Лишь Дженна казалась уверенной, как никогда. На всякий случай Конан спросил:

— Сюда?

Она кивнула головой.

— Тогда я поеду первым, — сказал он, вынимая меч из ножен. — Малак за мной, затем Акиро с выночной лошадью. Потом Дженна. Бомбатта прикрывает нас сзади. — Черный воин кивнул, тоже вынимая свой клинок из

ножен. — Посматривайте наверх, — закончил Конан, понимая, что толку от последнего совета было мало. Что они смогут сделать, начни кто-нибудь швырять сверху камни или еще что похуже, — Конан понятия не имел.

— Пылающие зубы Шакуру! — с тоской сказал Малак. — А ведь мы могли бы уже быть в Аренжуне.

Ничего не ответив, Конан въехал в открывшийся проем. Остальные последовали за ним. Небо сузилось до узкой голубой полоски между каменными стенами. Казалось, что день, не начавшись, вновь обернулся сумерками. Иногда щель между стенами едва давала пройти лошади. Серые камни чуть-чуть не касались колен всадников.

Так они и ехали, поворачивая, крутясь, возвращаясь, так что вскоре только инстинкт подсказывал Конану, что они все же двигаются на запад. Солнце стояло уже прямо над головой, отбрасывая причудливые тени на стены ущелья.

Конан вдруг резко потянул на себя поводья.

— Что там еще? — хрюкло спросил Бомбатта.

— У тебя что, носа нет? — поинтересовался Киммериец.

— Горелое дерево, — сказал Акиро.

— Точно, — согласился Конан. — И побольше, чем костер.

— Что будем делать? — спросил Малак.

Конан лишь рассмеялся, а потом ответил:

— Угадай! Все просто: поедем вперед и посмотрим, что там горит.

Еще три поворота узкого коридора — и они оказались по ту сторону хребта, на открытом пространстве. Правда, к неудовольствию Конана, они попали прямо в середину большой деревни, пристроившейся у самого склона. Жалкие лачуги связывали пыльные тропинки, которые никак нельзя было назвать улицами. За крайними домами поднималось с десяток столбов дыма. Несколько детей возились в пыли вместе с тощими собаками. Их старшие товарищи, такие же грязные, как и малыши, если не хуже, с удивлением и тревогой уставились на незнакомцев.

— Накинь капюшон, Дженна, — тихо сказал Конан.

— Но мне будет жарко! — запротестовала она. Тогда Бомбатта молча сам накинул ей на голову белый треугольник и натянул его ей поглубже на глаза.

Конан кивнул. Чужеземцы могли нарваться на неприятности, даже просто проезжая через деревню; еще более вероятны были эти неприятности, если местные жители обнаружат в их компании красивую молодую девушку.

— Ни в коем случае не останавливаться. Ни под каким предлогом, пока не выберемся из деревни, — сказал Конан и, положив меч поперек седла, поехал вперед. Остальные последовали за ним в том же порядке, что и раньше.

— Послушай, Малак, — обратился Акиро к маленькому вору, — если тебе даже что-нибудь понравится в этой дыре, постарайся ничего не воровать.

— Я? — Руки Малака потянулись было к корзине с финиками, но вовремя убрались обратно. — О, прекрасная грудь божествен-

ной Фидессы, я что, по-твоему, совсем дурной?

Подозрительные взгляды провожали их. Одни оценивали лошадей и снаряжение, другие пытались проникнуть под плащ Дженны. Но людей было малоевато для такой деревни. Лишь проехав почти до конца деревни и увидев перед собой те самые дымные пепелища, Конан понял, что большинство жителей деревни собрались здесь, привлеченные жестоким зреющим.

Шесть солдат в кожаных нагрудниках и шлемах с красным крестом стояли широким кругом, опираясь на копья, вокруг женщины, сжимавшей в руках деревянный шест, длиннее ее самой, а толщиной в два пальца. Кожа цвета полированного черного дерева выдавала, что ее родина лежит далеко-далеко на юге. Полоска ткани на небольшой груди и вторая, едва ли чуть пошире, — вокруг бедер, — вот и вся одежда, прикрывавшая сильное тело. Толстая веревка, завязанная на одной из щиколоток, удерживала ее в шаге от вбитого в землю кола.

— Эти люди — не солдаты Заморы, — сказала Дженна. — Разве мы уже вышли за границу Заморы? По-моему, нет.

Конан подумал, что сейчас — не лучшее время для лекции по поводу ситуации в приграничных землях. Солдаты носили доспехи одного из городов-государств Коринтии. Горы на границе Коринтии и Заморы обе стороны объявляли своими. Местным жителям приходилось сполна платить налоги тем, чьи солдаты добирались до их деревень. В остальное время они плевать хотели на свою принадлежность тому или иному государству.

Чернокожая женщина сделала шаг, чтобы ощутить веревку и нащупать узел. При этом она не спускала глаз с окружающих ее солдат. Стоило ее пальцам коснуться узла, как один из них сделал выпад вперед, пытаясь уколоть ее копьем. Женщина отскочила, насколько ей позволяла веревка. Шест в ее руках закрутился, как живой. Солдат отскочил в другую сторону с довольным смехом. В это время другой попытался со спины достать ее острием копья. Ей удалось увернуться и от этого

укола. Но третий все же зацепил ее наконечником.

— Что она сделала такого, чтобы заслужить эти издевательства? — спросила Дженна.

Один из толпы зрителей зло бросил ей в ответ:

— Она — бандит. — Человек изогнулся, пытаясь заглянуть под капюшон. Конан сжал рукоять меча покрепче. — Мы схватили и другого. Его мы замучили не торопясь. А потом пришли солдаты. Теперь нам самим до нее не добраться.

— Да, они уж займутся ею в свое удовольствие, — сказал другой человек, тоже попытавшийся рассмотреть лицо девушки и фигуру. — Только зря они рискуют. Не стоило ей этот шест отдавать. Она им убила двух человек, а потом чуть не смылась.

— Бомбатта, — сказала Дженна, — ты должен остановить их. Что бы она ни сделала, эти люди не имеют права так обходитьсь с нею. Они пришли из Коринтии, а эта земля принадлежит Заморе.

— Бандиты и воры заслуживают смерти, — хриплым голосом ответил Черный воин. — А сейчас — время ехать дальше.

Девушка подъехала к Конану и, заглянув ему в лицо, спросила:

— А ты тоже ничего не сделаешь?

Конан глубоко вздохнул. Обстановка накалялась с каждой минутой. Все больше глаз, повернувшись к нему, придилично оценивали стоимость их вещей и оружия, прикидывали и то, сколько можно получить на рынке за девчонку, окажись она симпатичной. В другой ситуации все это было бы неприятно, но не так опасно. А сейчас жители деревни, разгоряченные кровавым зрелищем, озлобленные нападением разбойников, лишь искали повода, чтобы сорвать злость. И повернуться к ним спиной, ничего больше не сделав, означало дать им этот повод.

— Приготовились, — тихо скомандовал Конан.

— Да хранит нас Бел, — забормотал молитву Малак, пока Конан пробирался сквозь толпу.

Возбужденные зрители неохотно расступались перед конем. Приветственно кивнув солдатам, он въехал в их круг. Они переглянулись, не понимая, чего хочет этот незнакомец. Конан поднял меч.

— Не порти удовольствие, не убивай ее! Дай повеселиться, — раздались отдельные возгласы. Чернокожая женщина стояла с шестом в руках, недоверчиво глядя на Киммерийца.

Конан улыбнулся ей, надеясь, что будет понят. Меч взлетел и опустился, перерубив веревку у самой ноги. Их глаза встретились. На лице девушки не дрогнул ни один мускул. Ни капли страха, восхищенно подумал Конан.

— Что он сделал? — закричал один из солдат. — Он что, убил ее? Мне отсюда не видно.

Небрежно и неторопливо Конан выехал из круга, провожаемый подозрительными взглядами. Прежде чем он присоединился к своим спутникам, черная женщина воспользовалась подаренным ей шансом. Ее шест засвистел в воздухе, вращаясь с неимоверной скоростью. Она бросилась в атаку.

— Поехали, живее, — прокричал Конан.

Конец шеста разорвал горло одного из солдат прежде, чем они успели сообразить, что их пленица освободилась от привязи. Затем деревянное орудие, отскочив от шлема, неожиданно ударило второго солдата под колени, сбив с ног. Еще один выпад копьем был отбит, а шест вонзился в лицо второй жертвы.

Толпа с криками расступилась перед мечом Конана, описываяющим круги в воздухе, и перед его всхрапывающим конем. Бомбатта перехватил поводья Дженнны, хотя она и сопротивлялась, что-то крича Конану, который не слышал ее из-за общего шума, и показывая рукой в сторону сражающейся женщины.

Тroe солдат в считанные мгновения пали жертвами страшного в этих маленьких черных руках оружия. Тroe оставшихся остановились в нерешительности. Разящий шест взлетел над головой чернокожей девушки, и она издала пронзительный воинственный крик. Троица, переглянувшись, пришла к общему решению: покинуть поле боя как можно скорее. Еще один, победный, крик вырвался из ее груди, и девушка бросилась вдогонку своим обидчикам.

Конан зло перехватил поводья лошади Дженнны. Она хотела что-то сказать, но Киммериец пустил животных таким бешеным галопом, что ей оставалось только покрепче ухватиться за луку седла, чтобы не свалиться на землю.

Жители деревни грозили им вслед кулаками, то тут, то там в воздух поднималось копье или ржавый меч, но никто не сделал ни малейшего усилия, чтобы догнать удаляющихся всадников.

Только когда деревня скрылась за поворотом долины, Конан притормозил лошадей и вернул девушке поводья.

Она выхватила их из его рук и, задыхаясь, спросила:

— Почему мы оставили эту женщину там, в деревне? Она...

— У нее теперь куда больше шансов, чем час назад, — буркнул Конан. — И вообще, мы приехали сюда, чтобы спасать разбойников или искать Ключ?

Ему стоило немалых усилий сдержать гнев: эта дура так и не поняла, какой опасности она подвергала всех их.

Цокот копыт вдали заставил Бомбатту разжать зубы:

— Коринтийцы. Они, конечно, не забудут сообщить о нас в своем рапорте начальству.

Акиро прикинул:

— Они наверняка забудут упомянуть о чернокожей девушке. Зато нас окажется в несколько раз больше. Еще бы, одно дело — быть разбитыми большим отрядом вооруженных людей, и совсем другое — потерпеть поражение от одной женщины.

Дженна переводила взгляд с одного из говорящих на другого.

— Мы все равно должны были сделать это, — упрямо твердила она. — Эта женщина не заслужила издевательств и пыток.

— Куда дальше? — спросил ее Конан, с трудом сдерживая себя.

Дженна махнула рукой вдоль долины. Ну что ж, подумал Киммериец, по крайней мере, не назад к деревне. В дальнейший путь они отправились в полном молчании.

Глава 10

Долина, по которой они ехали, плавно перешла в другую, та — в следующую, а та — в узкий извилистый каньон, дно которого было загромождено большими валунами и обломками скал. Карапашские горы нависали над ними: высокие пики блестели снежной белизной, более низкие вершины покрывали пятна выжженных солнцем рощиц и зарослей кустов.

Конан посмотрел на солнце, стоявшее на полпути к закату, и прикинул, сколько осталось времени. Всего три дня, а они не нашли пока что даже Ключ, не говоря уже о Сокровище. А вернуться в Шадизар надо не позже ночи третьего дня... Конан до боли сжал в руке золотой амулет.

Малак догнал ехавшего вперёди всех Киммерийца и сообщил:

— За нами кто-то едет, Конан.

Тот кивнул:

— Я знаю.

— По-моему, он один, но он уже довольно близко.

— Значит, надо отсоветовать ему следить за кем попало, — сказал Конан. — Ты и Акиро останетесь с девушкой. И не приближайтесь ко мне. Я сам вас догою.

Он натянул поводья и подождал, пока с ним поравнялся Бомбатта.

— За нами кто-то едет, — сказал он человеку со шрамом.

— Я слышу, — ответил тот.

— Надо бы убедить его отстать. Попробуем вдвоем?

Бомбатта бросил полный сомнения взгляд на Дженну и с явной неохотой утвердительно кивнул.

Остальные, не давая неизвестному повода насторожиться, последовали дальше, не останавливаясь. А Конан с Бомбаттой притормо-

зили лошадей за двумя большими валунами, почти перегоражившими путь через каньон.

Обнажив клинки, они застыли в ожидании.

Не успела Дженна со спутниками скрыться за поворотом каньона, как хруст гравия под копытами возвестил о приближении неизвестного. Конан недовольно поморщился: человек явно не пытался скрыть своего приближения — и это настораживало. Он бросил взгляд на Бомбатту — тот тоже весь превратился в напряженное ожидание.

Стоило морде лошади показаться между валунов, как Конан страшным голосом крикнул: «Стой! Кто идет?» В следующее мгновение он застыл с открытым в изумлении ртом; по другую сторону тропы Бомбаттасыпал проклятиями.

Переводя взгляд с одного на другого, перед ним стояла чернокожая женщина, спасенная ими в деревне. Она ехала верхом на кобыле, намного мельче, чем их кони, на которой было приложено военное седло коринфской кавалерии. Сзади к седлу был приторочен большой бурдюк с водой.

— Мое имя — Зула, я воин горного народа, живущего к югу от страны, называемой вами Кешан. Я хотела бы знать имя того, кто спас меня от смерти.

— Мое имя Конан, родом из Киммерии.

Зула пристально смотрела ему в лицо:

— Я даже не поверила себе, когда впервые увидела твои глаза. У многих людей в твоей Киммерии такие глаза, цвета сапфира?

— Хватит разговоров! — рявкнул Бомбатта. — Узнала то, что хотела, — и проваливай подобру-поздорову.

Женщина, казалось, даже не заметила его присутствия и не слышала резких слов.

— Я поеду с тобой, Конан из Киммерии. Быть может, у меня будет шанс отплатить тебе тем же, что ты сделал для меня.

Конан медленно покачал головой. Этот разговор о долге за спасенную жизнь был слишком похож на его мысли о Валерии. Явно это какой-то знак, но какой?

— Я сделал это не ради спасения твоей жизни, а для того, чтобы дать нам

возможность в общем беспорядке смыться из этой деревни. Ты мне ничем не обязана.

— Важны не причины, а поступки. Только поступки. Благодаря тому, что ты сделал, я жива и на свободе, а если бы не ты — то была бы в плену, а то и мертва.

Прежде чем Конан смог сформулировать ответ, к ним быстрой рысью подъехали Дженна и оба ее спутника.

Конан гневно посмотрел на Малака и Акиро:

— Я что, непонятно объяснил, что вы должны окраинять Дженну, не приближаясь ко мне и Бомбатте? А что, если бы за нами увязался эскадрон коринтийской кавалерии? Так-то вы берегаете Дженну?

Малак виновато улыбнулся и погрузился в изучение поводьев вьючной лошади. Акиро только пожал плечами и вздохнул:

— Я уже слишком стар, чтобы не позволять женщине делать то, что ей взбредет в голову.

— Не прикидывайся глупым, Конан, — сказала Дженна. — Я прекрасно слышала,

как ты согласился с Малаком, что за нами едет всего один человек, — она повернулась к Зуле: — Жители деревни называли тебя разбойницей.

— Они лгали, — презрительно ответила чернокожая всадница. — К югу от их деревни есть другая, много меньше этой. Жители большой деревни увезли оттуда насильно нескольких молодых девушек, а меня и других наших воинов наняли, чтобы вернуть их. Ночью мы подожгли пару сараев, чтобы отвлечь внимание этих псов, которые называют себя мужчинами. Нам удалось освободить девушек, но мой боевой товарищ, Т'кар, был ранен и не смог уйти, а я не могла оставить его.

— Значит, поэтому они и схватили тебя? — тихо, затаив дыхание, спросила Дженна. — Ты поступила храбро. О таких поступках слагают песни...

— Он был моим братом по оружию, — просто ответила Зула.

Дженна вскинула голову, явно приняв какое-то решение.

— Ты поедешь с нами.

— Нет! — крикнул Бомбатта. — О, всемогущий Митра! Ты так и будешь подвергать опасности все наше дело? Вспомни о пророчестве.

— Я что-то не припоминаю в нем ни слова, запрещающего женщине сопровождать меня. — Ее голос зазвучал твердо, но все же она повернулась к Конану, словно обращаясь за поддержкой: — Скажи ей, что она может ехать со мной. У тебя есть Малак и Акиро, а у меня только Бомбатта, да и тот только и делает, что кричит на меня. Раньше он никогда не повышал на меня голоса.

Малак со смехом влез в разговор:

— Да где ей угнаться за нами, на этой-то коринфской овце!

Зула не была намерена переводить дело в шутку, но процедила сквозь зубы:

— Да уж ты-то даже во весь рост пройдешь под брюхом любой овцы, коротышка.

Конан прикоснулся к своему амулету. Бомбатта, может быть, прав. А что, если они

и вправду нарушают условия пророчества, а значит — рисуют не выполнить его, и он лично — останется без Валерии. Но все же эта ситуация — явный знак судьбы.

— Я не скажу «нет», — сказал он наконец.

Бомбатта выругался, но Дженна уже сломила его сопротивление своим энтузиазмом.

— Значит, ты поедешь со мной.

— Я поеду с Конаном, и только поэтому — с тобой.

Дженна, казалось, не заметила поправки, так она была рада.

— Ладно, тогда давайте поехали все, а там разберемся, — подвел итог Конан, поворачивая коня и направляясь дальше в глубь каньона.

В кроваво-красном свете Камня Амон-Рама внимательно изучал двигающиеся фигуры. Еще двое, отметил он и внимательно присмотрелся к толстенькому желтокожему человечку с седыми усами. От него исходила Сила.

Колдун. Но не такой уж и сильный по сравнению с самим Стигийцем.

— Идите же ко мне, — зловеще улыбаясь, шептал он, — приведите ее ко мне.

— Ну а когда ты вернешься в Шадизар с Ключом и Сокровищем, что тогда?

Дженна с удивлением уставилась на свою спутницу. Она даже не задумывалась об этом.

— Ну, я буду жить во дворце, как и раньше, — на ее лице отразилась какая-то тень неудовлетворенности, но что еще она могла предположить? — Это моя судьба и предназначение, — заключила она.

Зула только хмыкнула.

Сама не понимая почему, Дженна чувствовала себя совсем разбитой и рассеянно переводила взгляд с одного из своих спутников на другого. Конан по-прежнему ехал впереди, за ним Акиро с Малаком, а замыкал их процессию Бомбатта, напряженно всматривавшийся в окружавшие их склоны, словно приюхиваясь

к запаху опасности, которая могла бы подстерегать их повсюду, разлитая даже в предвечернем кроваво-золотистом свете солнца.

Но все же больше всего ее мысли занимал Киммериец. Он был так непохож ни на кого из известных ей людей и персонажей. Такие, как Акиро и Малак, попадались в сказках, рассказанных ей ее служанками. Но высокому северянину не находилось места в этих историях про утонченных принцев и изящных принцесс. Дженне никак не удавалось разобраться в тех чувствах, которые он внушал ей. Они не были похожи на те, которые описывались в стихах и песнях. Да и трудно было бы представить его героем этих песен, вручавшим золотую розу в хрустальных каплях росы, чтобы напоминать о себе, когда он уедет в дальние страны, и всякое такое. Скорее уж он перекинул бы ее через седло перед собой и... а что потом? Она не могла себе даже представить, но что бы он ни сделал — это всегда будет не так, как описано в сказках.

Зула, наверное, могла бы многое растолковать ей. Но что-то мешало Дженне спросить

ее напрямую. Она решила постепенно подвести ее к разговору о Конане.

— Женщины-воины, — начала она, — это так странно. Это обычно в твоей стране?

Темнокожая женщина кивнула:

— Наши горы окружены недругами. А нас очень мало. Мы не можем позволить себе роскошь предоставить лишь мужчинам браться за оружие. Все должны уметь воевать, если мы хотим выжить.

— Я даже не знаю, есть ли в моей стране женщины-воины, — Дженна заинтересовалась этой темой. — Скажи, а я смогла бы стать воином? — спросила она, справедливо полагая, что такая жизнь сильно отличалась бы от поднадоевшего ей существования в дворцовых стенах.

— Быть может, если твоя воля выдержит тяжелые тренировки, испытания, лишения. И если у тебя хватит решимости. Это тяжелая жизнь, и главное — нужно всегда быть готовой к смерти. Собственной смерти или гибели близкого человека.

Дженна тихо, стараясь не задеть женщину, спросила:

— Т'кар. Ты назвала его твоим боевым товарищем. А он... он был твоим возлюбленным?

— Любовником? Да, и я тебе скажу, лучшим любовником из всех мужчин, которых я знала.

— А как... как это все началось? Между тобой и Т'каром?

Зула рассмеялась, словно вспомнив о чем-то веселом:

— Многие женщины хотели быть с ним. Еще бы — такой красивый и мужественный. Я сказала, что любая, которая захочет разделить с ним ложе, должна будет сначала выйти на поединок со мной. Никто не рискнул сразиться, а когда Т'кар увидел это, он пригласил меня в свой дом.

Дженна задумалась. Все это было так не-похоже на то, что рассказывалось в сказках.

— Значит, ты просто решила быть с ним, сама выбрала его. Мужчинам это нравится?

— Некоторым — да. Настоящим мужчинам. А остальные боятся таких женщин. У них кишечка тонка.

— А кого из тех, кто едет с нами, ты выбрала бы? Может, Малака, а?

— Ну, скажешь тоже. Ничего себе шуточки. Если серьезно, то я выбрала бы Конана.

— Потому что он спас тебе жизнь? — Дженна, сама не понимая почему, закипела от гнева. — А почему не Бомбатту?

— Этот считает, что грубость добавляет ему силы. Хотя его ничего не стоит привязать к себе. А Конан может быть сильным и добрым одновременно. Привязать его — не легкое дело, если вообще это возможно, пока он сам не захочет. А лучше уж спать с кроликом, чем с женщиной, который тебе легко достался.

Зула искоса посмотрела на Дженну, и та, понимая, что ей не удалось скрыть своего смущения, покраснела еще больше.

— Не бойся, девочка, я не собираюсь отбивать его у тебя.

— Отбивать?.. У меня... Да ведь он и не мой вовсе... — Она выпрямилась в седле и, подражая голосу Тарамис, величественно

произнесла: — И не называй меня девочкой. Я — женщина.

— Конечно. Извини, Дженна. — Зула помолчала, прежде чем продолжить: — У моего народа есть обычай. После смерти любовника я не могу спать ни с одним мужчиной в течение года. Если бы вчера погибла я, то Т'кар поступил бы так же.

Настал черед Дженны ехать молча, переваривая все услышанное. Мало что могло помочь ей. Никто вокруг не собирался вступать с ней в поединок за Конана, если бы даже она знала, как нужно драться. И если бы она была уверена, что именно это ей нужно. А что касается остального... Она, как бы невзначай, спросила:

— Зула, ты тут говорила что-то, кажется — спать с мужчиной. А что это такое?

— Видят боги! — воскликнула Зула. — Да ты и вправду ребенок.

Дженна уже открыла рот для гневного окрика, но замерла, так и не закрыв его. Перед ними открылась новая гора, вернее, половина горы — потому что ее вершина

исчезла много веков назад. Даже с их места было понятно, что за этими обломанными склонами скрывается большой кратер.

— Конан, — прошептала она, а затем громко крикнула: — Конан! Там Ключ! Я чувствую, как он тянет меня. Он там — в кратере!

Она резко пустила свою лошадь в галоп.

Глава 11

— Стой, Дженна, — уже в десятый раз крикнул Конан, понимая, что уже поздно. Она не только доскакала до самого верха, но и перевалила через гребень на ту сторону и скрылась из виду.

Изрыгая проклятья, он рванулся вслед за нею так быстро, как только мог двигаться в гору его конь. Остальные отстали, но Конану было не до них. Он доскакал до гребня и замер, пораженный открывшимся зрелищем.

На дне гигантской впадины лежало озеро. Даже легкое дуновение ветерка не нарушало зеркальной глади. По двум сторонам озера возвышались отвесные обрывы. Впереди под ним был небольшой пляж с черным песком,

окаймленный полосой кустов. Лошадь Дженны была уже на полпути к кромке воды. А на другом берегу возвышалось огромное сверкающее сооружение, вид которого заставил волосы на затылке Конана встать дыбом.

Когда он наконец поравнялся с Дженной, ее взмыленная лошадь уже, шумно фыркая, пила воду из озера. Сама же она не отрываясь глядела на хрустальные своды и башни. Высокие стены кратера раньше времени сгостили вечерние сумерки над берегом озера.

— Ключ во дворце? — спросил Конан.

Дженна радостно кивнула:

— Да, я чувствую, как он тянет меня.

— Тогда нам нужно выбраться из кратера и обойти гору с другой стороны. По-другому туда можно добраться только вплавь.

Первыми их нагнали Бомбатта и Зула, затем Акиро и, наконец, Малак, со второй лошадью в поводу.

— Все в порядке, дитя? — взволнованно крикнул Бомбатта, и в тот же миг, словно эхо, раздался голос Зулы:

— Дженна, с тобой ничего не случилось? — Человек со шрамом и чернокожая женщина недоверчиво переглянулись.

— Только здесь, — настойчиво сказала Дженна, — это — единственный путь.

— Но как? — спросил Конан.

Даже Бомбатта недоверчиво посмотрел на девушку.

— Можно проехать в обход, малыш. Какая разница?

— Нет, только здесь, — повторила Дженна.

Малак неожиданно соскользнул с лошади и деловито направился к зарослям кустарника. Через минуту он вновь показался оттуда, таща за собой длинную узкую лодку из кожи, натянутой на деревянную раму. В руке он зажал несколько тонких бечевок и костяных крючков.

— Я думаю, местные рыбаки не очень обидятся, если мы воспользуемся их посудиной. Весла там, внутри.

— Очень кстати, — пробормотал Акиро. — Даже слишком удачно, чтобы быть случайностью.

— Что ты имеешь в виду? — спросил его Конан.

Приглаживая длинные усы, колдун мрачно смотрел на хрустальный дворец, щурясь, несмотря на то что солнце уже скрылось.

— Я и не знал, что жители Карапашских гор заядлые рыболовы. Да даже если и так, ты сам рискнул бы порыбачить под стенами такого?

— Но... вот ведь лодка... Крючки... Весла. Ты же не станешь отрицать, что видишь это своими глазами.

— Я могу не верить любому своему чувству. Кроме чувства опасности, — ответил колдун. — И мне кажется, что кто-то знал, что мы должны прийти именно сюда.

Малак бросил крючки и бечевки, словно они превратились в ядовитых змей, и отскочил от них, вытирая руки о штаны.

— Этот колдун из Стигии узнал, что мы приближаемся? О, Великий Бамба!

— Все равно остановимся на ночь здесь, — сказал Конан, слезая с коня, — только не разжигая костра. Знает он о том, что мы здесь, или не знает, нет нужды извещать его об этом.

— Надо сейчас же переправиться на тот берег, — сказала Дженна. — Сейчас же. Я вам говорю, что Ключ — там.

— Там он полежит и до утра, — ответил Киммериец. С явной неохотой она в первый раз оторвала взгляд от дворца. Ее губы скривились в недовольной гримасе, но Конан не дал ей расхныкаться: — У меня не меньше причин поторопиться, чем у тебя, Дженна. Но переправляться мы будем на рассвете.

— Он прав, дитя, — подтвердил Бомбатта, — уже темно, и, если лодка перевернется, ты можешь утонуть раньше, чем я увижу, где ты... Я не могу так рисковать.

Дженна ничего не ответила, и Конан переключил свое внимание на Малака:

— Уезжай, если хочешь. Никто не мог предположить, что этот проклятый Амон-Рама будет поджидать нас. Ты сделал свое дело. Считай, что камешки твои.

— Какие камешки? — эхом откликнулся Бомбатта, но друзья не обратили на него внимания.

Малак шагнул к лошади, но вдруг остановился.

— Конан, я... понимаешь, если бы был хоть какой-то шанс. Но он знает, что мы здесь. Сверкающее око Балора! Ты же слышал, что сказал Акиро.

— Да.

— Но ты останешься? — спросил Малак. Конан кивнул. Маленький вор пробурчал: — Я не собираюсь карабкаться по горам один ночью. Поеду утром.

— Ну ладно, остаемся здесь ночевать, так хотя бы поесть перед сном, — проворчал Акиро, вылезая из седла и доставая из мешка сущеное мясо и финики.

Все притихли. Этот кратер как-то давил на тех, кто попадал сюда. Лишь Дженна искрящимися глазами смотрела на дворец, чувствуя близость того, ради чего они проделали весь этот путь.

Когда ночная тьма спустилась на озеро, лошади уже были стреножены, а сущеное мясо и фрукты съедены. Дженна растянулась на земле, завернувшись в свои одеяла. Зула,

ко всеобщему удивлению, села, поджав ноги, рядом с нею, что-то тихо напевая, пока та не заснула. Бомбатта ревностно поглядывал на чернокожую девушку, но взгляд ее темных глаз всякий раз заставлял его промолчать и оставить ее в покое.

Когда вышла луна, тьма несколько рассеялась. Кратер, казалось, притягивал лунный свет, делая его сильнее и ярче. В этом причудливом освещении можно было даже разобрать черты лица и выражение стоящего рядом человека.

Конан с Акиро сидели, глядя на дворец, сияющий и переливающийся в лунном свете, словно алмаз на черном бархате.

— Это место давит на меня, — сказал после долгой паузы Киммериец, — не нравится мне здесь.

— Это место и не создано для того, чтобы нравиться. Здесь хорошо себя чувствуют только колдуны. Я чувствую энергию, исходящую даже от скал. В этом месте рушатся привычные связи, разваливается то, что казалось монолитным. Все барьеры ослабе-

вают; границы размываются, даже одно произнесение имени может вызвать душу покойного.

Кожа Конана покрылась мурашками. Он поспешил приписать это ночной прохладе.

— Хотел бы я поскорее выбраться отсюда и вернуться в Шадизар, привезя эти штуки, которые так нужны Тарамис.

Вдруг крик ужаса разорвал тишину ночи. Дженна билась под своим одеялом, широко раскрыв невидящие глаза, крича: «Нет! Нет!» Бомбатта вскочил, держа в руке обнаженную саблю. Малак судорожно боролся с одеялом, пытаясь выбраться из-под него, с кинжалом в каждом кулаке. Зула прижала стонущую девушку к груди и забормотала что-то, успокаивая ее.

Неожиданно руки Дженны обвились вокруг черных плеч. Рыдания сотрясали ее тело.

— Это было ужасно! Ужасно.

— Сон, — сказал Бомбатта, убирая саблю в ножны. Он встал на колени, попытавшись забрать девушку у Зулы, но она лишь крепче прижалась к женщине.

— Это всего лишь сон, малышка, — сказал он мягко, — не больше, чем дурной сон. Вот и все. Постарайся опять уснуть.

Зула пристально посмотрела на воина в черных доспехах поверх все еще обнимавшей ее Дженну и сказала:

— Сны бывают вещими. Пусть она расскажет, что ей приснилось.

— Согласен, — сказал Акиро. — В снах часто появляются предзнаменования. Расскажи, Дженна.

— Да это всего лишь детский кошмар, — прохрипел Бомбатта. — В этом дьявольском месте может присниться все что угодно.

— Говори, — обратился к девушке Акиро.

Чуть успокоившись на руках у Зулы, Дженна начала рассказывать, все еще вздрагивая:

— Мне приснилось, что я еще совсем дитя, едва научившееся ходить. Я проснулась в своей кроватке и увидела, что кормилица спит. Мне захотелось к маме, и я побежала по темным коридорам туда, где была спальня моих родителей. Их кровать стояла под балдахином в середине комнаты. Я увидела, что

они спят. Но в изголовье их кровати появилась еще одна фигура — молоденькой девушки или мальчишки. Слабый свет ночника как-то странно отразился от ее рук. Вдруг я поняла, что в этих руках был зажат кинжал. Кинжал взлетел в воздух и опустился. Из груди отца вырвался хрюк, разбудивший маму. Она успела прокричать только имя, и еще один удар кинжала оборвал ее жизнь. Я побежала. Мне хотелось кричать, но язык словно прилип к горлышку. Все, что мне оставалось, — это бежать, бежать...

Зула резко тряхнула ее, а потом снова нежно прижала к себе.

— Все в порядке, Дженна. Ты теперь в безопасности.

— Имя, — настойчиво спросил Акиро. — Чье имя она произнесла?

Дженна опасливо выглянула из-под обнимавших ее рук Зулы.

— Тарамис, — прошептала она. — Тарамис. Но почему мне снится этот ужас? Почему?

Никто не проронил ни слова, пока Бомбатта не нарушил молчания, нёбрежно бросив:

— Обычный кошмар нервной, изнеженной девчонки. Идиотский сон, навеянный идиотским местом. У меня самого такое в голове творится...

— Это-то видно, — сказал Акиро и повернулся к Зуле: — Ты посмотришь за ней?

Чернокожая женщина кивнула и снова запела колыбельную своего народа. Бомбатта сел по другую сторону от Дженны, собираясь тоже сторожить ее сон остаток ночи. Два воина, мужчина и женщина, не мигая смотрели друг на друга.

Вместе с Акиро Конан подошел к кромке воды. Помолчав, он тихо сказал:

— Когда Дженна едва умела ходить, Тарамис было лет шестнадцать или около того. Возраст, вполне подходящий, чтобы всерьез позавидовать титулу наследного принца, своего брата, да и его богатству.

— Может быть, это все-таки просто сон.

— Может быть, — сказал Конан. — Хорошо, если так.

Амон-Рама пристально уставился в глубины Сердца Аrimана, рассматривая фигуры спящих людей. Все уснули. Последним сомкнул веки старый желтокожий колдун, все пытавшийся поймать энергию, которой, казалось, был залит весь кратер. Стигиец лишь недобро улыбался. Колдун долго мозолил ему глаза, когда все остальные уже уснули, кто свернувшись под одеялом, а кто и сидя, несмотря на то что собирался бодрствовать всю ночь напролет. Но вот и старик забылся сном. Утром они придут, и тогда...

Глубокая морщина прорезала его лоб. Утром. Как долго он ждал, и вот теперь, когда осталось лишь несколько часов, нетерпение просто сжигало его изнутри. Ничто уже не могло помешать выполнению его планов. Нужно было всего лишь подождать. Но почему словно муравьи забегали по его телу, заставляя зудеть и гореть кожу?

Он оторвался от Сердца, и свет сразу померк, оставив лишь красный, краснее рубина, светящийся камень. Нет, он не сможет дождаться утра. Нужно кончать с этим.

Он быстро вышел из зеркального зала и поднялся по сверкающим лестницам и коридорам в самую высокую башню дворца. С ее высоты он посмотрел на дальний берег озера, хотя без помощи магического кристалла человеческие глаза были бессильны против темноты. Из бесчисленных складок своего кроваво-красного одеяния он извлек черный мелок, сделанный из жженой кости убитых девственниц.

Быстрыми движениями он начертил на полу пентаграмму, оставив один разрыв, чтобы вступить внутрь. На каждом луче звезды он начертал два символа: один — одинаковый на всех пяти концах, а другой — отдельно для каждого. Эти символы усилият магическое воздействие пентаграммы. Подобрав мантию, он вступил внутрь пентаграммы и одним движением мелка завершил дьявольскую фигуру.

Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее он начал читать заклинания нараспев. При этом даже он сам не слышал ни звука. Эти гимны не предназначались для человеческого уха. Только после долгих лет

болезненных тренировок он научился произносить их. И вот теперь в том месте, где размывались границы и рушились связи, Амон-Рама взывал к силам перемен и разрушения.

Словно сама ночная тьма сгущалась вокруг него, становясь плотнее, скручиваясь во что-то жесткое, скрывая его, словно густой дым. Этот дым менялся, принимая форму. Форму крыльев, хлопнувших в воздухе на высоте четырех человеческих ростов. Тяжелые когти заскрипели, оставляя царапины на поверхности алмазно-твёрдой крыши башни. Там, вся пронизанная черными лучами, стояла гигантская птица, орел, состоящий из клубов дыма.

Удалили огромные крылья. Но ни звука не разнеслось вокруг — потому что воздух, в котором они бились, не был земным воздухом. Огромная тень взлетела в ночное небо. Хищная птица в несколько взмахов крыльев достигла противоположного берега озера.

Ни единое дуновение не потревожило сон чернокожей женщины и могучего воина,

сидевших по обе стороны от укрытой одеялом девушки. Когти крепко обхватили ее хрупкое тело, но она даже не пошевелилась во сне.

Создание темных сил взлетело вверх и понеслось над озером к сверкающему под звездами шпилю башни. Снизившись, птица снова обернулась клубами дыма, втянувшимися в пентаграмму на полу, оставив в ее центре Амона-Раму, держащего Дженну на руках.

Он осторожно стер ногой один из лучей магической фигуры и вышел из нее. Остальное можно стереть и потом. Сейчас есть дела поважнее. Лицо старого колдуна перекосила непривычная улыбка, когда спящая девушка, не открывая глаз, повернула к нему голову. Да, ему предстояли очень важные дела.

Хрустальные ступени вели его вниз, в залы дворца. Он почти бегом ворвался в зеркальный зал, прошел его нас kvозь и оказался в комнате, непохожей на все остальные в этом сверкающем сооружении.

В этом дворце повсюду было светло безо всяких светильников. Свет излучали сами хрустальные стены и потолки. Здесь же была

темнота. Стены были скрыты в полнейшей мгле, так же как пол и потолок. Комната казалось бесконечной. И во всей этой бесконечности лишь в двух местах брезжил свет. Дверной проем светился ярким огнем, но этот свет ни на шаг не проникал внутрь, не освещая ни пола, ни пространства за входом. Неизвестно откуда исходил свет второй освещенной точки. Узкий круг выхватывал из темноты огромную кровать, выложенную шелковыми подушками и покрывалами. На нее-то Амон-Рама и положил свою легкую ношу.

Он смотрел на нее сверху вниз — в плоских черных глазах не было никакого выражения. Затем он медленно провел рукой по изгибам ее тела — от маленькой ступни к округлым бедрам, по тонкой талии и высокой груди. Все нормальные страсти и пороки были давно выжжены в нем его черным чародейством, но оставались другие, еще более страшные, приносившие ему мрачное удовольствие. И раз он собирался использовать девчонку для другой цели, не той, ради которой берегла

ее чистоту эта глупая Тарамис, — то почему бы ему не отаться этим порокам, когда в его руках оказалась такая соблазнительная жертва. Но это потом, когда он разделается с остальными. Теперь, когда она наконец в его власти, нетерпение улетучилось. Настало время подготовки.

— Услыши меня! — воззвал он. Голос прокатился по всем закоулкам хрустального дворца. — Пусть не останется ни одного окна, ни единой двери, трещины, отдушины. Так я хочу, и так должно быть!

Дворец ответил низким гулом, словно огромный хрустальный колокол. Дело сделано; дворец стал неприступен — словно запечатан сургучом.

— А теперь посмотрим, как они обрадуются с утра пораньше, — пробормотал колдун.

Бросив последний взгляд на неподвижную Дженну, он вышел из черной комнаты. Дверь за ним захлопнулась, и теперь только узкое пятно света оставалось вокруг крепко спящей Дженны.

Глава 12

Жемчужная темнота все еще наполняла кратер, когда Конан проснулся. Ему даже не нужно было смотреть на чуть побледневшее небо, чтобы понять, что рассвет уже близок. Чтобы переправиться через озеро на рассвете, встать нужно было затемно, так что проснулся он вовремя. Эта способность вставать тогда, когда нужно, нередко помогала ему в жизни, хотя следовало признать, что чрезмерные возлияния накануне могли отключить этот внутренний будильник.

Откинув одеяло, он вложил в ножны меч, который пролежал рядом с ним всю ночь, и встал, потягиваясь. Нахмутившись, но все еще не понимая, он уставился на пустое ложе Дженны. Он оглядел склон кратера за спиной,

пересчитал мирно спавших лошадей и только тогда затряс спящих Акиро и Малака, спокойно сказав им:

— Вставайте, Дженна пропала. Просыпайтесь же.

Оставив их — Малака,сыплющего проклятиями и ругательствами, и Акиро, бормотавшего что-то про старость не радость и юнцов, посмеявшись потревожить усталые kostи, — он подскочил к спящим по обе стороны от одеял Дженны Бомбатте и Зуле. Его сапог с размаху влетел в ребра похрапывающего вояки.

Со стоном, переходящим в ругательства, Бомбатта вскочил и потянулся было к рукояти сабли.

— Я убью тебя, ворюга! Да я...

— Дженна исчезла, — ледяным голосом произнес Конан, — ты только что не привязал ее к себе — и вот, получите. Она, быть может, уже мертва.

Ярость Бомбатты улетучилась при первых же словах. Он, словно оцепенев, уставился на пустую постель.

— Лошади все на месте, — крикнул Малак.

Черный воин прохрипел:

— Еще бы нет. Куда бы Дженна уехала от своей цели, от предназначения?

— Предназначения! — взорвалась Зула. — Это вы решили, что в этом ее предназначение! А может, она решила сама выбрать себе судьбу?

— Ну, если ты, черномазая, сделала с ней что-нибудь...

— Я? Да я ни за что в жизни не причинила бы ей зла. Это ты считал, что она игрушка в той игре, которую вы затеяли.

Шрамы белыми линиями выступили на лице высокого воина.

— Ах ты грязная, вонючая шакалиха! Я тебя на куски...

— Все поединки оставим на потом, — развел их Конан. — Сейчас главное — найти Дженну.

Напряженность между сцепившимися ослабла, но не исчезла. Бомбатта вогнал в ножны саблю, а Зула с явной неохотой опустила уже занесенный для удара шест.

Акиро встал на колени у постели Дженны, и его руки заскользили поверх одеял. Его глаза были закрыты, губы беззвучно шевелились. Когда он на секунду раскрыл веки, лишь белки глаз оказались видны. Малак отвернулся — его чуть не стошило.

Наконец старик объявил:

— Девочку унесла птица.

— Старый дурак, — пробормотал Бомбатта, но колдун продолжал, словно не слыша его слов:

— Огромная птица, сотканная из дыма и тумана, двигающаяся совершенно бесшумно. Она унесла ее в лапах. — Наконец в глаза старика вернулись зрачки, и он встал с колен.

— Говоришь, он старый дурак? — повернулся Конан к Бомбатте. — Нет, приятель. Это ты дурак. И я. Могли бы и предположить, что этот Стигиец что-нибудь предпримет.

— Куда унесла ее птица? — спросила Зула.

Акиро ткнул пальцем в сторону хрустального дворца:

— Конечно, туда.

— Тогда вперед, — сказала она.

Конан молча кивнул. Как один, они с Бомбаттой бросились к лодке и вытащили ее к воде.

— Но она может оказаться заколдованной, — запротестовал Малак, — Акиро же сам вчера говорил...

— Это наш единственный шанс, — оборвал его Конан, стоя по колено в воде и придерживая лодку. — Садись, живее.

В один миг все расселись по местам: Зула в центре, между Акиро и Малаком, Конан и Бомбатта — на носу и на корме. Весла в сильных руках вонзились в воду, и лодка, вспарывая поверхность зеркального озера, заскользила прочь от берега.

— Чаша Сигина! — взвыл Малак. — Я совсем забыл. Я же уезжаю сегодня утром. Поворачивай назад!

Конан ни на миг не прервал равномерное движение рук и плеч.

— Плыви! — бросил он Малаку.

Маленький воришко посмотрел на полоску воды, отделявшую их от берега, и весь передернулся.

— Вода — это для питья, — печально заявил он, — конечно, если нет вина.

Ни волны, ни ветер не тормозили движения, и лодка чуть не вылетела из воды, влекомая веслами в руках двух сильных мужчин. Хрустальный дворец сверкал, быстро приближаясь, словно вырастая из земли и воды. От него в озеро выдавалась пристань, самая обыкновенная по форме, но словно сделанная из цельного драгоценного камня. В тот миг, когда они добрались до дворца, все сооружение вспыхнуло костром искр и радуг.

Конан придержал лодку у пристани, пока все выбрались из нее. Затем, выскочив на сверкающий камень, он вытащил лодку из воды. Ни один вор не продержался бы в Шадизаре так долго, если бы не умел вовремя продумать пути к отступлению. Сейчас озеро было спокойным, но ему не хотелось рисковать, если случайная волна унесет прочь их суденышко, которое вполне могло стать их единственным способом бегства из этого странного места.

Наконец он повернулся к дворцу и внимательно осмотрел его. Далеко вправо и влево уходили сияющие колоннады. Над ними к самому небу взлетали граненые купола и шпили.

— Невероятно, — пробормотал Акиро, положив ладони на зеркальную стену, — ни где ни одного стыка. Он действительно весь сделан из одного камня. Весь. Невероятно.

— Лучше, если бы это был нормальный мрамор, — озабоченно сказал Конан, — я бы смог найти способ забраться по нему. Ладно, пошли. Нужно найти какую-нибудь дверь или что-то в этом роде.

— Здесь нет дверей, — возразил Акиро, — ни одной.

Конан хотел поинтересоваться, откуда стариk это узнал, но решил принять его слова на веру и рявкнул:

— Так как же тогда, о Девятое Небо Зандру, мы попадем внутрь?

Акиро удивленно заморгал:

— Ну, найти вход нетрудно. Он здесь всего один, — Акиро подошел к краю пристани

и ткнул пальцем в воду. — Там внизу я чувствую отверстие. Оно достаточно широкое, чтобы пролезть в него.

— Может, ты еще и воду из озера вычерпаешь? — с сомнением поинтересовалась Зула.

— Не люблю я воду, — пробурчал Малак, не отрывая глаз от дворца.

Конан наклонился над зеркалом воды. Ничего. Лишь его собственное отражение глядело на него снизу вверх. Невозможно, подумал он, не может быть, что колдун отгрохал такой дворец без окон, без дверей и оставил такой простой вход. Ловушка, подумал он, — мышеловка с Дженнной в качестве приманки. Что ж, пусть охотник узнает, что за зверя он собрался поймать. Конан глубоко вздохнул и бросился в воду. Лишь слабый всплеск обозначил место, где он нырнул.

Сильные руки Конана все глубже погружали его вдоль стены пристани. Ни единой ракушки, ни зеленого стебелька водорослей не зацепилось за хрустальную поверхность, и под водой рассыпавшую искры и сполохи.

Он быстро нашел отверстие — широкую трубу диаметром почти с его расставленные руки. Железные прутья преграждали вход в него. Примерившись, Конан уперся ногами в стену и потянул один из прутьев. Безрезуль-татно. Неожиданно рядом с руками Конана появилась еще одна пара рук. Повернув голову, он увидел Бомбатту, выгляdevшего необычно без своего шлема и доспехов. Вдвоем они ухватились за решетку. Мышцы и жилы напряглись до предела. Легкие словно сжигало огнем.

Неожиданно один из прутьев с резким хрустом оторвался от стены. Облако пузырьков поднялось на поверхность. Сжимая в руке обломок, Конан налег на него как на рычаг. Один за другим были выломаны или отогнуты все прутья.

Вылетев на поверхность, Киммериец судорожно глотал воздух. Он даже не оглянулся, когда, так же тяжело отдуваясь, рядом с ним всплыл Бомбатта. Три изумленных физиономии наблюдали за ними с пристани.

— Путь открыт, — сказал Конан между вдохами, — пошли.

— Да подожди ты хоть секунду, — взмолился Акиро. — Восстанови дыхание. А пока, чтобы не терять времени, составим план.

— Времени нет, — отрезал Конан и, сделав последний вдох, снова ушел в глубину.

Он легко вошел в черную трубу и сильными гребками стал продвигаться по ней. Тридцать шагов — свет за спиной почти померк. Сорок — он почувствовал, что скоро понадобится воздух. Пятьдесят — впереди забрезжил свет! Он быстро подплыл к концу и, сдерживая скорость, стал подниматься. На поверхности он появился почти бесшумно, лишь несколько капель упали с мокрых волос.

Он оказался в колодце, стены которого представляли собой тот же камень, из которого был выстроен весь дворец. В воде плавало деревянное ведро. Веревка от него тянулась вверх. Конан осторожно потянул за веревку. Она не поддалась.

Зловещая улыбка расплылась по его лицу. Этот Амон-Рама или забыл про этот вход — и, значит, ему не чужды обычные человече-

ские слабости, — или просто безмерно самонадеян, считая свою ловушку совершенной. Но там, на севере, где вырос Конан, говорили так: кто поймает киммерийца, поймает собственную смерть.

Кто-то вспыхнул рядом с ним, отдуваясь и фыркая. Звуки эхом понеслись вверх. Но Киммериец даже не посмотрел, кто нарушил тишину. Сейчас в его голове была лишь одна мысль. Схватив веревку, он полез вверх, перехватывая ее руками. Киммериец вошел в западню — значит, он начал охоту.

В зеркальном зале, стоя у Камня, Амон-Рама задумчиво почесал свой острый подбородок. Итак, они попали во дворец. Он, конечно, дал маху, забыв про колодец, из которого во дворец поступала вода. Но как же быстро они разыскали его. Неплохо для мелкого колдунишки.

Ухмыляясь, он потрогал рукой одно из зеркал. Нет, конечно, его ошибка не

оставляла им ни единого шанса даже на то, чтобы спастись бегством, не говоря о том, чтобы победить все силы темной магии, противостоящие им. Этот дворец был его дворцом. Настолько его, что ему позавидовал бы любой обладатель дворца или замка. Хруст выламываемых прутьев донесся до него. Дыхание чужаков, звук их шагов — все передавалось ему немедленно. Но сейчас ему было даже не до незваных посетителей. Дворец сам позаботится о них.

А сейчас настало время подготовки. Одно слово заклинания, движение рукой — и золотые портьеры поднялись, открыв взору сотню зеркал, составлявших стены зала. В каждом из них отражалось пылающее Сердце Аrimана, но ни в одном не было видно отражения самого колдуна. Многолетние занятия черной магией оказались не только на зачертевшей душе, но и произвели свой эффект на тело. У него не было отражения. Ни одно зеркало, никакая другая поверхность не возвращали ему собственного изображения.

В ряду зеркал было лишь два разрыва. Один — вход из коридора. Через второй он видел в беспросветной мгле освещенное пятно постели со все еще неподвижной Дженной на ней. Через него и проследовал Амон-Рама. Из зала донесся звук, словно от камня, упавшего в воду. Одно из зеркал треснуло. Сто одно отражение и само Сердце Аrimана замерли в ожидании.

Акиро чуть не с хрюканьем перевалился через бортик колодца и замер, не замечая стекающей с него воды, рассматривая стены и орнамент из золота и серебра, настолько тонко высеченный в камне, что казалось невозможным, чтобы человеческая рука выполнила такую тонкую работу. Повсюду висели занавеси с вышитыми магическими словами и символами. Под ногами расстилались ковры, на глазах менявшие цвет.

— Акиро? — окликнул его Малак.

Старик лишь восхищенно покачал головой. Ни одной обычновенной вещи. Все

сделано при помощи колдовства. Ни одной из этих вещей еще не касалась рука человека.

— Акиро!

Колдун гневно обернулся: Малак в луже воды, с прилипшими ко лбу волосами, выглядел словно спасшаяся после потопа крыса.

— Ну?

— Они уходят, — сказал Малак.

Акиро взглянул в направлении, указанном Малаком, и издал пронзительный крик-предупреждение. Бомбатта и Зула в этот момент как раз скрылись за углом коридора, а Конана уже и след простыл.

— Глупцы, стойте! — кричал он, передвигая как можно быстрее старые ноги. — Слабоумные! Вы врываетесь в обитель великого колдуна, как в дом богатого купца. Здесь ведь неизвестно что может случиться!

Повернув за угол, Акиро увидел впереди остальных; Конан был намного дальше всех. С мечом в руке Киммериец рванулся в дверной проем, и в тот же миг дверь опустилась за ним, отделяя его от всех его спутников.

Бомбатта и Зула обрушили на дверь град ударов шестом и рукоятью меча.

Ругаясь на разных древних языках, Акиро подбежал к ним, лишь чтобы убедиться, что прохода нет. Дверь была прозрачна как стекло: они ясно видели Киммерийца, оглядывающего зеркальную комнату, ни на секунду не опустив меч. Но при этом лупить по ней было столь же эффективно, как пытаться голыми руками выбить тяжелые, окованные железом крепостные ворота.

— Да он что, не слышит нас? — воскликнул Малак и позвал: — Конан! Ногти Огума! Конан!

Зула опустилась на четвереньки, разглядывая пол:

— Если бы удалось ее приподнять... Нет! Ни единой щелки!

— Отойди назад, — пророкотал Бомбатта, перехватывая саблю обеими руками. — Если ее вообще можно разбить — я разобью ее!

— Все отойдите назад! — умудрился перекричать его Акиро. — И всем молчать! — добавил он, роясь в мешочках на своем поясе

и в складках мокрой одежды. При этом он не переставал нервно бормотать: — Это вам не кабацкая драка, и не пьяный солдат заперся там с какой-то девкой. Нечего зря мечами махать. Этот Стигиец — колдун что надо. Мне до него... Так что ведите себя соответственно, а не то всем нам...

Сияя от удовольствия, он наконец извлек откуда-то крохотный флакончик, запечатанный чистейшим воском, с нацарапанным символом силы.

Вдруг Бомбатта хлопнул себя по лбу:

— Да пропади он пропадом, этот варвар. Нам нужно найти Дженну, а с чего мы взяли, что она там? Ну а вор пусть сам выпутывается.

— Она здесь, — сказал Акиро, счищая воск с крышки. Это нужно было сделать осторожно, чтобы не нарушить целостность содержимого. — Неужели ты не чувствуешь... Хотя что с тебя взять. Девчонка там. Там, где сходятся все силы, вся энергия, пронизывающая дворец.

Остаток воска отлетел в сторону, открыв темное блестящее содержимое. Акиро коснулся

ся этой массы ногтем левой руки, начертал несколько рун на правой стороне двери. Те же надписи он сделал слева ногтем правого мизинца.

Акиро недовольно поморщился, когда его знаки зашипели, словно масло на раскаленной сковородке. Но с этим ничего нельзя было поделать. Он начал молча читать заклинания, лишь шевеля губами. Появилась сила, он ощутил ее всем телом, сила реализовалась в давлении. Он вызвал силу, способную открыть то, что открыть нельзя, поднять то, что нельзя оторвать от земли. Давление росло, подчиняясь силе заклинаний. По лбу колдуна ручьем стекал пот. Давление становилось все сильнее и сильнее.

Вдруг старик зашатался, застонал и упал бы на пол, если бы не ткнулся лбом в дверь.

— Ну? — спросил Бомбатта.

Акиро тряслось, словно в лихорадке. Он в изумлении глядел на дверь. Сила все еще была здесь. Она давила, давила так, что остальные двери любого замка распахнулись бы как легкие пушинки... Стеклянная дверь стояла незыблемо.

— Слишком могущественный колдун. Невероятная сила, — прошептал Акиро.

Помолчав, он добавил, глядя сквозь прозрачную дверь в зеркальную комнату:

— Если вы верите в каких-нибудь богов — помолитесь им.

Глава 13

Конан медленно обходил зеркальный зал, держа меч наготове. Огромные зеркала тысячекратно повторяли его напряженную фигуру, отражая отражения отраженных отражений. И столько же раз был повторен в них мерцающий багровый камень на тонком постаменте в центре комнаты. Ряд зеркал нигде не прерывался, и Конан понял, что потерял то из них, которое упало вслед за ним, когда он ворвался в зал.

Сначала он обходил камень, лишь с опаской поглядывая на него. Это мерцание и кроваво-багровый цвет подсказали Конану, что это не просто украшение. Все эти магические штучки — лучше их не трогать, если не знаешь хорошо, для чего они и чего от них

ждать. А если и знаешь, то тоже лучше особо не соваться — все равно хорошего от них не дождешься. Но поскольку больше в комнате ничего и никого не было, Конан все же приблизился к нему и протянул руку.

— Ты не очень-то терпелив, варвар.

Конан обернулся, ища того, кто произнес эти слова. Обнаружив его, он изумился не меньше, чем в первый момент, услышав их.

Одно из зеркал больше не отражало его самого. В нем появилась фигура человека в кроваво-красной хламиде с капюшоном. В голове Конана пронеслось, что по крайней мере по голосу и размерам это был человек, не больше и не страшнее любого другого. Глубокий капюшон скрывал лицо, и даже кисти рук были скрыты под складками мантии, спускавшейся до самого пола.

— А уж тебя-то я вовсе терпеть не намерен, Стигиец. Верни девушку или...

— Ты начинаешь утомлять меня, — два десятка голосов, как две капли воды похожих на голос фигуры в капюшоне, зазвучали за спиной Киммерийца. Подозревая, что это

лишь фокус, чтобы отвлечь его внимание, Конан все же рискнул обернуться. Увиденное заставило его остолбенеть. Уже двадцать зеркал отражали фигуру в капюшоне.

— Девчонка моя, и ты ничего не сделаешь.

— Это Она, и Она будет принадлежать мне.

— Твои мышцы и сталь бессильны против моей силы.

Конан почувствовал, что у него закружилась голова. Одно за другим зеркала менялись. Вот уже почти сотня отражений колдуна со всех сторон обступила Киммерийца. Зубы Конана сжались, волосы встали дыбом. Но слишком часто судьба пыталась нагнать на него страх. И страх, этот похититель воли и разрушитель силы, был так же знаком ему, как и мрачный образ смерти. Но если встреча с нею была в итоге неизбежной, то сила страха была не настолько велика, чтобы Киммериец уже тысячи раз не побеждал ее своей волей.

— Ты что, запугивать меня задумал, колдуншка несчастный? Плевать я хотел на твою силу. Ты прячешься за ней, как трусливый

шакал, боясь выйти и встретить меня в бою как мужчина.

— Храбрые слова, — проворковали, как одно, все отражения, — может быть, я и последую твоему совету.

Неожиданно два отражения бросились одновременно навстречу другому. Две тени в багровом облаке столкнулись в дальнем конце зала, оставив там фигуру в капюшоне.

— Не думаю, что тебе это понравится, варвар. Ты будешь умирать долго и мучительно. Не раз ты со стоном призовешь к себе смерть, моля о ней как об избавлении. Твоя сила — ничто по сравнению с моей.

Одно за другим кровавые облака слетали к фигуре в дальнем конце комнаты, и с каждым из них она становилась чуть выше и мощнее.

Дважды, когда багровые тени проносились мимо него, Конан пытался поразить их мечом. Сталь проходила сквозь них как сквозь воздух, лишь слегка вздрогнув, давая понять, что клинок встретил что-то на своем пути. Киммериец встал неподвижно, предпочитая подо-

ждать, а не тратить силы понапрасну. Наконец последнее зеркало внесло свою лепту в создание существа, стоявшего перед Конаном. Эта фигура больше чем на голову превышала его рост и была раза в два шире.

— И это ты называешь выйти лицом к лицу? — Конан презрительно поморщился. — Ну, тогда давай же, вперед!

Гигантская тень откинула капюшон, и Конан вздрогнул. Стогословный смех прокатился по залу. Поверх багровых одеяний оказалась обезьянявая голова, черная как сажа, с белыми сверкающими клыками, созданными, чтобы рвать мясо. Черные глаза налились злобным огнем. На толстых волосатых пальцах рук показались тигриные когти. Одежда медленно сползла на пол, обнажив массивное, покрытое редкой черной шерстью тело и толстые ноги с копытами. Ни звука не исходило от этого существа. Не было слышно даже дыхания.

Произведение черной магии, подумал Конан, это точно. Но может, оно все-таки окажется уязвимым для стали? С криком он бросился вперед; его меч, словно бешеная

мельница, вспарывал воздух. Чудовище с неожиданной для такой машины легкостью отскочило в сторону. И, лишь слегка махнув лапой, оно оставило четыре кровавых полосы на груди Конана.

Конан снова и снова атаковал с мрачной решимостью обреченного. Еще трижды он пытался поразить чудовище. Трижды оно уверчивалось от удара, как ртуть. Кровь капала из ран на плече Конана, на его ноге и на лбу. Смех в сто глоток был ответом на проклятия, которые себе под нос пробормотал Конан. Движения монстра были все так же легки, а запыхавшийся, обливающийся потом и кровью Конан даже не поцарапал его кончиком меча.

Вдруг черная обезьяна сама бросилась в атаку, в один миг схватив его когтистыми лапами и поднеся к оскаленной пасти. Конану не хватило времени, чтобы замахнуться и рубануть мечом или нанести колющий удар. Все, что ему оставалось, — это полоснуть по оскаленной морде наискось — через глаза, нос и рот, что он и сделал, вложив в удар все

оставшиеся силы. Зеленый зловонный гной хлынул из раны, когти чудовища впились в бока Киммерийца, и он почувствовал, что летит через весь зал, отброшенный сильными лапами.

«Плохо дело», — пронеслось в голове Конана прежде, чем он с размаху влетел в стену, чуть не раздавив грудную клетку от такого удара. Почти без сознания он сполз на пол. Последним усилием воли он пытался восстановить дыхание, встать на ноги, чтобы успеть встретить чудовище раньше, чем оно бросится на него. Когда ему удалось-таки подняться, он замер в изумлении.

Гигантская обезьяна стояла на четырех лапах и мотала головой, разевая пасть, словно издавая стоны агонии. Но из ее рта не доносилось ни звука. Зато этот стон, стократно усиленный, был слышен из каждого зеркала, где корчилась и стонала фигура колдуна.

Вдруг Конан осознал, что не все зеркала изображали одно и то же. То, об которое он ударился, покрылось паутиной трещин и отражало лишь фрагменты комнаты, но в этих

осколках Конан увидел и себя и обезьяну, — все, кроме самого мага. Его клинок воткнулся в соседнее зеркало. Не успело оно осыпаться серебряным дождем осколков, как изображение Амона-Рамы в нем исчезло, а стоны оставшихся перешли в крики.

— Ну, теперь я тебе устрою, колдун! — Конан почти перекричал душераздирающие звуки, исходившие из зеркал.

Он побежал вдоль стены, нанося удар по каждому из зеркал. Одно за другим исчезали изображения человека в кровавой одежде. Его крики перешли в вой, а затем в отчаянный визг.

Скрежет когтей по хрустальному полу предупредил Киммерийца об опасности. Он успел упасть на пол и откатиться в сторону, когда обезьяна снова бросилась на него. Меч сверкнул в воздухе, оставив глубокую рану в боку чудовища. Не менее глубокой оказалась и рана, полученная Конаном. Но главное, что он успел понять, это то, что чудовище двигалось медленнее, чем раньше. Не быстрее тренированного человека. Он бегом пересек зал,

не обращая внимания на монстра. Добить мерзкую обезьяну не означало поразить самого Амона-Раму.

У противоположной стены Конан стал громить зеркала одно за другим. Стоны, исходившие от оставшихся отражений, выражали за предельную боль и отчаяние. Краем глаза Конан увидел, что гигантская обезьяна снова рванулся к нему; ее единственный целый глаз горел фанатическим огнем. Он заметил, что даже в пылу сражения чудовище старается держаться подальше от пылающего красного Камня.

Неожиданно меч Конана со звуком, словно его уронили в воду, прошел сквозь одно из зеркал. Киммериец остолбенел. Меч не разбил зеркало, а проткнул его и изображение Амона-Рамы заодно. В зале воцарилась гробовая тишина, нарушающая только падавшими время от времени осколками разбитых зеркал. Те, что остались целы, давали обычное отражение, как нормальные зеркала. Обезьяноподобное чудовище исчезло, словно его и не было вовсе. Лишь горящие раны Конана

напоминали ему, что оно было куда как реальным и смертельно опасным.

Из-под кровавого капюшона на Конана глядело лицо с носом, похожим на клюв. Глаза никак не могли поверить в то, что произошло, и с ненавистью и тоской смотрели на молодого Киммерийца. Вдруг огненный шар появился в том месте, где клинок Конана проткнул одежду мага. Шар прокатился по мечу и взорвался у самых рук Конана, отбросив его, словно камень из катапульты. Не успел он встать на ноги, тряся головой, чтобы привести себя в чувство, как Амон-Рама шагнул из зеркала в зал. Поверхность зеркала сначала выгнулась перед ним, а потом растаяла, как легкое облачко пара.

Черный маг не посмотрел на Конана. Он лишь дотронулся до меча, торчавшего из его груди, словно желая убедиться в его реальности. Неверными шагами он направился к багровому Камню.

— Невозможно, — бормотал Стигиец, — вся сила, вся воля могли быть моими. Должны были быть моими...

Его руки сомкнулись на горящим Камне. Долгий, казавшийся бесконечным вой вырвался из его горла; по сравнению с этим все звуки, которые он издавал до того, показались бы тихим шепотом. Сквозь его пальцы прорвалось алое пламя. Оно становилось все ярче и ярче. Казалось, что сам колдун постепенно окрашивается в этот алый цвет.

— Кром! — прошептал Киммериец, глядя на это.

Кроваво-красный свет растекся по рукам и по всему телу Амона-Рамы; вот он уже превратился в кренящуюся статую из кровавого пламени, и вдруг его тело стекло на пол, превратившись в алью лужу, кипящую и пузыряющуюся. Ярко-красный пар поднимался в воздух и таял под потолком, пока наконец на полу не осталось ничего, кроме меча Киммерийца. Исчезла и прозрачная опора Камня, оставив его висящим в воздухе.

Осторожно, бросив не один подозрительный взгляд на Камень, Конан поднял свое оружие. Рукоятка из акульей кожи обжигала пальцы, но сам меч казался невредимым.

Конан быстро отскочил подальше от висящего Камня. Подумать только! Он чуть было не дотронулся до него, когда Амон-Рама затянул свою смертельную игру.

С громким звоном разлетелось на куски еще одно зеркало, и спутники Конана ввалились в зал.

— ... а я же говорил, что сработает... — оборвал сам себя на полуфразе Акиро.

— Слезящиеся глаза Раванны! — презрительно ответил Малак. — Ты утверждал, что ему везет. Какое уж тут везение. Просто этому стигийскому вонючке следовало бы подумать хорошенъко, прежде чем связываться с Конаном и Малаком.

Акиро повернулся к Киммерийцу:

— Тебе и вправду повезло. Но однажды везение оставит тебя, и что тогда?

— Ты видел? — спросил Конан, когда смог вымолвить хоть слово.

Акиро кивнул, а Зула вся передернулась.

— Эта обезьяна, — пробормотала она, оглядываясь, словно подозревая, что та просто где-то спряталась.

— Она исчезла, — сказал Конан. — Ладно, надо найти Дженну и этот проклятый Митрой Ключ и сваливать отсюда поскорее.

Словно произнесенное имя пробудило ее, Дженна появилась в зале из того же проема, из которого вышел Амон-Рама. За ее спиной осталась беспространная темнота. Она даже не взглянула ни на кого, а медленно пошла по направлению к неподвижно висящему Камню.

— Нет! — в один голос закричали Конан и Бомбатта, но прежде, чем они успели сделать хоть шаг, она протянула руку и взяла Камень в свою ладонь.

— Сердце Аримана, — тихо сказала она, глядя с улыбкой на кроваво-красный Камень, лежащий у нее на ладони. — Конан, это и есть Ключ.

— Что? Эта штука? — начал было Конан, но его вопрос был прерван резким толчком пола. Стены задрожали. Отовсюду послышались хруст и треск.

— Я должен был сообразить раньше, — взвыл Акиро. — Этот дворец построен волей Амона-Рамы, и теперь, с его смертью...

— Что вы стоите, вы разве не поняли? Бегите, бегите, или мы все последуем вслед за Стигийцем! — Словно в подтверждение его слов, раздался новый удар в пол.

— К колодцу! — скомандовал Конан. Хотя мысль о таком заплыве, когда весь дворец мог рухнуть в воду в любую минуту, не улыбалась никому, даже самому Киммерийцу.

Акиро тряхнул головой:

— Дайте мне попробовать сделать то, что я могу, когда ушло противостояние Амона-Рамы. — Он бросил многозначительный взгляд на Малака. — Смотри!

Его руки задвигались почти так, как они это делали тогда, когда Конан бросился спасти его от смерти на костре. И снова огненный шар стрелой сорвался с ладоней старика и влетел в хрустальную стену. На этот раз взрыва не было. Лишь часть стены рассыпалась на мелкие осколки, открыв рваную дыру размером с обычную дверь.

— Сюда, — сказал Акиро. — Ну, Малак, ты видел что-нибудь подобное?

Дворец снова задрожал, и уже безо всякого колдовства кусок потолка и одной из стен обрушился на пол, брызнув фонтаном осколков.

— Потом обсудим наши победы, — сказал Конан, хватая Дженну за руку. Остальные, не мешкая, устремились за ним.

Они бежали вниз по коридорам и залам неземной красоты. Всякий раз, когда очередная стена преграждала им путь в том направлении, которое они для себя выбрали, Акиро пробивал еще одну дыру при помощи своих заклинаний. Удары по полу и стенам становились все чаще и чаще, пока не слились в один монотонный гул. Рассыпался резной орнамент, сыпались осколки со стен, дважды громадные сверкающие плиты обрушивались за их спинами на пол.

Еще одно заклинание Акиро, еще один огненный шар — и они оказались на пристани. От дворца по озеру шли беспорядочные волны. Конан спихнул лодку в воду. На ее дне лежали доспехи Бомбатты. Усадив в лодку Дженну, Киммерийцу пришлось удерживать

ее, сопротивляясь попытке Бомбатты отплыть раньше, чем в нее заберутся остальные.

Когда все оказались на своих местах, Конан схватил весло.

— Давай! — крикнул он Бомбатте, и тот, не говоря ни слова, вогнал весло в воду.

За ними хрустальный дворец играл всеми цветами сошедшей с ума радуги. От высоких шпилей сильные лучи били вверх, в небо.

— Быстрее, — торопил Акиро, оглядываясь через плечо. — Быстрее!

Он внимательно посмотрел на Конана и Бомбатту, надрывавшихся, работая веслами на пределе сил. Хмыкнув, он опустил в воду руки и забормотал заклинания. Перед носом лодки образовалась небольшая волна, которая повлекла суденышко быстрее, чем все усилия гребцов. Малак вслух пытался вымочить путь к спасению у всего знакомого ему пантеона добрых и злых богов и божков.

— Не слишком ли много колдовства? — буркнул Конан.

— Может быть, — ответил Акиро. — А ты бы предпочел подождать, пока дворец...

С невероятным грохотом хрустальный дворец осел и обрушился. Сначала в спину беглецам ударил мощный шквал ветра. Затем они увидели, что их нагоняет огромная волна. Стена воды подхватила и понесла их суденышко к дальнему берегу. Все, что мог сделать Конан, — это опустить весло в воду и стараться держать лодку прямо перпендикулярно волне. Повернившись они чуть-чуть боком к ревущему потоку — и все пропало.

Пляж с черным песком приближался невероятно быстро и вдруг исчез под набежавшей волной. Сильный удар возвестил о том, что лодка вылетела не берег, выбросив при этом всех их в бурлящую воду. Конан смог встать на ноги, сопротивляясь попыткам воды вывести его из равновесия и утащить обратно в озеро. Дженну выбросило дальше, и, когда ее понесло обратно, Киммерийцу удалось схватить ее за одежду и притянуть к себе. Она одной рукой обняла его за шею и так замерла, прижавшись к нему, когда склынувшая вода оставила их на высоте четверти склона края тела.

— Ты цела? — спросил он девушку.

Она кивнула, а затем поднесла поближе руку, которой не обнимала его:

— Я даже не потеряла Ключ! — Багровый свет пробивался между ее пальцами.

Киммериец вздрогнул и не стал пытаться удержать ее, когда она шагнула в сторону. Из-под одежды она извлекла небольшой бархатный мешочек, в который и положила горящий Камень.

Конан тряхнул головой. Чем дальше продолжалось их путешествие, тем меньше ему нравилась вся эта затея. И на это были свои причины. Конан, задумавшись, сжал в кулаке золотого дракона — амулет, подаренный Валерией.

Он был приятно удивлен, увидев, что все его спутники не только живы, но и способны стоять на ногах, хотя и получили немало синяков и ссадин и к тому же промокли до костей. Страх отогнал стреноженных лошадей, и теперь они, нервно всхрапывая, стояли выше на склоне. Лодка лежала внизу, у кромки воды, там, где еще недавно был их лагерь.

От него мало что осталось: едва ли половина кожаных мешков для воды да однокое одеяло, застрявшее в ветках кустарника.

На другом берегу единственным напоминанием о дворце оставалась огромная яма, с ревом заполняемая озерной водой. Акиро почти с сожалением и тоской глядел туда, тихо повторяя:

— И все — творение его воли! Это было потрясающее.

— Потрясающее? — Зула не верила собственным ушам. — Великолепно?

— Я бы хотела выбраться отсюда поскорее, — сказала Дженна. — Я теперь чувствую зов Сокровища, как раньше чувствовала Ключ.

При этих словах Бомбатта поспешил к ней, загораживая девушку от Зулы и Конана, словно главная опасность исходила от них.

Малак приложил руки к уху Конана и тихо, чтобы никто другой не разобрал его слов, сказал ему:

— Сокровище. Я не хуже колдунов понимаю в этом толк. Надеюсь, что на этот раз

наши и их интересы не пересекутся. То, что не понадобится этой дворцовой кукле, вполне можем оприходовать мы с тобой, а? Скоро вернемся в Шадизар и заживем — как кум королю.

— Скоро, скоро, — согласился Конан.

Его глаза беспокойно поглядывали на Дженну, а рука так сжала амулет, что золотой дракон словно впечатался в ладонь.

— Уже скоро.

Глава 14

Конану начинало казаться, что лекарства Акиро были хуже, чем раны, которые они были призваны лечить.

Их маленький караван продолжал путь на юг. Над ними по-прежнему нависали серые горы. Их склоны были изрезаны узкими ущельями, удобными для нападения. В густом кустарнике можно было нарваться на засаду, но Конан не мог сосредоточиться ни на чем, кроме своих повязок, закрывавших раны, оставленные когтями чудовищной обезьяны. Наложенная под повязкой мазь жгла как огонь. Конан судорожно потянулся к льняному полотну, обмотанному вокруг его груди.

— Не делай этого, — остановила его Дженна, — Акиро сказал, что не следует беспокоить раны.

— Это все чушь, — возразил Конан. — Такие царапины я получал и раньше. Промыть их и оставить открытыми. Вот и все, чем я лечился всю жизнь.

— Это не царапины, — твердо сказала она.

— Да еще эта вонь.

— Это же приятный аромат целебных трав. Я начинаю удивляться, как ты вообще умудряешься как-то обходиться без посторонней помощи. Я тебе повторяю, оставь свои повязки в покое. Акиро говорит, что эта мазь вылечит целиком все раны за два дня. Конечно, не очень-то верится, но он еще попросил, чтобы я не спускала с тебя глаз, чем я и занимаюсь.

Конан обернулся, чтобы посмотреть в глаза старому колдуну. Тот с показным равнодушием встретил его взгляд. Малак и Зула, похоже, и вовсе были рады новому развлечению и внимательно слушали диалог Конана и Дженны. Бомбатта казался погруженным в свои мысли, но по его глазам было видно, что он не заплакал бы, окажись раны, нанесенные колдовской обезьяной, смертельными.

— Должна сказать, что ты не выглядишь благодарным Акиро за то, что он так старается сделать для тебя. А ты...

— О, Великий Митра, — взмолился Конан и довольно грубо поинтересовался: — Слушай, девочка, может, ты займешься чем-нибудь другим?

Лицо Дженны помрачнело, глаза погасли, и Конан понял, что погорячился.

— Прости меня, — коротко сказала она и попридержала лошадь, чтобы поотстать от Киммерийца. Ее место тут же занял Малак. Конан повернулся к приятелю и сказал:

— Иногда мне кажется, что эта девчонка мне куда больше нравилась, когда шарахалась от собственной тени.

— А мне вообще нравятся только такие, которых можно полапать самому... — маленький вор осекся, заметив холодный взгляд Конана. — Слушай, я ведь не о девчонке хотел поговорить. Ты соображаешь, где мы едем?

— Думаю, да.

— Тогда почему мы не свернем куда-нибудь? Еще немного, и мы вплотную подберем-

ся к деревне, где встретили Зулу. Не думаю, что ее жители обрадуются, увидев нас снова. Нам просто везет, что нас до сих пор не встретили градом стрел из кустов.

— Да знаю я, — сказал Конан.

Он посмотрел на Дженну. Она ехала опустив голову и закрыв лицо капюшоном. Она явно была очень расстроена.

— Мы должны ехать дальше, опять через деревню? — крикнул он ей.

Дженна выпрямилась, отчаянно пытаясь собраться с мыслями.

— Что? Какая деревня? — она осмотрелась и показала на восток, в узкое ущелье между двумя покрытыми снегом вершинами. — Нам туда.

— Хоть всем богам молись с этой красавицей, — вздохнул Малак.

В этот момент из зарослей им навстречу вылетел целый эскадрон — человек сорок — коринтийских кавалеристов, сверкающих лезвиями мечей.

Конан не стал тратить время на проклятия, да если бы и захотел — не успел бы. Его меч

едва успел взлететь в воздух, чтобы отразить удар клинка коринтийца, вознамерившегося проломить Конану череп. Одновременно, вы-свободив ногу из стремени, Конан ударом сапога выбил другого нападающего из седла. Мгновение спустя удар меча перерезал горло первому противнику. Конан успел заметить Малака, подпрыгнувшего под меч коринтийца и вонзающего ему кинжал под полированную грудную пластину его доспехов. В этот миг еще один всадник налетел на Киммерийца.

— Конан! — отчаянный крик донесся до него даже сквозь общий гвалт. — Конан!

Конан бросил взгляд в том направлении, откуда шел звук; от увиденного у него перехватило дыхание. Смеющийся солдат схватил Дженну за волосы, и только то, что она судорожно ухватилась за седло, спасло ее от падения под копыта.

Один лишь взгляд, но, когда Конан повернулся вновь к своему противнику, тот содрогнулся, увидев в сапфировых глазах свою смерть. Он по-прежнему крепко держал в тренированных руках свой меч, но уже ничего

не мог противопоставить ярости северянина, сошедшегося с ним в поединке. Трижды скрестились их мечи, а затем Конан повернул коня, оставив окровавленное тело на камнях долины.

Киммериец бросил коня галопом в сторону, где Дженна продолжала кричать, держась одной рукой мертвый хваткой за седло, а второй пытаясь вырвать волосы из сжимавшего их кулака или хотя бы ослабить боль. Коринтиец откинулся голову назад, заливаясь смехом.

— Эрлик тебя подери, собака! — проорал Конан, привстав на стременах, чтобы вложить в удар всю силу и вес своего массивного тела.

Его злость была так велика, что он даже не заметил, как клинок перерубил шею коринтийца. Голова солдата оторвалась от плеч и с последней гримасой смеха на губах отлетела под копыта лошадей. Кровь фонтаном забила из обезглавленного туловища, некоторое время ещеостоявшего прямо в седле, а затем рухнувшего вслед за головой. Пальцы, вцепившиеся в волосы Дженны, чуть не ута-

щили ее вслед за мертвым телом, пока не ослабили свою последнюю хватку. Девушка почти легла на шею лошади, глядя безумными, вытаращенными глазами на обезглавленное тело рядом с ногами ее лошади.

Не больше секунды потребовалось Конану, чтобы оценить ситуацию на поле боя. Малак, верхом на коринфской лошади, уже тянулся к крупу другой, хватая ее наездника за красный плюмаж на шлеме. Миг — и по открытой шее коринтийца полоснул отточенный кинжал шадизарского вора. Вспышки и гулкие удары сопровождали судорожные метания Акиро по долине. Стоило ему остановиться, чтобы начать заклинания и магические движения руками, как кто-нибудь из нападавших подлетал к нему с диким воплем, занося оружие. Акиро встречал их вспышками и громоподобными раскатами, которые, однако, не наносили никому вреда. С каждым разом у старика оставалась все меньше времени, чтобы в перерывах между нападениями сосредоточиться и преподнести коринтийцам более действенные доказательства магической

силы. Зула и Бомбатта пытались держаться рядом с Дженной, но молнии сверкающей сабли и со свистом рассекающего воздух шеста едва хватала, чтобы просто сдержать натиск наседавших коринтийцев и отражать град их ударов.

Казалось, что число уже погибших коринтийцев должно было остановить их товарищей. Слишком высокую цену приходилось платить за победу над этой странной компанией. Но эскадрон уже вошел в раж битвы, а кроме того — и Конан уже имел возможность убедиться в этом в своих странствиях, — умирать храбро и глупо там, где была возможность избежать этого, было одной из характерных традиций воинов из коринтийских городов.

— Уходим врассыпную! — крикнул Конан.

Два всадника бросились на него одновременно. Широкий меч описал круг, отхватив занесенную для удара руку по локоть и глубоко вонзаясь в плечо второго противника.

— Уходим! Их слишком много. Уходим!

Схватив поводья лошади Дженнны, Конан направил своего коня галопом в сторону ущелья, куда Дженна собиралась повернуть их маленький отряд.

Три коринтийца бросились наперерез беглецам. Удивленные ухмылки пробежали по их лицам, когда они увидели, что Конан не собирается сворачивать, а несется прямо на них. Удивление сменилось смятением, когда тяжелый, крупный конь Киммерийца ударом корпуса сбил с ног небольшую коринтийскую кобылу, вдавив копытами в каменистую землю ее всадника.

Ошеломленные, двое оставшихся помышляли уже не столько о нападении, сколько о защите. Даже связанный необходимостью удерживать лошадь Дженнны, Конан быстро напомнил им о том, что лучшая защита — это нападение. Свой путь к указанному Дженной ущелью он продолжил, оставив позади еще два трупа и одного стонущего на земле противника.

Он не позволил себе даже обернуться назад. А что, если, оглянувшись, он увидит, что

кто-то из друзей нуждается в срочной помощи? Броситься на выручку? Он не имел на это права. Дженна. Ее нужно довести до Сокровища, затем — вернуться с ней в Шадизар. Ради Валерии. Да и если бы не эта история с оживлением Валерии, Конан уже понял, что все равно не покинул бы девушку. Все, что ее ждет, — это упасть с перерезанным горлом или повиснуть перекинутой через седло любого из коринтийцев, решившего отвлечься от неравного боя ради такой соблазнительной пленицы.

Сжав зубы до боли, он поскакал вперед, увлекая за собой Дженну и стараясь не слышать звуков боя, доносившихся из-за спины.

Глава 15

Жемчужно-серые тени гор уже скрестились над ущельями, когда Конан наконец натянул поводья. Конечно, он не гнал лошадей галопом все это время — такой скачки животные не вынесли бы и на равнине, не то что в этом нагромождении скал, череде подъемов и спусков, — но ни один конь не может скакать бесконечно, даже на умеренной скорости. А кроме того, Киммериец хотел присмотреть подходящее для ночлега место до того, как совсем стемнеет.

Он обернулся к Дженне, чтобы выяснить, как она пережила все это. Щеки девушки были покрыты слоем пыли, прорезанной следами скатившихся слез. Она была погружена в такое же молчание, каким встречала все

его вопросы в начале путешествия. Вцепившись обеими руками в седло, она изъявила не больше желания взять поводья, чем во время всей их бешеной скачки. Видя, что на все его вопросы и замечания она отвечает, лишь утвердительно или отрицательно кивая головой, он был вынужден признать, что его грубость в последние несколько часов тоже сыграла в этом свою роль. Казалось, что единственным ее занятием оставалось молча смотреть на него. Это заставляло Конана беспокоиться — не повредилась ли она в уме, побывав впервые в жизни в самой заварухе боя.

— Ну, ты как, в порядке? — довольно грубо спросил он ее. — Ну? Скажи ты хоть что-нибудь!

— Ты... ты был страшен, — тихо сказала она. — Они с таким же успехом могли размахивать не мечами, а прутьями.

— Пойми, то, что ты видела, — это поединок рыцарей, а не игра, в которую ты все еще пытаешься играть, не замечая ничего вокруг.

Сам удивляясь охватившему его раздражению, он предпочел переключиться на поиски места для ночлега.

— Просто я никогда раньше не видела ничего подобного. То, что произошло с Зулой в деревне, бой у дома Акиро — все это было как-то по-другому. Это почти не касалось меня. Я смотрела на все как на какое-то представление, как на жонглеров или дрессированных медведей.

Конан не смог удержаться, чтобы не протурчать в ответ:

— В этих спектаклях погибли живые люди. Конечно, для нас лучше, что погибли они, а не мы, но суть дела это не меняет. Никто не погибает ради удовольствия или неудовольствия зрителей.

Наконец он заметил симпатичное местечко — небольшую площадку, почти окруженнюю десятками валунов ростом выше, чем всадник на лошади. Натянув поводья, он повернул коня к пригляднувшемуся meststu.

— Я не хотела тебя обидеть, Конан.

— А я что, разве похож на обиженного? — резко возразил он.

Он провел ее лошадь в узкий проход между камнями. Туда, где на прикрытом со всех сторон пятаке смогли разместиться и они сами и их лошади. Валуны прикроют их от холодного горного ветра и, что самое главное, — от взглядов тех, кто может вознамериться искать беглецов. Спешившись сам, Конан помог Дженне слезть с лошади и усадил ее, занявшись расседлыванием лошадей.

— Разведи костер, — попросила она, кутаясь в плащ, — мне холодно.

— Никаких костров!

Даже если бы в этом каменном мешке и было чему гореть, он все равно не стал бы рисковать, раскрывая их тайное пристанище.

— Вот, держи, — сказал он, протягивая девушке конские подседельные попоны.

— Но они так пахнут, — поморщилась Дженна, но прежде, чем он успел что-то сказать, она накинула грязные истертые полотна поверх плаща, не переставая, однако, шмыгать носом.

К седлу Конана был привязан мешок с сухим мясом. Этого хватило бы на несколь-

ко дней. Вода, однако, могла стать проблемой. Единственный бурдюк был наполовину пуст.

— Как ты думаешь, а им удалось выбраться? — неожиданно спросила Дженна. — Бомбатте, Зуле и всем остальным?

— Может быть.

Конан резким движением сорвал повязку с головы и принял за ту, что прикрывала рану на груди.

— Нет! — воскликнула Дженна. — Не трогай их. Акиро сказал...

— Акиро и остальные, может быть, уже мертвы. И во многом по моей вине.

Конан стер повязками слой мази, закрывавший раны. К его удивлению, от них остались лишь тонкие розовые полоски, словно после долгих недель лечения.

— Я слишком увлекся своими ранами, жжением и запахом от повязок. Если бы не это, коринтийцам ни за что не удалось бы застать нас врасплох.

Он с тяжелым вздохом отбросил в сторону грязные тряпки повязок.

— Ты не виноват, скорее уж я. Это ведь я приставала к тебе, как ребенок, и дулась на тебя вместо того, чтобы вовремя указывать путь. Если бы не это, мы свернули бы раньше, чем они напали на нас.

Конан потряс головой:

— Это глупости, Дженна. В том ущелье ты смогла бы увидеть нужный путь лишь на несколько мгновений раньше. Коринтийцы все равно напали бы на нас, только увидев, что мы поворачиваем.

Он приступил к ужину, оторвав кусок вяленой баранины, по жесткости не уступавшей плохо выделанной коже, да и по вкусу мало чем отличающейся от нее. Дженна задумчиво хмурилась.

— Ну, положим, от меня ждать большегобыло нельзя. Но ты — ведь твой взгляд может проникнуть сквозь стены и за углы, ты видишь и чувствуешь любую опасность. Я и представить себе не могла, что буду путешествовать в сопровождении двух волшебников. Слушай, а почему ты не хотел с самого начала приделать всем нам крылья и в один миг добраться до цели?

Конан чуть не подавился куском мяса. Восстановив дыхание, он исподлобья посмотрел на нее, но лицо Дженны, как всегда, выражало лишь полную невинности. Неужели она и впрямь верила в то, что говорила, верила, что он... Ну нет, он еще не полный дурак, чтобы не почувствовать насмешки. Конан уже открыл рот, чтобы огрызнутся, но понял, что любой его ответ лишь усугубит его дурацкое положение.

— Ешь, — сказал он сурово, бросая к ее ногам кусок вяленого мяса.

Дженна аккуратно взяла его и принялась жевать. Киммерийцу показалось, что уголки ее губ растянулись в тщательно скрываемой улыбке. Этого еще не хватало, недовольно подумал он.

Сиренево-голубые сумерки спустились над горами. Дженна, закончив скромный ужин, стала подыскивать местечко поудобнее, чтобы лечь спать. Она раскладывала попоны и одевала то так, то эдак на жестких камнях и вдруг жалобно попросила:

— Мне холодно. Сделай что-нибудь.

— Костра не будет. У тебя есть чем укрыться.

— Тогда забирайся ко мне под одеяло. Если ты не позволяешь мне согреться у огня, будь любезен согреть меня сам.

Конан уставился на нее. Нет, подумал он, надо же быть таким ребенком.

— Я не могу. Это... ну, в общем, я не буду.

— Но почему нет? Тетя зачем тебя послала? Я тут околеваю от холода, а ему и в голову не придет спасти меня от таких мучений.

Конан застонал и засмеялся одновременно. Послали козла сторожить капусту. Ему даже пришлось встряхнуться, чтобы отогнать ненужные мысли.

— Подумай, Дженна. Тебе следовало бы постеречься Тарамис, когда ты вернешься в Шадизар.

— Бояться тети? С чего бы это?

— Я не знаю истинной причины, — тихо сказал он, — но короли и королевы, принцы и принцессы — они думают не так, как остальные люди. И совсем по-другому понимают, что такое добро и что такое зло.

— Тебя беспокоит мой сон? Бомбатта был прав. В этом кратере и не такое приснится. А тетя любит меня. Она вырастила меня, заменив отца и мать.

— Может, оно и так, Дженна. Но если вдруг когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, передай с кем-нибудь пару слов в таверну Абулетеса в Шадизаре. Я приду. И уж мне точно удастся найти для тебя безопасное место.

— Я так и сделаю, — ответила она, хотя было видно, что ей и в голову не могла прийти мысль, что это может понадобиться. — Но я так и не согрелась, — гнула она свое и даже приподняла край одеяла.

Еще несколько мгновений Киммериец колебался. Наконец, бурча что-то про то, что и вправду похолодало, что нет ничего страшного в том, чтобы согреть друг друга, снял пояс с мечом и устроился рядом с девушкой. Она натянула ему на плечи не только пропахшие конским пением попоны, но и часть своего плаща. Пока он поправлял одеяла, Дженна прижалась к нему. Инстинктивно

Конан обнял ее. Его ладонь легла на изгиб ее бедра и отскочила как ошпаренная, судорожно пометалась вдоль тела и наконец успокоилась на талии девушки.

— Так даже теплее, чем я предполагал, — пробормотал он, вытирая пот со лба. — Лучше, наверное, отодвинуться чуть-чуть.

«Да не железный же я, — подумал он, — и сколько еще выдержки могут требовать боги от мужчины из плоти и крови».

Дженна еще плотнее придвигнулась к нему и дотронулась пальцем до золотого амулета:

— Расскажи мне о Валерии.

Конан удивленно хмыкнул; Дженна подняла глаза:

— Я ведь не глухая. Я слышу твои разговоры с Малаком, да и с Акиро. Скажи, какой женщиной она была?

— Какой? Она была единственной из тысяч тысяч других. Наверное, таких больше нет. Воин, друг, боевой товарищ, спутник в путешествиях...

— И любовница? — добавила она к его перечислению. Конан хотел что-то ответить,

но она поспешила опередить его: — А в твоем сердце остался хоть уголок для другой женщины?

Конан думал, как описать ей их отношения с Валерией. Как она бросалась к нему в постель со страстью тигрицы и как через несколько часов с неменьшей яростью могла закатить ему оплеуху, если он чересчур явно заглядывался на какую-нибудь трактирную девчонку.

— Понимаешь, — начал он осторожно, — между мужчиной и женщиной есть такие отношения, о которых ты ничего не знаешь и поэтому не сможешь правильно...

— Много ты понимаешь, — Дженна попыталась изобразить уверенность в голосе, — мы с Зулой хорошенько обсудили разные способы... это... вот, чтобы заарканить мужика.

Конан рассмеялся, но вдруг почувствовал, что она взяла его руку и опустила ее под расстегнутое платье. Он невольно обнял ладонью маленькую грудь.

— Слушай, ты сама не понимаешь, что делаешь, — хрипло прошептал он.

Не успел он договорить, как она резко навалилась на него всем телом. От неожиданности он перевернулся на спину, и она оказалась на нем, все крепче прижимаясь к его груди.

— Тогда научи меня, — прошептала она, и ее сладкие губы выкинули из его головы весь здравый смысл.

Холодный ночной ветер хлестал Шадизар, словно жесткая метла, старающаяся вымести из города всю его явную и скрытую грязь.

Тарамис приняла этот ветер как предзначение. Знак ухода старого и прихода нового рассвета. Ее платье — золото на небесно-голубом — тоже означало неизбежный приход нового дня, новой эпохи.

Темные глаза обежали большой внутренний двор, вымощенный большими полироваными плитами светлого мрамора и окруженный алебастровой колоннадой. Выходившие во двор балконы были пусты; ни единого

огонька не мигало в темных окнах. Страже было строго приказано не подпускать никого близко ко двору.

Окруженнная свитой жрецов, она смотрела не спящую фигуру Дагота — прекраснейшего из мужчин. Жрецы новой веры, возрожденной из тьмы веков, были одеты в золоченые мантии, спадавшие до пят. Голову каждого венчала корона с выгравированным на лбу широко открытым глазом — символом бодрствования служителей Спящего Бога.

Самая высокая корона венчала того, кто стоял рядом с принцессой, сжимая в руке длинный жезл с алмазом на конце, вставленным в оправу в форме глаза. Это был Ксантерес — Верховный жрец. И действительно, он был выше всех остальных — не считая, конечно, Тарамис.

— Настала третья ночь! — неожиданно произнесла она торжественным голосом.

Круг жрецов откликнулся эхом:

— Третья ночь до Ночи Пробуждения.

— Благословенна будь Ночь Пробуждения, — пропел верховный жрец.

— Спящий Бог никогда не умрет! — воззвала принцесса, и ответ жрецов эхом вернулся к ней:

— Там, где есть вера, — нет места смерти!

— Пусть прольется на нашего Бога то, что должно пролиться в эту ночь.

— Славься та, кто окропит Спящего Бога, — нараспев ответил хор жрецов.

Негромко зазвучали свирели, сначала медленно, а затем все быстрее и громче. Еще двое жрецов с коронами на головах появились из колоннады. Между ними шла девушка; ее толстые косы были аккуратно уложены вокруг головы, платье сияло снежной белизной. Введя ее в круг, жрецы сняли с нее одежду, и, не стыдясь своей наготы, девушка шагнула вперед, к изголовью ложа Дагота. Тарамис и Ксантерес подошли и встали по обе стороны от нее.

— Ания! — позвала ее Тарамис; девушка с усилием отвела взгляд от лежащей фигуры. — Ты первая, избранная Спящим Богом за твою непорочность.

— Я не достойна такой чести, — прошептала она.

— При рождении ты была отмечена Спящим Богом. Служишь ли ты ему и по сей день добровольно?

Тарамис знала ответ еще до того, как искры экстаза запрыгали в глазах девушки. Жестокая принцесса долго и хорошо готовилась сама и готовила других к этому действу.

— Я, недостойная, молю о разрешении служить ему.

Свирели залились громкими трелями.

— О Великий Дагот, — крикнула Тарамис, — прими наше подношение. Прими первое помазание перед Ночью Твоего Возвращения.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ксантереса, когда его пальцы, вцепившись в волосы Ании, резко наклонили ее над головой алебастровой фигуры. Еще одно движение — и ее голова запрокинулась к небу, оставив открытым незащищенное горло. Из складок мантии появился позолоченный кинжал; он блеснул в воздухе — и вот уже алый фонтан брызнул на лицо Спящего Бога.

— О Великий Дагот! Твои слуги приносят тебе первую жертву! — воскликнула Тарамис. Хор жрецов вторил ей.

Тарамис рухнула на колени и в поклоне опустила к мраморному полу голову. Ее молитва взлетела к ночному небу:

— О Великий Дагот! Твои слуги ждут Ночи Твоего Пришествия. Я жду Ночи Твоего Пришествия.

Усиленная хором жрецов молитва вновь и вновь отражалась от дворцовых стен:

— О Великий Дагот! Твои слуги ждут Ночи Твоего Пришествия!

Тело Ании вздрогнуло в последний раз и затихло там, где она упала, всеми забытая в луже уже остывшей крови на розовом мраморе пола.

Глава 16.

Каменистым было дно ущелья, по которому двигался конь Конана. Каменным было и выражение лица его седока. Конан старался занять все мысли только наблюдением за дорогой, не позволяя себе отвлекаться ни на что другое.

— Ну, поехали же быстрей, — время от времени восклицала Дженна. — Я же знаю дорогу, поехали быстрее!

Он подождал, пока лошади перебрались через каменную гряду, отделявшую их от склона другого ущелья, и только тогда ответил:

— Я могу за два дня довести тебя до Шадизара. За один день — если мы до смерти загоним лошадей.

Он замолчал, в который раз подсчитывая оставшиеся дни и ночи. Теперь многое зависело от того, сколько еще смогут продержаться их кони и как быстро они смогут скакать.

— Я решил вернуться.
— Но мое предназначение!

— В твое предназначение не входит погибнуть в этих горах. Я доставлю тебя во дворец твоей тети.

— Ты не посмеешь препятствовать моему предназначению!

— Да пошло оно, твое предназначение...

Дженна подогнала лошадь и поравнялась с ним.

— А Валерия? Да, это я тоже слышала, и я знаю, что за награду тебе обещала тетя.

Титаническим усилием Конану удалось сохранить бесстрастное выражение на лице. Да, долг должен быть отплачен. Отплачен любой ценой. Но платить должен и может только он, но не Дженна.

— Я могу защитить тебя по дороге. Но не в том случае, если мы сами будем нарываться на неприятности. Неужели ты думаешь, что

твое Сокровище будет лежать просто так, на блюдечке.

— Валерия...
— Она не просила меня обменять твою жизнь на ее. А теперь замолчи и поезжай за мной.

Некоторое время она и вправду ехала молча, лишь про себя всхлипывая и беззвучно шевеля губами. Занятый своими мыслями, Конан даже не заметил ее расстройства и раздражения.

Неожиданно она снова взмолилась:

— Это где-то здесь. Я чувствую, Конан. Пожалуйста, сверни туда. Я прошу тебя!

Сам того не желая, он обернулся туда, куда указывала Дженна. Не самая высокая из окружающих гор. Такие же серые склоны. Но у подножия рассыпались гигантским ковром изломанные скалы — каменные столбы и шпили. Лабиринт, — вспомнил Конан, как называла их путешествие Дженна. Это был настоящий лабиринт. В его закоулках можно было спрятать целую армию. Нет, это не место для девчонки, даже если там и находится столь

нужное для Тарамис Сокровище. Киммериец решил обогнуть гору с юга. Он не сказал Дженне ни единого слова.

— Конан!

Он закрыл уши руками, не желая слышать.

— Конан!

Вдруг до его сознания дошло, что уже не Дженна, а кто-то другой окликает его. Рука сжала рукоять меча: то, что звавший знал его по имени, еще ни о чем не говорило. Вдруг из-за бугра вылетела низкорослая лошаденка, оседланная на коринфийский манер. Верхом на ней восседал маленький, худенький черноглазый человек.

Рот Конана растянулся до ушей:

— Малак! А я думал, что ты...

— Еще не хватало. Я слишком красив, чтобы умереть.

По пятам за Малаком скакали остальные: Бомбатта, Зула и Акиро, трясущийся в седле и что-то бормочущий про старые кости. Чернокожая женщина сразу метнулась к Дженне, и обе застыли, уткнувшись лицом друг другу в плечи.

— А как же коринтийцы? — спросил Конан. — И как вы нашли нас?

Акиро открыл было рот, но Малак поспешил вмешаться в разговор:

— Когда они увидели, как ты рванул в ущелье, чуть не половина этих ребят двинулись следом, на скаку решая, кому первому достанется девчонка. Ну, что вы на меня уставились? Видит Митра, это они сказали, а не я! В общем, их стало поменьше, и у Акиро появился шанс заняться любимым делом. Давай, расскажи им, что ты такое сотворил.

Акиро снова попытался что-то сказать, и снова Малак перебил его, заливвшись звонким смехом:

— Он напустил на них тигра. Размером эта киска была со слона. Ты бы видел, что стало с их лошадьми! Ладно, Акиро, рассказывай дальше.

— Это была лишь слабая иллюзия, — осторожно начал Акиро, все поглядывая на Малака, видимо, опасаясь, что тот снова перебьет его. — Все-таки времени было совсем

мало, да и условия — не те. Это был лишь зрительный обман, правда — с запахом тигра. Он и двигаться-то не мог. Но, к счастью, их лошади об этом не знали. Они словно взбесились от ужаса. Наши, впрочем, тоже. Но как бы то ни было, это дало нам возможность смыться. Правда, без запасной кобылы, но зато с целыми шкурами.

Слишком много колдовства в этом путешествии, снова подумал Конан, но, честно говоря, он ничего не имел против, когда оно спасало жизнь его друзей.

— Отлично, что вы нашли нас. Мы вместе влезли в эти горы и вместе должны выбраться отсюда. Нет, нам просто повезло, что мы встретились.

Малак уже раскрыл рот, но осекся под колючим взглядом Акиро.

— Тут нет никакого везения. Вот, смотри, — он протянул Конану кожаный шнурок с маленьким, покрытым резьбой Камнем на конце. Легким движением Акиро пустил камень по кругу, но круг тотчас превратился в овал, а затем Камень маятником закачался

по прямой линии, соединяющей Конана и колдуна.

Киммериец невольно задержал дыхание:

— Не люблю я, когда такие штучки связаны со мной.

— Не с тобой, а с амулетом. Найти такую штуку легче, чем живого человека. Другое дело, если бы у меня был твой волос или хотя бы лоскуток твоей одежды. Мы бы нашли тебя еще быстрее.

— Кром! — выпалил Конан.

Еще не хватало, чтобы кто-нибудь из колдунов, пусть даже и дружелюбный пока что Акиро, заполучил себе его волос.

Воспользовавшись молчанием Конана, Акиро продолжил:

— А так, настроившись на неживой предмет, мы потратили уйму времени, чтобы точнее определить направление. Это похоже на поиск выхода в темноте в незнакомом доме.

— А Бомбатта, тот и вовсе не хотел ждать, пока мы разберемся с этой штукой, — не удержавшись, влез в разговор Малак. — Он сказал, что не доверяет колдунам...

Тут он снова осекся и опасливо поглядел на Акиро.

— Все в порядке, Малак, — успокоил его Акиро. — Я уже почти закончил.

Все это время Бомбатта, не слезая с коня, переводил взгляд с Конана на Дженну и обратно. Наконец он громогласно произнес:

— Он не причинил тебе вреда, дитя?

Дженна вздрогнула и прервала разговор с Зулой.

— Что? О чём ты, Бомбатта? Конан защищает меня так же, как и ты.

Её ответ, похоже, не удовлетворил воина в черных доспехах. Его лицо потемнело, шрамы резче выступили на коже. Он, поколебавшись, повернулся к Акиро и спросил его:

— Эй, колдун. Я должен знать правду. Скажи, невинна ли она по-прежнему?

— Бомбатта! — охнула Дженна, а Зула, стоя рядом с нею, выпалила:

— Это не тот вопрос, на который нужно отвечать тому наглецу, который посмел задать его.

— Скажи правду, колдун, — настаивал Бомбатта, — наша жизнь и многое другое, о чём ты даже не можешь предполагать, зависят от этого.

Акиро разомкнул губы и утвердительно кивнул.

— Она невинна. Я это ощущаю так сильно, что только удивляюсь вам, не чувствующим этого.

Подождав, когда Бомбатта, облегченно вздохнув, отойдет, Акиро наклонился к Конану и сказал:

— Я уже говорил, что здесь все дело в душе, а не в плоти.

Конан покраснел, а затем покраснел еще сильнее, осознав, что краснеет.

— Ну ты, соглядатай. Только не надо пробовать на мне свое ясновидение. Надеюсь, ты ночью не подглядывал.

— Вспомни тот флакон, который я дал тебе. Выпей его содержимое — и скачи отсюда. Бери девчонку, если хочешь, — и вперед. Я не сомневаюсь, что она за тобой хоть на край света... в крайнем случае, через пару

таких ночей. А здесь тебе больше нечего ждать. Разве что новых ран. Только учи, раны души куда труднее залечить, чем раны на теле.

Рука Конана нашупала в поясном мешочке каменный флакон. Валерия... Неоплаченный долг...

Голос Дженны словно разбудил его:
— ...и он говорил мне, что не поедет туда со мной. Но нам надо именно туда. Я знаю.

Бомбатта с презрительной усмешкой повернулся к Киммерийцу:

— Эй ты, вор, забыл свою ненаглядную Валерию? Может, коринтийцы вытряхнули из тебя последнее мужество? Да и было ли оно у тебя...

Глаза Конана блеснули таким холодом, что Бомбатта оборвал фразу на полуслове. Его пальцы снова сжали саблю так, что казалось, рукоятка рассыплется в пыль в кулаке. Конан же даже не прикоснулся к своему оружию.

Спокойствие, повторял он про себя. Человек, лишенный терпения, не протянул бы долго в его родной Киммерии. Время еще не

пришло. Свои счеты они сведут позднее. Когда он заговорил, его голос был холоден и спокоен:

— Я не поведу ее туда, куда она хочет, один, без еще нескольких пар внимательных глаз и еще нескольких острых клинков. Теперь они у нас есть. Давай-ка не будем тянуть время. Нам обоим позарез нужно вернуться в Шадизар завтра ночью. И у нас есть одно дело, которое нужно будет утрясти по возвращении.

— Я жду не дождусь, когда мы сможем взяться за это дело, — прохрипел Бомбатта.

— А я уже решаю, чем заняться после, — сказал Конан, встряхивая поводьями.

Глава 17

Чтобы добраться до чудовищных ломаных каменных пальцев, им пришлось потратить почти полдня. Вблизи эти громады показались Конану не более привлекательными, чем издали. Каменные стены все теснее обступали их, и вот уже путники вынуждены были двигаться цепочкой, по одному. Сотни миниатюрных каньонов и ущелий переплелись в огромной каменной паутине. Иногда по дюжины узких проходов открывалось на выбор перед ними (причем один хуже другого для продолжения движения и для копыт лошадей) за очередным поворотом.

— Направо, — слышался голос Дженны из-за плеча Конана. — Еще правее. Нет, не этот. Вот тот, туда! Я чувствую, оно уже так

близко! Мы бы двигались вдвое быстрее, если бы вы пустили меня вперед.

— Нет! — рявкнул Бомбатта.

Конан промолчал, обшаривая глазами три коридора, открывшиеся перед ним и ведущие в разные стороны этого лабиринта. Уже не в первый раз Дженна просилась вперед, и он давно устал объяснять ей всю опасность такого решения. Бомбатта же не только опасался за девушку, но и очень не хотел оставлять ее рядом с Конаном, не говоря уж о том, чтобы Киммериец оказался между ним и ею. Впрочем, Конану сейчас было не до рассуждений на эти темы.

— Почему мы стоим? — раздался возглас Дженны. — Сюда, нам нужно сюда, — она показала на центральный коридор.

— Здесь слишком узко для лошадей, — сказал Конан, слезая со своего коня и с трудом пробираясь между его боком и каменной стеной. — Придется оставить их здесь.

Ему совсем не нравилась эта идея. А вдруг с лошадьми что-нибудь случится? Без них им как своих ушей не видать Шадизара вовремя.

Его спутники тоже спешились и, связав передние ноги своих коней, пробрались к Конану.

— Малак, — сказал он, — я думаю, тебе лучше остаться с лошадьми.

Тот огляделся, окинув взглядом вздымающиеся вокруг каменные стены, и поежился.

— Остаться здесь? Лук Сигина! Конан, я-то думал, что нам не стоит разделять наши силы, что мы будем держаться все вместе. Да здесь и вздохнуть-то нечем!

Собравшись уже ответить порезче, Конан вдруг задумался. Он ведь и сам изрядно мучился в этих каменных щелях. Ему тоже казалось, что эти громады закрывают доступ воздуху. Он внимательно посмотрел на лица своих спутников. Дженна — вся нетерпение, Зула — ожидание; ожидание нападения в любой момент и с любой стороны. Бомбатта, по обыкновению, хмурился и что-то недовольно бурчал. Акиро, тоже как обычно, задумался о чем-то. Может, это удушье — только плод его воображения?

— Хорошо, остаемся все вместе.

Конан вынул из ножен меч и кинжал.

— Так я буду отмечать наш путь, — сказал он, процарапав стрелу на стене коридора, — тогда будет легче найти лошадей. И держитесь поближе друг к другу.

К радости сгорающей от нетерпения Дженны, Конан двинулся вперед, хотя и не так быстро, как ей бы хотелось. Через каждые десять шагов он чертил на камнях очередную стрелу. Если случится самое страшное, думал он, то даже одна Дженна сможет найти лошадей. Даже одна она будет иметь возможность спастись.

Подчас коридор был настолько узок, что даже Зула или Дженна не могли свободно пройти между стенами; остальным же приходилось протискиваться, царапая плечи, спины и бока. Но как бы трудно ни было продвижение, меч Конана всегда был наготове, так же как и кинжал, не менее полезный, случись какая-нибудь заварушка в этой тесноте.

Чем дальше они углублялись в этот лабиринт, тем сильнее он ощущал нависшую опасность. Что-то висело в воздухе, исходило от

серых камней; что-то зловещее, недоступное ни зрению, ни слуху, ни обонянию, но ощущаемое какими-то древними, первобытными инстинктами.

Конан обернулся, чтобы посмотреть на остальных.

На всех лицах было написано то же чувство. На всех, кроме лица Дженны.

— Почему мы идем так медленно? — вновь и вновь спрашивала девушка. Она попыталась обойти Киммерийца, но тщетно — ширины прохода едва хватало для его крепкого тела. — Мы ведь уже почти на месте.

— Акиро, что скажешь? — спросил Конан.

Лицо седого колдуна было перекошено, словно от какой-то мерзости, попавшей на язык.

— Я это почувствовал, еще когда мы только вошли в эти щели. Но теперь это чувство все сильнее и сильнее. Это... заклятие, черная магия. Но оно настолько древнее, что вряд ли реально угрожает нам. Оно потеряло свою мощь еще несколько веков назад.

Конан кивнул и снова двинулся вперед, но слова Акиро вовсе не убедили и не успокоили его. Его чувства, конечно, не были сверхъестественными, но они до сих пор сохраняли ему жизнь там, где ничего не стоило погибнуть. И сейчас они предупреждали его об опасности. Поэтому ни на миг не ослабевали его руки, державшие оружие.

Неожиданно коридор вывел их на открытое место. Здесь скалы были убраны, а их остатки образовали сложный узор на открытой площадке. На эту площадку выходил портал какого-то огромного храма, вырытого, видимо, прямо в толще горы. Массивные резные колонны украшали вход. Некогда два десятка статуй охраняли его. Каждая — в четыре человеческих роста высотой. Лишь одна из них уцелела — обсидиановый воин, сжимающий в руках гигантское копье. Черты его лица были стерты ветрами и дождями. От других статуй остались лишь черные постаменты да обрубки ног.

Конан убрал в ножны кинжал и схватил за руку Дженну, уже собравшуюся бежать к храму.

— Поосторожнее, девочка, — сказал он ей. — Мы здесь все рискуем, но хотелось бы рисковать поменьше.

Бомбатта сжал ее вторую руку. Оба устались друг на друга поверх ее головы. Теперь их связывало еще и обещание выйти на смертельный поединок. Еще одна причина поскорее вернуться в Шадизар, мелькнуло в голове у Конана. Таким обещаниям негоже долго оставаться невыполненными.

— Пустите меня, — сказала Дженна, извиваясь в тисках их рук. — Я должна найти Рог. Он там, внутри! Пустите же меня.

Зула, злобно глядя на обоих воинов, положила руки на плечи Дженны:

— Вы решили разорвать ее? Или, может, раздавить промеж ваших боков?

Конан разжал руку, за ним и Бомбатту. Зула отвела девушку в сторону, что-то тихо говоря ей на ухо. Конан не мигая смотрел на Бомбатту.

— Это дело нужно решить, вор, — прокрипел воин со шрамами.

— В Шадизаре, — уточнил Конан, и его противник кивнул в знак подтверждения.

Когда они подошли ко входу, Акиро принялся, слюняв палец, стирать пыль с пьедестала статуи, чтобы прочесть сохранившиеся надписи. Их, правда, осталось немного.

— Что ты там высматриваешь? — привычно подцепил старого колдуна Малак. — Читаешь декоративный орнамент? Много ума не надо. Да и рисуночки-то так себе. Видел я такие — их только одноглазый пьяница может нацарапать. А нормальный человек придумает что-нибудь поприличнее.

Акиро со вздохом выпрямился и вытер руки.

— Я бы смог прочесть это, по крайней мере большую часть, если бы они получше сохранились. Это не украшения, а надписи. Последние слова на этом языке были записаны три тысячи лет назад, и уже тогда он был древним и мертвым языком. Нет, тут почти ничего не осталось. Может, внутри найдется еще что-нибудь.

— Мы тут не для того, чтобы расшифровывать древние письмена, — рявкнул Бомбатта.

По правде говоря, Конан был с ним согласен, но он лишь негромко поторопил всех:

— Пойдемте же внутрь.

Стая скальных голубей сорвалась со своих гнезд, свитых под капителями колонн. Их крылья, словно взрыв, разорвали неподвижную тишину.

Конан подошел к высоким бронзовым дверям, позеленевшим от времени. Сквозь пыль и зелень на каждой двери просматривалось изображение открытого глаза.

Конан, не очень веря в успех, сильно потянул за кольцо, вделанное в одну из створок. К его удивлению, дверь подалась, хотя и неохотно, сильно скрипя. Конан был доволен, услышав такой скрип. Если бы люди пользовались этими дверьми, то наверняка смазали бы петли. Но это вовсе не было поводом расслабляться.

— Всем внимание, — скомандовал он, — оружие наизготовку.

Конан шагнул внутрь.

За большими дверями пол был покрыт многоцветным слоем пыли. В стены были вделаны

позолоченные держатели для факелов. Потолок терялся в тени, а само помещение уходило дальше, в глубь горы.

Вдруг раздался короткий визг Зулы: по ее босой ноге пробежал паук величиной с ладонь.

— Это всего-то паук, — ехидно сказал Малак, раздавив насекомое и пнув салогом то, что от него осталось, — вовсе нечего бояться этих...

Маленький воришка, коротко вскрикнув, замолчал, увидев, как шест Зулы метнулся к самой его переносице. Скосив глаза, он с ужасом смотрел на смертоносное оружие, лишь на ладонь не дошедшее до его лица.

— Я вовсе не боюсь, — прошипела Зула. — Просто я не люблю пауков. И крыс, — добавила она, покосившись в сторону раздававшегося из темноты попискивания.

Конан снял со стены факел и полез за кремнем.

— Если, конечно, эта штука будет гореть...

Губы Акиро шевельнулись, и неожиданно пламя заплясало между его пальцами.

Он поднес их к факелу, загоревшемуся с хорошо слышным в тишине потрескиванием.

— Она будет гореть, — сказал колдун.

— А ты не можешь подождать, если тебя не просят лезть с твоими колдовскими штучками? — недовольно поинтересовался Конан.

Акиро виновато пожал плечами.

Бомбатта и Малак зажгли свои факелы от факела Конана. Теперь, при свете, они смогли лучше рассмотреть огромный зал. Их ноги потревожили пыль, не тронутую до них никем. Лишь цепочки мелких крысиных следов тянулись из угла в угол. Скелеты зверьков и каких-то мелких птиц валялись тут и там в пыли, некоторые — скрытые под ее слоем, некоторые — поверх нее. Отовсюду слышалось недовольное пищание. В сотнях бусинок глаз отражался свет беспокоивших их факелов. Сотни носов принюхивались к незнакомому запаху людей. Зула что-то бормотала и вертела головой, словно стараясь смотреть во все стороны сразу. Малаку тоже было не до шуток над ее страхами. Он, в свою очередь, всячески старался не смотреть в сторону ис-

крящихся глаз; в его монотонном бормотании смешались проклятья и молитвы, возносимые к дюжине богов одновременно.

В дальнем конце зала широкие ступени вели к возвышению с троном на верхней площадке. Перед троном лежала маленькая горка высохших от времени костей. Другая часть скелета покоялась на сиденье трона, увенчанная черепом, пустые глазницы которого слепо взирали на Конана и его спутников. Доспехи, одежда, корона — все, что когда-то было на этом человеке, — все превратилось в пыль, рассыпалось прахом по полу.

Дженна ткнула пальцем вправо, показав на широкий сводчатый дверной проем, наполовину скрытый в темноте.

— Вот путь к Сокровищу, — сказала она. — Нам нужно сюда.

Конан с некоторым облегчением воспринял то, что Сокровище, Рог — кажется, так его называла Дженна, — оказался не среди праха, окружавшего трон. Много лет назад тот меч, который он сейчас сжимал в руках, был взят им у подножия другого трона, не

слишком отличавшегося от этого. Киммерийцу вовсе не улыбалось повторить этот опыт.

Бомбатта поспешил к арке и сунул в нее факел.

— Еще одна лестница, — поморщился он, — сколько же еще нам надо лезть в брюхо этой проклятой горы?

— Сколько нужно, столько и будем лезть, — сказал Конан.

Оттеснив Бомбатту в сторону, он первым шагнул вперед.

Глава 18

Широкая лестница спирально уходила в глубь горы. Кое-где были видны следы землетрясения, быть может, того же самого, которое уничтожило статуи у входа в храм. В одном месте лестницу пересекал разлом, словно кто-то, разрезав коридор поперек, отодвинул одну часть от другой на расстояние ладони. Треугольные помельче сплошной паутиной покрывали стены. Настоящей паутины, правда, тоже хватало, как и ее строителей. При прикосновении факела толстые пыльные сети вспыхивали и таяли в воздухе.

— Не нравятся мне эти штуки, — шепотом сказал Малак.

— Тогда подожди наверху.

— С крысами? — в голосе Малака сквозило такое отвращение, что Зулу чуть не стошило.

С последним поворотом лестницы они оказались в большом помещении с высоким сводчатым потолком, который поддерживали позолоченные колонны. Часть из них обрушилась, и куски камня со слоем позолоты устилали мозаичный пол. Резьба на потолке представляла череду каких-то символов, лишь один из которых был знаком Конану: открытый глаз, такой же, как и на бронзовых дверях, повторялся чаще всего среди других фигур. Что они обозначали — Конан даже не пытался догадаться.

— Конан, — позвал его Акиро, — похоже, что, не считая лестницы, здесь есть еще один выход.

Старик стоял в дальнем конце зала у широкой двери, сделанной, видимо, из стали, но без единого пятнышка ржавчины. Не было на этой странной двери и никаких петель — словно кто-то просто вмуровал в каменную стенку металлическую плиту.

— Нам туда, оно там, — прошептала Дженна, завороженно глядя на дверь или на что-то, скрытое за нею.

На гладкой поверхности двери не было ничего, кроме вездесущего глаза и двух барельефов оскаленных голов демонов; из их пастей выдавались вперед острые клыки, наподобие кабаньих. Подумав мгновение, Конан ткнул мечом в каждый из оскаленных ртов. Из одного из них вывалилась, извиваясь, огромная ярко-красная сороконожка. Ее укус означал бы неизбежную мучительную смерть. Малак, передернувшись, отскочил с ее дороги, когда она, извиваясь, поползла искать себе новое укрытие.

Убрав меч в ножны и отдав Зуле факел, Конан наклонился перед дверью. Как он и предположил, его руки удобно легли в оскаленные пасти барельефов. Все тело могучего Киммерийца напряглось.

— Так это же ручки! — воскликнул Малак, показывая на головы демонов.

Напрягая каждый мускул, Конан уже начал сомневаться в том, что он и Малак пришли к верному выводу.

Металлический лист поддавался не больше, чем если бы он и впрямь был частью горы. В этот момент Бомбатта присоединился к Конану, взявшись обеими руками за одну из голов. Двое сильных мужчин объединили свои усилия. Вены на их телах вздулись, каждый сустав и мускул, казалось, был готов закричать. Перед глазами поплыли разноцветные круги... но все же дверь, наполняя помещение металлическим скрежетом, поддалась и пошла вверх, пока не остановилась над головами поддерживавших ее Конана и Бомбатты.

— Вперед! — сдавленно прохрипел Конан. — Живее.

Когда все остальные проскользнули между ними, Бомбатта тоже бросился вперед, оставив Конана одного. Все тело Киммерийца задрожало от удвоившегося веса, но он все не отпускал тяжелую плиту, стоя в нерешительности. Отпустить ее сейчас — и она захлопнется, перекрыв выход. А на обратной стороне ему пока не удалось обнаружить ни голов демонов, ни других приспособлений, чтобы открыть ее изнутри. Так они окажутся в ло-

вушке. Но если ему не удастся придумать способ оставить ее открытой, то все равно, еще миг — и он будет вынужден ее отпустить.

Задумчиво бормоча что-то, Акиро шагнул к стене, из которой выступал бронзовый рычаг с большим набалдашником в виде все того же глаза. Одно движение — и рычаг по самую ручку ушел в стену.

Конан вздрогнул. Вес стальной плиты перестал вдавливать его в пол. Он осторожно ослабил упор — дверь не шелохнулась. Со вздохом облегчения Конан сделал шаг в сторону.

— Премного благодарен, — сказал он Акиро, — но хотелось бы знать, не мог ли ты точно так же сам открыть ее?

— Конечно, мог. Но ведь мне сказали не соваться, пока меня не спросят. А на этот раз никто...

— Ладно, где остальные? — оборвал его Конан.

Факел Акиро одиноко горел в темноте, освещая лишь узкий коридор, из которого не доносилось ни звука, ни проблеска света.

Сыпля проклятия, Конан бросился вперед. Акиро с трудом поспевал за ним. Неожиданно они влетели в большую круглую комнату и остолбенели от изумления. Их товарищи тоже были там и тоже обалдело взирали на открывшееся их глазам зрелище.

Прямо напротив двери из стены выступала огромная каменная голова, больше человеческого роста. Еще две двери по сторонам круга выходили в комнату. Одна из них была погребена под грудой заваливших ее обломков скалы и булыжников. Стены были покрыты рельефными изображениями невиданных животных с драгоценными камнями вместо глаз, когтей и рогов. На равном расстоянии друг от друга в стенку были вмурованы большие золотые пластины, покрытые надписями на неведомом языке. Низкий купол потолка был выложен ониксом и инкрустирован алмазами и сапфирами, блестевшими в свете факелов, как звезды на ночном небе.

Акиро бросился к одной из золотых плит и стал возбужденно водить пальцами по гравированным сторонам.

— Это тот же язык, что и там, наверху, у постаментов. Я, пожалуй... да, я смогу прощать эти записи. Вот, слушайте: на тридцатый день Великой Битвы боги вступили в войну, и горы задрожали от их шагов...

Колдун продолжал что-то говорить, но Конана больше интересовало, что собирается делать Дженна. Она — единственная, кого не привело в волнение роскошное убранство комнаты. Все ее внимание было нацелено на страшную каменную пасть. Она подошла к ней. Под ее ногами оказался мраморный круг, покрытый вырезанными на нем руками. В его центре была высечена пятиконечная звезда. Конан вздрогнул. Он знал могущество этого страшного колдовского знака — пентаграммы — средоточия колдовской силы.

Конан уже поднял руку, чтобы остановить девушку, но вновь в его голове возник образ Валерии. Будь что будет, решил он, — ведь Дженна сама все время говорила, что в этом ее предназначение, что она родилась, чтобы исполнить его. Ему оставалось лишь, скжав кулаки, смотреть и ждать, чем все это кончится.

Из складок платья Дженна извлекла черный бархатный мешок с Сердцем Аrimана. Камни звездного неба вспыхнули в его багровом свете. Дженна осторожно опустила камень Сердца в центр пентаграммы, где он нашел себе место в вырезанной точно под нею лунке. Впав в транс, девушка нараспев стала произносить какие-то заклинания на ей самой неведомом языке.

С каждым ее словом свет Сердца Аrimана усиливался, хотя теперь он шел лишь в одну сторону, ярким лучом освещая огромную каменную голову. В глубине ее глаз промелькнули какие-то тени.

— Она оживает, — прошептала Зула.

Малак приступил к перечислению богов.

— Мы должны остановить ее. Пожалуйста, Конан, — вдруг умоляющим голосом затараторил Акиро, дергая Киммерийца за руку, но неожиданный приступ удышья оборвал его просьбы.

Каменные челюсти беззвучно распахнулись. Тroe взрослых мужчин могли бы за один присест быть проглочены такой пастью.

В глубине этого чудовищного рта пыпал огонь. Такого пламени Конан еще никогда не видел. Словно сама кровь превратилась в огонь.

Все, даже Бомбатта и Конан, попятились, закрывая глаза руками. Жар, шедший из пасти, казалось, выжжет даже воздух и камни стен.

Несмотря на резь в глазах, Конан сумел рассмотреть в глубине этой топки легкую подставку, наподобие той, на которой поконилось Сердце Аrimана в хрустальном дворце. На этом постаменте возвышался золотой рог, похожий на бычий. Ни на рог, ни на его опору, похоже, не действовала огненная буря, ревевшая вокруг.

Дженна продолжала не мигая смотреть в глубь пылающей пасти. Ее руки медленно, словно во сне, поднялись к плечам, и через мгновение платье соскользнуло на пол, подставив кровавым отблескам пламени стройное нагое тело. Родинка на ее груди вспыхнула тем же алым светом. Быстрыми, уверенными шагами она приблизилась к страшной пасти.

Бомбатта, не пошевелив ни единственным мускулом, смотрел на нее. В его черных немигающих глазах металось отражение языков пламени.

— Нет! — закричал Конан. Но было уже поздно.

Дженна шагнула в ревущее пламя. Мягущиеся языки огня словно взбесились, ощущив вторжение. Казалось, что через миг от девичьего тела не останется и пепла, но она шаг за шагом шла вперед, целая и невредимая. Взяв золотой Рог обеими руками, она так же медленно вышла из беснующегося пламени и снова встала в пентаграмму.

Все присутствующие словно окаменели на своих местах. Вдруг Дженна вздохнула, осела и чуть не упала. Лишь Зула, бросившись вперед, поддержала ее. Чернокожая женщина быстрыми движениями набросила на Дженну ее платье.

— Дело сделано, — тихо отчеканил Бомбатта, — Рог в ее руках.

— Конан, — весь трясясь, неуверенно начал Акиро, — очень важно, чтобы ты узнал кое-что...

Вдруг порыв ледяного ветра хлестнул их по лицам, чуть не погасив факелы. Погасло пламя в каменной топке. Ветер прекратился так же неожиданно, как и начался, оставив после себя лишь холод.

— Конан, — снова заговорил Акиро.

— Потом, — отрезал Конан, которому до смерти надоело все, что касалось магии и колдовства. — А сейчас — уходим отсюда!

Едва дождавшись, пока Дженна положит обратно в мешок Сердце Аrimана, он бросился к выходу из этой страшной, таинственной комнаты.

Глава 19

Конан, как обычно, возглавлял процессию, двигавшуюся по узкому коридору. Дженна несла золотой Рог, крепко прижав его к груди. Бомбатта и Зула прикрывали ее с двух сторон. Киммериец, хоть и был счастлив тем, что Дженна осталась жива, — все равно не мог без содрогания вспоминать о том, что ей пришлось пережить. Кроме того, его беспокоило, не причинит ли ей вреда эта загадочная штуковина, которую она так бережно несла.

Акиро дернул Конана за рукав.

— Я должен поговорить с тобой, — тихо сказал он, опасливо поглядывая на Бомбатту, — но один на один. Это срочно.

— Да-да, конечно, — рассеянно согласился Конан. Ему уже поперек горла стояли

всякие колдовские штуки, с которыми он слишком много встречался за свою еще не очень долгую жизнь. Еще больше он невзлюбил всякую магию за время этого путешествия. Весь его опыт общения с волшебством подсказывал, что от прижатого к груди Дженны предмета веет чем-то недобрым. Ему еще больше захотелось выбраться из этого места и поскорее вернуться в Шадизар.

— Да, Акиро, с глазу на глаз... Потом, попозже.

Малак бегом вырвался вперед, чуть не пританцовывая от желания поскорее выбраться из мрака подземелья.

— Быстрее, — крикнул он через плечо, — это место проклято всеми богами! Надо выбираться отсюда. Живее! — Он скрылся из виду за поворотом.

— Вернись, придурок, — крикнул Конан, — нашел место для прогулок в одиночестве.

Ворвавшись в зал с золотыми колоннами, Конан оборвал себя на полуслове и замер. Малак тоже стоял рядом, нервно вращая глазами. Кроме них в зале находилось не меньше

двух дюжин воинов в доспехах какого-то древнего образца, стоявших опершись на длинные копья. Самый маленький из них все равно был на полголовы выше Конана и Бомбатты и намного шире в плечах. Их кожа была черной, как обсидиан стоявшей у входа статуи. Конана даже удивило, что эти великаны дышали — их грудь равномерно поднималась и опускалась. Значит, они не статуи, а живые люди, — первое, что подумал Киммериец.

Двое из черной когорты шагнули вперед, из-под бронзового шлема одного из них спускались по плечам длинные локоны седых волос. На другом не было шлема, но из-под кожаной круглой шапочки тоже выбивались рыжие пряди. Первым нарушил молчание седой воин, обратившись к Дженнене:

— Мы долго ждали Тебя, Ту самую. Мы спали, как спит наш бог, и мы проснулись в день твоего прихода. Приближается Ночь Великого Пробуждения.

— Эта девушка — не та, которую вы ждете, — не очень веря в это сам, начал Конан. — Просим прощения, если мы потревожили ваш

храм, но мы долго были в пути, и теперь нам нужно идти.

Говоря, Конан внимательно присматривался к воинам. Он хотел бы избежать схватки, если это было возможно. Но эти люди сказали, что сооружение — их храм. А Конан по собственному опыту знал, как могут разъярить людей чужеземцы, вторгшиеся в их святилище.

— Вы можете идти, — последовал ответ. — За то, что вы привели к нам Ее, мы дарим вам жизнь. Но Она останется с нами.

Сделав все возможное, чтобы это выглядело случайным, Конан сделал шаг и встал между великанином и Дженненой.

— Она — не та, которую вы ждете.

Но седой воин, словно не слышал его, вновь обратился к Дженнене:

— Долгие века мы спали, храня Рог Дагога и ожидая Тебя, Ту, которая может дотронуться до него. А теперь Спящий Бог проснеться и его карающая рука сметет предавших...

Конан краем глаза уловил какое-то движение: это Бомбатта безо всякого предупреждения бросился вперед и всадил кинжал в горло

говорившего стражника. Кровь хлынула изо рта черного гиганта, он покачнулся и рухнул на пол.

— Назад! — крикнул Конан. — Быстро!

Вперед пути не было. Разве что сквозь строй яростно сжимавших копья великанов. Киммериец ткнул факелом в лицо одного из них и, выхватив меч и отбив им удар копья второго, всадил его в живот третьему.

Металлический скрежет донесся из-за его спины. Отбиваясь от все большего числа ножей, он все же рискнул обернуться. Дверь быстро опускалась и вот-вот была готова совсем захлопнуться. С громогласным кличем киммерийских воинов он бросился на противников, вращая разящим мечом. Несмотря на явное численное превосходство, они, озадаченные такой дерзостью, подались назад. Неожиданно для них Киммериец бросился на пол и подкатился к уже почти опустившейся двери. Ее низ расцарапал Конану плечо, когда тот пролезал в оставшуюся щель. Мгновение спустя толстая железная плита опустилась на свое место, отгородив его на время от преследователей.

Акиро, Малак и Зула молча смотрели на него.

— Чего уставились? — сказал он, вскакивая на ноги. — Надо сваливать отсюда. Если эти ребята, стараясь зацепить меня, успели засунуть под дверь пару наконечников своих копий, они эту железяку в два счета поднимут.

— Посмотрим, что я смогу сделать, — сказал Акиро. Вывернув мешочек, висевший на поясе, он достал нужный ему флякончик и начал выводить его содержимым какие-то символы на двери.

— Мог бы и свистнуть, чтобы предупредить, что вы запираете дверь, — бросил Конан Малаку.

— Это все Бомбатта, — ответил тот. — Он первым схватил девчонку и бросился сюда. Я так думаю, что это он и дернул за рычаг, не предупредив никого.

— Вот, — вздохнул Акиро. — Это задержит их на некоторое время.

На двери, словно раскаленные угли, бордо-во-красным светом пылали какие-то символы.

Но Конан вдруг осознал, что его не интересует ни дверь, ни враги за нею.

— Где Дженна? — спросил он. — А Бомбатта?

Зула резко обернулась и осмотрела темный зал.

— Я... я так волновалась за тебя, — виновато прошептала она, — что я даже не... если только этот громила... если он хоть пальцем...

Конан уже не слушал ее. Ворвавшись в круглый зал, он бросился к единственному возможному выходу — незаваленной двери.

Мрачные мысли пронеслись в его голове. Наверное, Бомбатта решил один привезти Дженну в Шадизар, чтобы, представив все дело по-своему, оставить его без награды. Это было бы в стиле черного заморийца — похитить шанс Валерии на воскрешение лишь для того, чтобы досадить ему. Нет, нечего ждать возвращения в Шадизар, чтобы расквитаться с ним. Нужно свести счеты немедленно!

Коридор был прямой как стрела, без единого поворота, разветвления или боковой двери. Он, словно туннель, был пробит в

толще скалы, и его стены, пол и потолок представляли собой монолит. Пыль покрывала пол ковром, и в свете факела две цепочки следов, судя по длине шагов бежавших людей, вели Конана дальше и дальше по коридору.

Коридор неожиданно оборвался, выйдя в квадратный зал с множеством резных колонн. Эти дряхлые, полуруссывшиеся колонны поддерживали потолок, весь покрытый трещинами и разломами. Было видно, что легкого толчка хватит, чтобы обрушить многие из колонн.

Света факела хватало, чтобы разглядеть темный прямоугольник на противоположной стене — дверь, ведущую куда-то дальше. Следы вели прямо к ней, но Конан замедлил свой сумасшедший бег. Бомбатта мог спрятаться где-нибудь за колонной, и ровная цепочка следов привела бы в западню. Крадучись, готовый прыгнуть в любую сторону, сжав в руках меч, Конан пробирался через лес колонн. Его глаза обшаривали темноту, ловя малейшее движение.

— Дженна, — позвал он, сначала тихо, а затем громче: — Дженна!

Вдруг он увидел Бомбатту, стоящего рядом с дверным проемом с толстым ржавым железным ломом в руках. Вдруг он резким движением вогнал лом в глубокую трещину в одной из полуразвалившихся колонн и навалился на рычаг всем телом.

Конану показалось, что время замедлило свой бег. Словно в тяжелом сне, колонны и потолок стали медленно обваливаться. Пыль и камни посыпались дождем на Киммерийца. В один миг он развернулся и бросился прочь от каменного водопада. Но тут что-то тяжело ударило его по затылку, голова закружилась, и полный мрак окутал Киммерийца.

Дженна напряженно всматривалась в коридор, откуда они с Бомбаттой пришли и куда он снова решил вернуться, приказав ей строго-настрого не сходить с места. Пока они бежали, Дженна болталась за ним, словно какой-то ме-

шок. Сейчас она злилась на него. Мало того, что он волок ее за собой, как куклу, так еще и не стал слушать то, что она хотела сказать ему. А теперь она ждала его, даже не глядя на солнечный луч, пробивавшийся сквозь щель за большим обломком скалы. Там, за камнем, был день, солнце, обратный путь домой, в Шадизар. Но по другую сторону, в глубине горы, оставался Конан. А что, если он ранен и она нужна ему? А если он...

Тяжелые шаги возвестили о возвращении Бомбатты. Он бегом появился из коридора.

— Что с ним? — тревожно спросила девушка.

Пыль и грязь покрывали лицо воина в черных доспехах; по щеке текла кровь. Он посмотрел на девушки и вдруг нервно закричал:

— А где Рог, девчонка? Девятое Небо Зандру! Если ты его потеряла...

— Вот он, — дожидаясь, она завернула драгоценную ношу в куски ткани, оторванные от плаща. Да, она помнила, что Рог Дагота — ее предназначение, но что-то в этой вещи было такое, из-за чего она не хотела касаться

ее руками. И Сердце Аrimана, и Рог Дагота лежали, обмотанные несколькими слоями белой шерсти, и Дженнэ хотелось, чтобы этих слоев было как можно больше.

— Где... где все остальные?

— Погибли, — коротко бросил Бомбатта. Напрягая сильные мышцы, он навалился на загораживающий выход камень.

Дженна опустилась на пол как подкошенная. Погибли? Нет, Конан не мог умереть. Она не могла себе этого представить. Да и другие — Зула, Акиро, даже Малак, — все они стали близкими и важными для нее. Никого из них не хотела бы она видеть мертвым или раненым. Но этот голубоглазый молодой Киммериец! Его руки, такие мягкие и нежные, когда они не сжимают меч, его лицо... Он был кем-то особым для нее.

— Я не верю, — прошептала она.

Огромный валун с грохотом выкатился наружу и понесся вниз по склону, подняв облако пыли и увлекая за собой другие камни.

— Я же слышала, как он звал меня!

— Пойшли, Дженна. У нас мало времени.

Бомбатта железной хваткой сжал ее запястье и потащил к выходу. Они вылезли на самом краю большого двора перед храмом. Солнце уже клонилось к западу. Поглядывая на бронзовые двери, ругаясь на ходу, Бомбатта тащил Дженну за собой в каменный лабиринт.

— Я не верю, что Конан мертв, — сказала она во весь голос.

— Вот наш знак, — словно не расслышав ее, Бомбатта ткнул в стрелу, нацарапанную на каменной глыбе. — Теперь — вперед. Надо найти лошадей. Тогда до темноты мы будем уже далеко отсюда.

— Бомбатта, я не могу поверить в это. Скажи, ты сам видел, как он погиб?

— Да, я видел, — хриплым голосом сказал тот, даже не замедлив шаг и не ослабив кулак, сжимавший ее руку. — Он бежал, позорно бежал, как и подобает трусливому псу, вору. Эти черные верзилы проткнули его насеквоздь, как и всех остальных. Мне пришлось обрушить потолок, чтобы оторваться от погони. А, вот и лошади.

Стренооженные животные стояли все вместе. Дженна даже не обратила внимания, далеко ли отбели лошади от того места, где их оставили. Ее мысли были заняты другим.

— Может быть, он только ранен, — начала она, но осеклась, наткнувшись на что-то новое во взгляде Бомбатты.

— Мы можем поехать отсюда куда угодно, — сказал он негромко, — например, в Аграпур. Колдун Турана или сам король Илдиз дадут за эти вещицы столько, что нам хватит купаться в роскоши до конца наших дней. — Он сильными руками поднял ее и усадил в седло. — Стереги их, Дженна, — закончил он, распутывая ноги лошадей и привязывая их поводья так, чтобы те встали гуськом.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила она. — Мы не можем забрать всех.

— Они нам понадобятся. До Аграпура путь неблизкий.

— Какой еще Аграпур. Мы возвращаемся в Шадизар. А лошадей забирать нельзя, пока есть хоть какой-то шанс, что остальные оста-

лись живы. Если ты хочешь забрать всех лошадей, отведи меня обратно в храм и покажи мне тела погибших.

Бомбатта покачал головой:

— Это слишком опасно.

— Опасно или нет, но я не оставлю их, не убедившись, что они уже мертвые.

Злоба, исказившая лицо Бомбатты, заставила сердце девушки сжаться от страха. Ей стоило огромного труда оставаться сидеть прямо с высоко поднятой головой и, не мигая, смотреть ему в глаза.

Бросив поводья остальных лошадей, Бомбатта подогнал своего коня поближе к Дженне.

— Он, он! Все время только о нем! Да ты пойми. С этими вещичками мы могли бы пойти куда угодно, — каждое слово вылетало из его рта словно кусок железа. — Куда только захотим.

Вдруг его иссеченное шрамами лицо перекосилось от боли. Дженна в изумлении уставилась на него: никогда раньше она не видела, чтобы Бомбатта чувствовал боль. Гrimаса исчезла через одно мгновение, лишь в глазах

затаилась боль, погасив огонь и сделав их пустыми и темными.

— Мы едем в Шадизар, — хрипло сказал Бомбатта и, взяв в руки поводья ее лошади, повел ее по каменному лабиринту.

Дженна крепко прижимала к груди сверток с тем, ради чего она пережила столько опасностей во время этого путешествия. Она не позволила себе оглянуться. Вопрос был прост: Конан или ее предназначение. Одно — ценой другого. Она лишь поразилась тому, как это оказалось больно. Как только боги позволяют, чтобы человек терпел такую боль. Как они смеют ставить ее перед таким страшным выбором! Всхлипывая, вздрагивая от плача, она бессильно сидела в седле и позволила вести себя туда, куда направлялся Бомбатта.

Глава 20

Конан вдруг ощущил, что сознание вернулось к нему, и тотчас же все вспомнил, сжав в руке меч. Акиро и Зула изумленно смотрели на него. Малак, запустив в темноту камень величиной с кулак, вытер о штаны руки и сказал:

— Ты вовремя очухался, Киммериец. А то я уж было подумал, что ты решил тут провалиться, пока мы все не помрем.

— Сколько? — коротко спросил Конан. Голова все еще болела. Струйка запекшейся крови застыла на затылке.

Малак лишь пожал плечами. Акиро ответил за него:

— Может, два поворота песочных часов, может, чуть больше. Трудно сказать точнее.

Мы нашли тебя лежащим, словно быка, которого оглушили ударом по голове. Я попытался сделать что-то, но раны головы — такое дело, что лучше оставить их затягиваться естественным путем.

— У меня есть кое-какие травы, которые могут помочь при ушибах головы, — сказала Зула, — но здесь нет воды, чтобы размочить их.

Киммериец кивнул, и ему вдруг показалось, что комната закружила вокруг него. Усилием воли он заставил мир принять нормальное положение. Слабость была сейчас непозволительной роскошью.

Дальний угол зала представлял собой груду остатков колонн, придавленных сверху глыбами рухнувшего свода. Малак, вскарабкавшись по ним, установил повыше их факелы, которые теперь равномерно освещали своим желто-красным светом часть зала. Кроме факелов, в зале появился еще один источник света: из коридора, по которому они пришли, был ярко-голубой луч, резавший глаза.

— Это еще что? — спросил Конан.

— Кое-какая защита, — ответил ему Акиро. — Я успел подготовить девять огненных преград, прежде чем эти громилы успели открыть дверь. Тогда мне пришлось привести в действие первую из них. Эта штука поможет нам некоторое время продержаться. Но остальные восемь преград я буду устанавливать только по одной, не раньше, чем дрогнет предыдущая. Здесь все и так еле дышат — было бы опасно включить слишком большую силу.

— Сколько еще?.. — хотел спросить Конан, но вопрос повис в воздухе, не нуждаясь больше в ответе. Голубое мерцание сначала участлилось, а затем резко пошло на убыль. Акиро начал спешно чертить в пыли на полу свои закорючки. С последней вспышкой старого луча с того же места забил новый. Лишь стон разочарования донесся с другой стороны в момент смены.

Акиро прислушался, а затем сказал:

— Первая степень отработала свое. И надо сказать, неплохо. Хотя ее бы хватило куда

на большее, если бы не колдун среди тех верзил. Если этому идиоту Бомбатте захотелось ввязать нас в бой с ними, он мог бы постараться угрожать того с рыжими волосами. Он у них ведает всеми колдовскими делами. Без него этим черным ребятам было бы и дверь-то ни за что не открыть, не то что снять огненную стену. А теперь я должен противостоять ему, действуя почти что голыми руками.

— Я вообще не понимаю, зачем ему это понадобилось. Они не сделали ни одного угрожающего шага, а он... — раздраженно сказала Зула.

Не дав ей договорить, Конан возразил:

— Я сомневаюсь, что они отпустили бы нас подобру-поздорову. Особенно вместе с Дженной. И я не мог позволить заколоть меня словно свинью, если уж Бомбатта заварил эту кашу.

— Все правильно, — вставил Малак. — Если на тебя нападают, ты защищаешься. А если потом выяснится, что все это произошло по ошибке, то победитель потом воз-

дает искупительную жертву богам — и дело с концом.

— Не всегда это лучший путь, — подумав, сказал Акиро, — но эти громилы — отвратительные ребята, попросту говоря — изрядные мерзавцы.

— С чего ты взял? — возразила Зула.

— Просто ты не умеешь читать на древних языках, как я. То заклятие, которое мы все ощутили, как только вошли в каменный лабиринт, было наложено ими и их друзьями. Человеческие жертвы — это лишь одна из мерзких составляющих таких заклятий. Те шаманы, с которыми вы... э-э... скажем, помогли мне разобратьсяся, — просто невинные дети по сравнению с ними.

— По мне — хоть людоеды, — сказал Конан. — Сейчас не до них. Главное — выбраться отсюда. Бомбатта и Дженна с каждой минутой приближаются к Шадизару. Не сомневаюсь, что наш великий воин представит все происшедшее в нужном ему свете. А я не хотел бы лишиться обещанного вознаграждения.

Акиро сочувственно поглядел на него, а Зула, помявшись, тихо сказала:

— Но я думала... мы думали, что... Джена... — Она лишь безнадежно махнула рукой в направлении груды обломков.

— Бомбатта обрушил все это на мою голову, — сказал Конан. — Ему не терпелось посчитаться со мной, не дожидаясь возвращения. Но я не думаю, что он заодно похоронил себя и Дженну. Мы должны выбраться отсюда и попытаться догнать их. И не смотрите на меня как на сумасшедшего. Я прекрасно видел, где заканчивается эта комната. Отсюда до коридора, куда нырнул Бомбатта, всего несколько шагов. А нам и нужно-то всего лишь высвободить узкий лаз, только чтобы пролезть человеку. У нас еще останется ночь и день, чтобы добраться до Шадизара.

С этими словами он обхватил руками кусок колонны размером с человеческое тело и отбросил его в сторону, освобождая остальным поле деятельности — нагромождение камней поменьше.

Не говоря ни слова, Зула принялась за дело, правда, все еще недоверчиво косясь на наставленные глыбы. Малак чуть задержался, чтобы, хитро прищурившись, спросить Акиро:

— Не хочешь ли помочь? Неужели ты не можешь разнести всю эту кучу хлама одним движением руки?

— Ты вновь лишь демонстрируешь свое невежество, — возмущенно буркнул колдун. — Я должен неотрывно поддерживать усилием воли огненную преграду и вовремя пустить в действие следующую ступень защиты, когда ослабнет эта. Иначе первым предупреждением о появлении наших приятелей станет острие копья, воткнувшееся тебе в задницу.

— Ах ты старый жулик! Включи ты сразу все свои огонечки и принимайся за работу.

— Слушай, разве я когда-нибудь учил тебя, как лучше воровать? Позволь мне самому заняться тем, в чем я разбираюсь лучше тебя.

Конан работал как одержимый. Два камня вылетели из-под его рук в то время, пока Зула и Малак вместе откатывали один. Пот ручьями лился с него, почти смыв грязь и оставив

влажную кожу блестеть в свете факелов. Когда вдруг обрушился град камней, уничтожив результат всех их стараний, он отогнал всех подальше назад, чтобы работать без помех, твердя про себя лишь два имени: Дженна и Валерия. Дженна. Валерия. Найти Дженну. Отплатить долг Валерии...

Когда еще раз Акиро пришлось заменить голубой луч защиты, Малак тихонько прикоснулся к его плечу:

— Слушай, а ты и вправду можешь читать эти золотые пластины?

— За работу! — рявкнул на него Конан.

Акиро же явно решил поговорить:

— Да, я могу прочесть большую часть того, что выбито на них. Эта золотая штука — Рог Дагота.

— Да, так его называл тот черный бугай, — вставил Малак.

— Не перебивай. Тысячелетия тому назад между богами началась война. В те времена это было частым делом. В страшной битве Дагот был повержен: из него выдернули Рог и далеко спрятали. В этом Роге заключена его жизнен-

ная сила, а без него он тотчас же обратится в камень. Если верить этим преданиям — сейчас он спит, но как только Рог будет возвращен на свое место, он пробудится.

— А, так вот зачем он нужен Тарамис, — сказал Конан, не прерывая работы. — Значит, она решила разбудить бога. А тот и вправду сможет вернуть мне Валерию.

— Да, — вздохнул Акиро. — Я полагаю, что Дагот смог бы оживить мертвого человека.

— Значит, Тарамис мне не соврала, — удовлетворенно подытожил Конан.

Этот вывод словно придал Киммерийцу новых сил. Остальные, устав, замедлили работу, а он все продолжал расшвыривать камни — быстрее и быстрее. Зула пыталась продержаться в его ритме, но почувствовала слабость и упала. Конан отнес ее на руках к Акиро, а сам вновь взялся за работу. Когда Малак тоже свалился, он лишь отпихнул его ногой, ровно настолько, чтобы не завалить выгребаемыми камнями.

Он смутно понимал, что уже наверняка докопался до конца комнаты, но обломки скалы

вновь и вновь вырастали впереди. Задуматься об этом означало признать возможной мысль о поражении. Чтобы не дать этому настроению овладеть собой, Конан продолжал изнурительный труд, снова и снова наваливаясь на преградивший ему путь завал. Камень за камнем. Обломок за обломком. Дженна. Валерия. Два образа почти слились в один. Валерия. Дженна. Нет, он не остановится, пока может шевелить руками.

Он ухватился за очередной обломок свода, раскачал его и выдернул из груды других. Раздался грохот осыпавшихся камней, и Конану лишь чудом удалось отскочить, не дав булыжникам завалить себя по пояс. Но, уверчиваясь, Конан успел заметить светлое пятно, мелькнувшее впереди. Вернувшись к кромке завала, он недоверчиво посмотрел в ту сторону. Свет явно пробивался из-за каменной груды.

Конан метнулся туда, где, поджав ноги и уставившись в голубой огонь, сидел Акиро. Зула молча лежала рядом, а Малак лишь приподнял голову и вяло поприветствовал его:

— А, вот и наш рудокоп. Ты тоже притомился, Киммериец? Неплохо поработали. Эрлик меня подери, если это не так.

До Конана не сразу дошло, что его приятель шутит.

— Я добрался, — тяжело сказал он. — Там свет. Может быть, дневной.

При этих словах Малак вздрогнул:

— Отлично, Киммериец! Клянусь костями Митры и Девятым Небом Зандру! Им не удастся остановить нас.

— А ты уверен, Конан? — негромко спросил Акиро.

— Если это факелы в другой комнате, то они там должны гореть десятками. Проход поднимается вверх, он должен выходить на поверхность.

На самом деле, подумал Конан, этот коридор мог вести в преисподнюю, но ему нужен был именно путь наверх, и он не хотел, не мог признать другого выхода.

— Будем надеяться, что это лучи солнца, — подытожил Акиро. — Сейчас включена уже седьмая ступень. Остались еще две.

Забирай Зулу и Малака и выбирайтесь скопее. Я пойду за вами, как только смогу. Давай, приятель, пошевеливайся со своими дружками.

Зула попыталась встать, но Киммерийцу пришлось почти нести ее да еще и помогать Малаку карабкаться на каменный склон. Но стоило обоим ослабевшим увидеть свет впереди, как они рванулись к нему, разив неплохую скорость.

Акиро продолжал потрапливать их, и было в его голосе что-то такое, что и впрямь заставляло пошевеливаться побыстрее.

Коридор оканчивался квадратным люком в площадке перед храмом. Солнце начинало свой путь с востока на запад. Малак и Зула смотрели на красный диск, словно все еще не веря, что вновь видят его.

Конана же интересовал только храм, его колоннада и обломки статуй. Если только черные великаны не были полными дураками, то они должны были оставить часовых. Но ничего не шелохнулось в тени колонн, пока беглецы перебегали двор. Лишь снова стая

голубей, хлопая крыльями, сорвалась со своих гнезд под капителями. С другой стороны, подумал Конан, какой смысл оставлять охрану здесь, наверху, если все противники заперты, словно крысы в подземелье.

Ржание быстро вывело их к лошадям. Конан отметил снятые с их ног путы и связанные поводья. Остальные, не обращая ни на что внимания, бросились к бурдюкам с водой. Несмотря на душившую его жажду, первым делом Конан плеснул несколько раз в рот своему коню. Затем, запрокинув голову, он припал к мешку с водой и пил, захлебываясь, пока вода не залила ему все лицо. Под конец он снова дал попить коню: животному не меньше нужно было освежиться, если ему предстояла долгая скачка.

Вдруг словно двойной удар пришелся по его ногам. Это вздрогнула земля, причем толчок явно шел со стороны храма. Малак, сдерживая взбрыкивающую от страха лошадь, пробормотал:

— Это еще что такое, Девять Имен Кепры?

Акиро, глядя в небо, пробурчал:

— Я немножко изменил заклинание. Когда седьмая ступень рухнула, две оставшиеся сработали вместе. Теперь смею вас заверить, эти мерзавцы больше не проснутся, чтобы губить невинных во имя своего Дагота. — Неожиданно он улыбнулся, глядя на Малака: — Теперь ты понял, почему я не мог поставить сразу все девять ступеней?

— То, что они не доставят нам больше хлопот, — просто великолепно, — сказал Конан, запрыгивая в седло, — но если мы хотим добраться до Шадизара до темноты, чтобы успеть на церемонию пробуждения этого Дагота, — то нам нужно двигаться немедленно. Я не хочу, чтобы Бомбатта лишил меня шанса на воскрешение Валерии.

Улыбка испарилась с лица Акиро:

— Знаешь, Конан, я не сказал тебе раньше, потому что думал, что нам суждено погибнуть. А человеку не стойт говорить перед смертью горькие вещи. А сейчас, боюсь, слишком поздно. Я пытался предотвратить это; ты помнишь, как я не хотел пускать ее в

эту огненную пасть. Но мне не хватило настойчивости.

— Хватит причитать, Акиро, — раздался громовой голос Конана. — Говори, что ты там начитал на этих золотых пластинках, или я отправлюсь в Шадизар один.

— На скрижалях выбито, что ритуал Пробуждения занимает три ночи. Каждую ночь в жертву приносится девушка. На третью ночь жертвой становится Она, Та, Которая приносит Рог, невинная. Ею суждено стать Дженне.

— Может быть, это не она, — предположила Зула. — Этот Бомбатта, вечно пожирающий ее глазами, не стал бы отправлять ее на верную смерть.

— Бомбатта знал, что Дженна и есть Та самая. Он знал и то, что ей уготована смерть.

Конан прикоснулся к золотому амулету. Боль охватила его. Он готов был взывть, как раненый волк. Валерия!

— Дженна не умрет, — выдавил он из себя, не разжимая зубов.

— Слушай, мне тоже нравится девчонка, — возразил Малак, старательно не замечая

гневных взглядов Зулы, — но рассуди сам: мы все измучены, нам просто не добраться до Шадизара до темноты, даже загнав лошадей.

— Когда мой конь сдохнет, — ответил Конан, — я побегу, затем поползу. Но я клянусь всеми богами, что Дженна не погибнет сегодня ночью, даже если мне нужно будет для этого поплатиться жизнью.

Не дожидаясь, пока остальные последуют за ним, Конан пришпорил коня, включаясь в гонку наперегонки с бегущим по небу солнцем.

Глава 21

Тарамис с балкона оглядывала мраморный двор, в центре которого под пологом из золотого шелка лежал Спящий Бог. Полог закрывал от солнца лишь саму статую. Жаркое светило нещадно сжигало жрецов, распевающих вокруг мраморного ложа свои молитвы.

Тарамис обежала взглядом остальные балконы и окна, хотя прекрасно знала, что никаких непрошеных свидетелей там оказаться не может. Вот уже три дня эта часть дворца была только что не запечатана. Ни один раб или слуга не мог прийти в эти покой без ее личного разрешения. Любого, кто попытался бы это сделать, стража разорвала бы в клочья. Другое беспокоило

Тарамис, по другому поводу возносила она свои молитвы.

Она нерешительно подняла голову, надеясь, что солнце остановит свой неудержимый бег. Нет, оно уже перевалило зенит. Если Бомбатта не привезет девчонку через несколько часов, если они не нашли того, за чем их послали... Такой день наступит лишь через тысячу лет. Тарамис облизала губы. Нет, только не это. Такого не могло случиться. Она не могла позволить себе умереть, зная, что через тысячу лет кто-то другой обретет Силу и Бессмертие.

Легкое покашливание за спиной заставило ее обернуться, готовую разорвать того, кто осмелился побеспокоить ее.

Перед нею стоял Ксантерес, как всегда невозмутимый, но с каким-то незнакомым огоньком в глазах.

— Она вернулась, — провозгласил он, — Бомбатта привел ее.

Тарамис отбросила подобающее ей достоинство и, оттолкнув седовласого жреца, бросилась по коридорам и залам дворца навстречу

прибывшей племяннице. Наконец в приемном зале она увидела стоящего Бомбатту — пыльного, пропахшего потом, держащего в руке свой черный шлем, и Дженну, бережно прижимавшую к груди что-то завернутое в грязную тряпку, бывшую некогда тонкой белой шерстью. Тарамис едва заметила высокого воина. Все ее внимание было обращено на измученную дорогой девушку.

— Ну? Он у тебя? — прошептала она, медленно подходя к ней. — Ради всего, что есть священного в этом мире, скажи — он у тебя?

Дженна неуверенно протянула вперед сверток. Она еле стояла на ногах, но принцессе было не до таких мелочей.

Верховный жрец уже был здесь. В его руках сверкала золотая чаша.

— Положи сюда то, что ты принесла, дитя, — сказала Тарамис.

Сначала в руках Дженны багровым светом полыхнуло Сердце Аримана. Тарамис затаила дыхание. Грязные тряпки упали на пол, и в руках Дженны засверкал Рог Дагота.

Он тоже занял свое место в золотой чаше на хрустальной подставке. Принцессе пришлось побороться с искушением дотронуться до него, хотя она прекрасно знала, что такое прикосновение означало бы верную гибель для каждого, кроме Дженны. Пока что. Чуть позже он будет доступен только ей — возлюбленной Дагота.

С явным усилием Тарамис закрыла чашу и протянула ее Верховному Жрецу:

— Возьми ее и храни как зеницу ока.

Когда жрец, поклонившись, вышел, она позволила себе обратить внимание на Дженну и Бомбатту. Девушка вдруг непроизвольно почесалась.

— Где служанки из ванной? — строгим голосом спросила Тарамис. — Куда подевались эти глупые девчонки?

Две девушки в белых платьях, с косами, уложенными вокруг головы, вбежали в комнату и упали на колени перед принцессой.

— Госпожа Дженна устала после дальней дороги. Ее нужно выкупать и сделать ей освежающий массаж. Разотрите ее благовонны-

ми маслами и оденьте соответственно сегодняшнему случаю.

Дженна устало, но тепло улыбнулась подбежавшим к ней девушкам.

— Я так рада вас видеть. Кажется, целую вечность я не мылась в нормальной ванне. А где Ания и Лиела?

Девушки побледнели, и Тарамис поспешила прервать затянувшееся молчание.

— Они приболели, девочка. Ты увидишь их позже. Отведите ее в ванную. Вы что, не видите, что она вот-вот упадет?

Проводив их глазами, Тарамис обернулась к Бомбатте.

— Дело сделано, — гордо заявил он, но в его голосе мелькнуло что-то, заставившее ее нахмуриться. Ее мысли заметались, выискивая то, что могло остаться невыполненным.

— Этот вор. Он мертв?

— Мертв.

— Ты сам вонзил меч в его сердце?

— Нет, но...

Ладонь принцессы, взлетев, со звонким хлопком опустилась на изувеченную щеку.

— Когда Рог окажется в Ее руках, — проговорила она древний Свиток, — вор с голубыми глазами должен умереть. Пока он жив — опасность выглядывает из-за его плеча и смерть висит на кончике его клинка. Ты что, забыл, что написано в Свитке?

— Этот варвар похоронен едва ли не под целой горой, обрушенной на его голову.

— Идиот. Если ты сам не видел его бездыханное тело... Я не могу позволить себе ни единого шанса на неудачу. Поднимай стражу по общей тревоге. Всех! Всех до единого!

— Из-за одного-то ворюги, который уже наверняка мертв?

— Делай что приказано! — холодно скомандовала она. — Чтобы мышь не проникла во дворец, не наткнувшись на острие копья.

Не дожидаясь ответа, она вышла из зала. Рог! Наконец-то он принадлежит ей. И если пока что она не может прикоснуться к нему, то, по крайней мере, любоваться им — теперь в ее власти.

Шадизар называли Городом Дьявола, и мало что могло удивить или заинтересовать его жителей, которые уже повидали, казалось, все, что только может случиться под небесами. Но даже они, расступаясь, опасливо давали проехать четырем всадникам, с первыми сумерками вступившим в город. Их лошади еле дышали, сами они казались утомленными тяжелой и опасной дорогой. Но что-то в их глазах и особенно в сапфировых зрачках ехавшего впереди черноволосого гиганта заставляло даже видавших виды городских стражников отводить глаза, чтобы не встретиться с ними взглядом.

Неподалеку от дворца Конан знал небольшую конюшню, владельцу которой и были вручены их измученные животные.

Прежде чем Конан успел броситься бегом ко дворцу, Акиро поймал его за рукав:

— Постой-ка, мой юный друг. Неплохо бы составить план.

Киммериец даже не притормозил. Акиро продолжал висеть на его руке, часто перебирая ногами. Малак и Зула следовали рядом.

— Времени нет на болтовню, — огрызнулся Конан. — Ты что, не видишь, где уже солнце?

Наконец в поле их зрения оказался дворец Тарамис. Тяжелые, обитые железом ворота были заперты. Шесть стражников, сверкая наконечниками копий, выстроились перед ними. На стене такие же черные фигуры маячили через каждые два-три шага.

Колдун затолкал Конана обратно в узкий переулок.

— Ну, теперь ты согласен, что нам нужно хорошенъко подумать?

Малак нагло схватил с соседнего прилавка апельсин. Лоточник открыл было рот, но, посмотрев внимательно на спутников маленького наглеца, решил промолчать.

— Какой уж теперь план, — не торопясь сказал Конан. — Я должен попытаться спасти ее. Я поклялся сделать это. Но тут и дураку ясно, что ничего не выйдет. Нас всех прибьют, как только мы туда сунемся. Так что давайте лучше прощаться. Вам там делать нечего.

— Я пойду с тобой, — яростно вращая глазами, прохрипела Зула. — Ты спас мне жизнь, и я пойду за тобой до конца, пока не смогу отплатить тебе тем же.

— Вы что, совсем рехнулись? — отчаянно воззвал к ним Акиро. — Тут и целой армии делать нечего. Куда вы лезете?

При этих словах рот лоточника снова широко открылся от удивления.

— Слушай, ты, колдун, — донесся голос Малака из-за груды апельсинов. — Ты-то не можешь помочь? Какое-нибудь там заклинание, а?

— Нет проблем. Можно закатать в эти ворота такой огненный шар, что он пробьет их, словно пергамент. Но для этого я должен долго стоять в открытую перед входом, делая магические жесты и громогласно произнося заклинания. Сами понимаете, что кто-нибудь из этих болванов не упустит возможности попробовать на мне остроту своего копья. А вам только и останется, что вступить в бой с парой сотен стражников, если не больше.

Снова подобрав челюсть, но широко раскрыв от изумления глаза, продавец апельсинов почел за благо бежать подальше от этой странной компании.

Проводив его взглядом, Малак сказал:

— Нет, что-то в этой идее не то... Подумать только! Сколько сложностей — и все ради того, чтобы пробраться во дворец. Если учесть то, сколько намучился мой шурин, чтобы выбраться из него.

— А я-то думал, что он так и сгинул в дворцовых подземельях, — с отсутствующим видом пробормотал Конан, не отрывая глаз от дворца и от заката.

— Двое из них погибли там, а вот третьему удалось вырваться... — тут он запнулся, увидев, как сфокусировался на нем взгляд Конана, как полезли вверх брови на лице Акиро и как напряженно уставилась на него Зула. — Да нет же, о чем это я... Все они там и того... Оттуда разве выберешься. Да и с чего вы решили, что я должен знать что-нибудь о том подземном ходе, через который он удрал... то есть я хочу сказать, не удрал, а погиб в

темнице. И вообще, я стал часто забывать даже более нужные в каждодневной жизни вещи...

— Может, ему башку расколоть? — задумчиво предложила Зула.

— Тогда он не сможет говорить, — возразил Акиро. — Но вот яйца ему для этого не понадобятся. Можно устроить так, что они у него просто отсохнут. Дело нехитрое.

Конан, поглаживая рукоять кинжала, дал понять, что для этого вовсе не нужно применять колдовские методы.

Малак внимательно посмотрел в глаза каждому, вздохнул и печально сказал:

— Ладно, уговорили. Покажу вам то, что знаю.

Конан лишь молча ткнул его в плечо, предлагая бежать впереди, показывая дорогу. Их путь и вправду был странным — извилистым, как след змеи. Причем они все дальше уходили от дворца, пробираясь по этим пропахшим дерьям закоулкам. Неожиданно Малак подбежал к задней стене какого-то дома, где

находилась каменная дверь, ведущая в погреб.

Киммериец склонился над ведущими в темноту ступенями.

— Нужен свет, — недовольно поморщившись, сказал он. — Акиро?

Маленький огонек затрепетал на кончиках пальцев колдуна. Они оказались в грязном и давно не используемом подземелье. Пыль и паутина покрывали все сплошным ковром. Акиро нашел воткнутый в щель между камнями факел и предпочел воспользоваться им, как более естественным источником света.

— Неужели отсюда можно добраться до дворца? — недоверчиво спросила Зула.

Встав на четвереньки, Малак отсчитывал большие квадратные камни на полу вдоль одной из стен.

— Вот, — сказал он, показывая на один из них, внешне ничем не отличавшийся от других. — Кажется, этот, если я не ошибаюсь.

— Тебе же хуже, если ты ошибаешься, — мрачно отозвалась Зула.

Конан наклонился над камнем. Щель с одной его стороны была достаточно широкой, чтобы просунуть пальцы. Приподняв слегка камень, Конан перехватил его поудобнее и в два счета выворотил его наружу. Открывшийся колодец был выложен камнем, в одной из стен виднелись углубления, вполне подходящие, чтобы поставить ногу или ухватиться рукой. Заглянув туда, Акиро сказал:

— Кто бы ни строил этот дворец, он знал свое дело. Даже в самой сильной крепости должна быть парочка тайных выходов за ворота.

Конан уже влез в дыру по пояс.

— Ты не забыл про две сотни стражников? — поинтересовался Малак. — Лук Сигина! Киммериец, я тебя уверяю: от того, что окажешься внутри дворцовых стен, их не станет меньше.

— Ты абсолютно прав, — ответил Конан. — Этот ход лишь ненамного увеличивает наши шансы. Но тебя это не касается. Свое дело ты сделал. Наш договор остается

в силе. Ты свободен и можешь не соваться дальше.

Зула лишь презрительно сплюнула, и рот Малака скривился в ухмылке:

— Вот уж не думал, что побрякушки Амфарата будут стоить мне так дорого.

И он тоже полез вниз по колодцу, едва поспевая за Конаном.

Глава 22

Сумерки спускались над Шадизаром, когда Тарамис вновь вышла на балкон, глядя на Спящего Бога. Полог исчез, а вокруг ложа появилось несколько новых жрецов. Ее четыре телохранителя и еще шесть лучших, лично отобранных Бомбаттой воинов в черных доспехах стояли по стенам дворца. Тарамис это не нравилось. Эти ребята служили не за страх, а за совесть. Их не проймешь жестоким зреющим. Но в Свитках было сказано, что на Церемонии Пробуждения не должны присутствовать лишние свидетели. Она была вынуждена пойти на это из-за тупости Бомбатты.

По правде говоря, маловероятно, чтобы этот вор остался жив. А если даже и так, то

что он может сделать — несчастный уличный ворюга — против всего ее могущества, против высоких стен и мощной стражи. Но в Свитках прямо говорится о возможной... нет, об очень вероятной опасности срыва всего дела, если вор останется в живых. А этот придурок — Бомбатта еще и исчез куда-то в дворцовых закоулках, обидевшись на ее ругань. Ладно, когда ночь пройдет, у нее еще будет время придумать ему наказание.

Еще один взгляд на темнеющее небо — и Тарамис вернулась в свои покои. Ей еще многое нужно было успеть.

Из шкатулки черного дерева, выложенной серебром, она достала маленький пергаментный пакетик. Из прозрачного кувшина в золотую кованую чашу было налито вино. В него и посыпался белый порошок из мешочка, бесследно растворяясь в бордовом напитке. Рядом с первой чашей на том же лакированном столике стояла еще одна. Порошок не был колдовским зельем, ни одно заклинание не усиливало его действие. Сегодня ночью не допускалось никакого колдовства,

кроме того, что было связано с Церемонией Пробуждения.

Принцесса хлопнула в ладоши и приказала вбежавшей рабыне:

— Попроси госпожу Дженну прийти ко мне.

Скоро, думала она про себя, уже совсем скоро.

С факелом в вытянутой руке Конан, пригнувшись, несся по низкому коридору.

— Не так быстро, — пожаловался Малак. — Кости Великого Митры, неужели тот, кто это строил, не мог сделать туннель в рост человека?

— Тебе-то что, ты и здесь не очень-то ногибаешься, — сказала Зула, подгоняя его тычками шеста под ребра.

Малак гневно посмотрел на нее, но сказал лишь, что надеется на ступеньки в конце туннеля.

— Не улыбается мне еще раз карабкаться по стене.

Конан выругался, когда его факел высветил глухую стену впереди. Но выяснилось, что потолок здесь был выше, а в одном месте уходил вверх узкий лаз, наподобие того, по которому они спускались в туннель. Конан без колебаний полез вверх.

Акиро хриплым голосом позвал его:

— Конан! План! Ты ведь не знаешь, что там наверху.

Конан продолжал карабкаться вверх. С факелом в руке это было нелегко. Одна ошибка, потеря равновесия — и падение на каменный пол было бы неизбежным.

Наверху у самого конца колодца Конан обнаружил железный держатель для факела, вмуранный в стену. В камень над головой было вделано кольцо — чтобы помочь закрыть лаз за беглецами, если вдруг случится так, что хозяевам дворца придется воспользоваться тайным ходом для спасения своей жизни. С другой стороны на камне не было никаких запоров: никто не предполагал, что не прощенные гости смогут найти вход и появиться снизу.

Высунув факел и голову, Конан увидел, что оказался в тюремной камере: голые каменные стены, гнилая солома на полу, крысы... Выглянув через глазок в коридор, Конан увидел, что тяжелый засов не задвинут. Толкнув дверь плечом, он поморщился — ржавые петли отчаянно заскрипели. Но темный коридор был пуст. Ни одного звука не раздалось в ответ на скрип.

— Мог бы и подождать, — прошипел Акиро, вылезая из люка. — В конце концов, откуда ты знаешь, куда мог привести этот подземный ход?

— Куда же еще, как не в тюрьму, — возразил Конан. — Едва ли родственничек Малака сумел найти выход из тронного зала или спальни Тарамис.

Старый колдун аж крякнул от удивления:

— Логично. Я даже не ожидал от тебя такого стройного умозаключения. Обычно ты предпочитаешь решать проблемы не головой, а силой рук и остротой сжатого в них клинка.

Малак, которому Зула помогла вскарабкаться наверх, обиженно пробурчал:

— Откуда вы знаете, что мой шурин выбрался из дворца, не освоив сначала спальню принцессы? Все мужчины в нашей семье пользовались успехом у женщин.

Зула фыркнула, и Малак подготовил новый аргумент для продолжения дискуссии.

— Потом, — оборвал их Конан.

Все четверо выбрались в коридор. Выбор направления оказался делом нетрудным. Один конец коридора тонул в непроницаемом мраке, из другого шел слабый свет. Подойдя поближе, Конан и его товарищи увидели, что попали в комнату тюремщика. Большое кубическое помещение было ярко освещено множеством факелов. В противоположном углу была видна лестница, уводившая вверх, в дворцовые переходы. Но между лестницей и тюремным коридором сидел сам дворцовый тюремщик — здоровенный, толстый мужик, у которого на руках и на груди явно было больше волос, чем на голове. В толстых коротких пальцах он сжимал изрядный ломоть жареного мяса и, громко чавкая, отрывал от него кусок за куском. Он успел бы пробежать

половину лестницы, подняв тревогу прежде, чем Конану удалось бы порезать его мечом.

И все же Киммериец напрягся, чтобы ринуться. Вдруг рука Зулы коснулась его плеча. Чернокожая девушка молча покачала головой. Неожиданно она скинула полоску ткани, закрывавшую ее маленькую грудь, и обмотала ее вокруг бедер. Малак оценивающе рассматривал ее, но она даже не взглянула на маленького вора. Затем, изобразив приветливую улыбку на лице, она шагнула в комнату, опираясь на шест как на дорожный посох.

Толстый тюремщик так и застыл с недоеденным куском в руках.

— Из какого Девятого Неба Зандру ты вылезла? — прорычал он. — У меня таких в тюрьме не числится.

Зула ничего не ответила, а лишь ближе подошла к нему, покачивая бедрами.

— Если ты не узница, то какого черта ты там делала? А раз ты не должна была быть там, но была, то тебя можно и подвергнуть допросу. Болезненное, надо сказать, мероприятие.

Что ты молчишь? Язык проглотила? Ну и ладно. В общем, так. Если ты, ведьма, не хочешь понюхать каленых щипцов и повисеть на дыбе, то я рекомендую отнестись ко мне как к богу во плоти и как к земному возлюбленному в одном лице. Вот так-то.

С этими словами он направился к ней. Улыбка не сошла с лица Зулы, лишь шест был поудобнее перехвачен обеими руками. Один взмах — и из-под кадыка тюремщика забил кровавый фонтан. Его глаза чуть не повылезали из орбит; согнувшись пополам, он упал на колени, и еще один удар шестом в основание черепа довершил дело. Зула спокойно восстановила целостность своего костюма.

— Весьма эффективно, — улыбнулся Акиро, подмигивая девушке. Малак при этом всячески старался даже случайным взглядом не зацепиться за едва прикрытую грудь.

Ни секунды не мешкая, Конан бросился вверх по широким каменным ступеням. Остальные последовали за ним по пятам.

— Тетя, ты звала меня? — спросила Дженна, появившись в дверях.

Тарамис улыбнулась, по-семейному и, как ей казалось, естественно. Дженне предстояло сыграть еще одну роль, и она была неплохо подготовлена к ней. Черный шелк укрывал ее от шеи до пят. Волосы волнной спускались по плечам. Чёрное платье — символ черноты Великой Ночи. Бледное лицо — сама невинность. И рядом — огненно-алый шелк, подчеркивающий чувственные изгибы тела Тарамис.

— Да, дитя мое, — ответила Тарамис. — Сегодня тебе предстоит выполнить твоё предназначение. До конца. Выпей со мной праздничный кубок. Ты теперь женщина, уже достаточно взрослая для того, чтобы узнать вкус вина.

Дженна нерешительно взяла чашу обеими руками и всмотрелась в рубиновую жидкость.

— Я часто хотела попробовать его. Мне было так интересно.

— Тогда пей. Пей все, до дна. Так вкуснее.

Тарамис нервно ждала и облегченно вздохнула, увидев, как Дженна запрокидывает голову и подносит чашу ко рту.

Девушка легко рассмеялась, отставив почти опустевшую чашу.

— Так тепло. Во мне словно бежит жидкий огонь.

— Голова не кружится? Такое иногда бывает, — участливым голосом сказала Тарамис.

— Не знаю... Я... я чувствую... — икнув, девушка замолчала.

Взяв из несопротивляющихся пальцев чашу, Тарамис посмотрела в широко раскрытые глаза Дженны. Вино не подействовало бы так быстро и так сильно. Порошок. Это его эффект.

— На колени! — приказала Тарамис.

Улыбаясь, как если бы это было обычным делом, Дженна встала на колени перед принцессой.

Отлично, подумала Тарамис. Порошок действует лучше любого заклинания.

— Вставай, дитя мое, — обратилась она к Дженне и, обернувшись, позвала Верховного Жреца: — Ксантерес! Она готова!

Жрец вошел в комнату с золотой чашей в руках. Тарамис сама открыла ее и сказала:

— Возьми Рог, Дженна.

Ее глаза ревниво следили за руками Дженны. Ничего, думала Тарамис, завтра утром она будет единственной, кому будет даровано право прикасаться к Рогу и Сердцу. Завтра утром.

Четыре удара гонга пронеслись по дворцу. Наступила ночь.

— Пойдем, дитя мое, — сказала Тарамис.

С Рогом на вытянутых руках Дженна последовала за ней навстречу судьбе.

Конан бесшумно ступал по коридорам дворца, не обращая внимания ни на великолепные ковры вендинской работы, устилавшие пол, ни на гобелены из Иранистана, свисавшие со стен, на которых горели позолоченные светильники. Его спутники едва поспевали за ним. Стражники стояли чуть ли не на каждом шагу. Несколько раз Конану и его

товарищам приходилось прятаться в боковых переходах за занавесями, пережиная, пока мимо пройдет патруль — десяток воинов в черных доспехах. Разобраться с такой компанией не подняв шума было невозможно. А Дженну следовало разыскать, не вызвав никакой тревоги, если только они хотели сохранить хоть малейшую надежду на то, чтобы выбраться с нею из дворца живыми.

Киммериец шагнул из одного коридора в другой. Скрип кожаной одежды дал ему шанс. По обе стороны от входа, прислонившись к стене, стояли два стражника в черных доспехах и шлемах с забралами. Их руки рванулись к рукояткам сабель. Времени на размышления не оставалось. Надо было действовать.

Сжимая меч двумя руками, Конан метнулся влево и вонзил клинок под эбеновую пластину. Стражник успел лишь до половины вынуть саблю из ножен. Продолжая начатое вращение, Конан выдернул меч из тела жертвы. Второй страж, выхватив саблю, совершил ошибку, занеся ее для рубящего удара, вместо того чтобы колоть. Меч Конана

воткнулся под занесенную руку. Еще мгновение, и Конан, шагнув вперед, довершил дело, полоснув клинком по шлему изо всех сил. Первое тело еще не затихло на полу, когда труп второго стражника уже рухнул на него.

Малак восхищенно присвистнул. Зула тоже смотрела на Конана, оцепенев.

— Ты... такая скорость... Я никогда...

— Вот что, — прервал ее Конан. — Этих двоих или обнаружат в виде трупов, или, по крайней мере, хватятся очень скоро, независимо от того, будем мы их прятать или нет.

— Ты хочешь сказать, что все двести, или сколько их там, стражников узнают, что мы здесь? — голос Малака задрожал. — Костлявая задница Данха!

— Проваливай обратно в тюрьму и выбирайся отсюда, — презрительно бросила Зула. — Путь пока открыт.

Малак состроил ей рожу, а потом вытащил кинжалы.

— Всегда мечтал стать героем, — сообщил он.

Конан сказал:

— Я думаю, прятаться дальше нет смысла. Надо найти Дженну. И побыстрее!

Словно леопард он бросился вперед, подгоняемый опустившейся за окнами темнотой.

Взрыв молитв жрецов встретил маленькую процессию, появившуюся во дворике. Тарамис знала, что хвалебные молитвы возносятся Дженне, но и она ощущала себя причастной. Ведь кто, как не она, сумел организовать все для этого триумфа своей племянницы.

Тарамис стояла рядом с Дженной, приидично поглядывая на нее и на стоящего рядом Верховного Жреца. Тот, сменив чашу на золотой посох, увенчанный алмазным глазом, тоже с удовлетворением внимал благодарным молитвам своих единоверцев.

— Спящий Бог никогда не умрет, — привычно затянула Тарамис.

— Там, где есть вера, — нет смерти, — последовал ответ стоявших на коленях жрецов.

Тарамис широко развела руки.

— Пришла Ночь Пробуждения, — крикнула принцесса, — ибо вернулась Она.

Эхом прокатился ответ:

— Слава Ей, служащей Спящему Богу!

Десяток стражников отступили в тень колоннады, как было приказано. Заиграли флейты, возвещая наступление времени жертвоприношения. На черном бархате неба звезды выстроились в том порядке, в каком они бывают лишь раз в тысячу лет. Настал момент.

Власть, сила, думала Тарамис, слушая замолкающее эхо молитв. Власть и бессмертие. Завтра они будут принадлежать ей.

Конан был вынужден остановиться, когда высокий, едва ли не выше и шире в плечах, чем он сам, человек в черном шлеме с саблей в руке шагнул навстречу ему из бокового коридора.

— Я знал, что ты придешь сюда, мерзкий вор, — тихо сказал Бомбатта. — Как только

я наткнулся на трупы, я понял, что ты жив. И я понял, что ты направляешься в центральный двор, чтобы спасти ее. Но если Дженна не может быть моей, она не достанется никому из смертных. Она отправится к богам, вор.

Сабля блеснула в свете масляных ламп. Конан жестом приказал своим спутникам отступить. В этом узком коридоре, увешанном портьерами, они бы только мешали ему. Киммериец держал меч прямо перед собой, сжимая рукоятку обеими руками.

— Что, язык проглотил? — спросил Бомбатта. — Девчонка умрет через несколько мгновений в самом центре дворца. Я рад увидеть отчаяние на твоем лице, вор. И я счастлив утешить свое горе от этой утраты тем, что могу наконец убить тебя.

— У меня нет времени на разговоры, — ответил Конан. — А тебе пришло время умереть.

Оба клинка взвились в воздух. Грохот сталкивающейся стали заполнил весь коридор. Атаки и контратаки, уколы и рубящие удары, защита и обманные финты — все

это следовало с такой скоростью, что казалось единой каруселью сверкающей стали и искр.

Неожиданно меч Конана был вывернут из его рук. Предчувствуя победу, Бомбатта ухмыльнулся. Но в тот же миг сапог Киммерийца точным ударом отправил его саблю в другой угол. Оба противника бросились на встречу друг другу. Сначала каждый попытался дотянуться до кинжала, но затем Бомбатта сжал голову Конана руками и стал поворачивать ее. Киммериец тоже скватил одной рукой за гребень шлема, а другой — за нижний край забрала, пытаясь свернуть противнику шею. Главным звуком боя стало тяжелое дыхание. Вздулись могучие мускулы, напряглись, сопротивляясь, шеи, сильные ноги переступали в поисках лучшего упора и для сохранения равновесия.

Раздался негромкий, но отчетливый хруст, и Конан вдруг обнаружил, что продолжает сжимать мешок с костями, а не грузного противника. Отпущенное тело Бомбатты шумно упало на пол.

— Самое время сматываться отсюда, — сказала Зула, — а мы даже не знаем, где искать ее.

Конан покрутил головой, восстанавливая подвижность шеи.

— То есть как не знаем? Этот болван все сказал нам. Она в центральном дворике дворца.

— Еще он сказал, что через несколько мгновений она умрет, — напомнил Малак.

— Тогда у нас нет времени на болтовню, — подытожил Конан. — Вперед!

— О Великий Дагот, — продолжала Тарамис, — в Ночь Пробуждения мы, твои слуги, приходим к тебе.

Флейты зашлись в безумной мелодии, когда она прикоснулась к руке Дженны. Вдвоем с Ксантересом они подвели несопротивляющуюся девушку к голове лежащей фигуры.

— О Великий Дагот! В Ночь Пробуждения твои слуги вызывают к тебе! — нараспев тянула Тарамис, а затем зашептала на ухо

Дженне: — Рог, малышка. Установи его, как я тебе говорила.

Дженна вздрогнула, в ее глазах мелькнуло сомнение. Тарамис вся сжалась: неужели порошок перестал действовать! Но затем, все также не понимая, что происходит вокруг, Дженна вставила Рог в углубление на лбу Дагота.

Дрожь пробежала по огромному алебастровому телу. Мрамор обмяк и принял оттенок человеческой кожи.

Ликование охватило Тарамис. Ничто, ничего больше не могло помешать ее мечтам. Спящий Бог просыпался. Оставалось лишь довести дело до конца.

— О Великий Дагот, — позвала она, — прими нашу жертву и подношения тебе. Прими третью окропление. Окропление Ее кровью.

Дженна даже не вздрогнула, когда Ксантерес схватил ее за волосы левой рукой и наклонил ее голову над полуожившей головой статуи. Изогнутый резной кинжал взлетел в воздух, сверкнув в звездном свете.

Ворвавшись в большой двор, Конан в один миг увидел все, что здесь происходило. Он заметил и черных стражников, и склонившихся жрецов, и подрагивающий Рог, торчащий из какой-то гигантской головы. А главное, он увидел Дженну, стоявшую с открытым горлом, подставленным ножу, сверкающему в руках старого, седобородого человека.

Всего лишь миг понадобился ему, чтобы все это увидеть и оценить ситуацию. В следующий миг он уже действовал. Перекинув меч в левую руку, он обрушил скатый кулак на шлем стоявшего справа охранника, следующим движением перехватив выпадающее из ослабших рук копье. В тот момент, когда кинжал жреца пошел вниз, Конан метнул копье. Кинжал со звоном упал на мраморные плиты, за ним, наваливаясь на древко, последовал седобородый Верховный Жрец, подставив небу горло с торчащим окровавленным наконечником копья.

Хаос воцарился во дворике. Черные стражи ринулись к Конану, который не без удив-

ления обнаружил рядом с собой Малака, сжимающего кинжалы в обеих руках. Зула, нещадно обрушивая на спины жрецов шест, прорывалась к Дженнэ, чтобы, схватив ее за руку, оттащить от вздрагивающей и извивающейся фигуры на мраморном ложе.

— Еще не все потеряно, еще есть время! Я все исправлю! — стонала Тарамис, на четвереньках бросившись к упавшему кинжалу.

Гигантская фигура села, сверкая золотым Рогом перед лбом. Холод наполнил весь двор при первом же движении прекрасного тела. Красивая голова повернулась, большие глаза, сверкающие золотым огнем, обвели взглядом дворцовый двор. Неожиданно голова закрепкинулась, и Дагот застонал. Он начал вставать на ноги, и при этом его стоны возвещали о величайшей боли, испытываемой им.

Ужасающий звук словно вывел Конана из паралича. Он перехватил меч и подготовился к бою, но стражники, погорев копья, метнулись мимо него к выходу. Что-то более

страшное, чем сталь клинка Киммерийца, гнало их прочь.

Под кожей Дагота набухли узлы мышц. Они росли, но чем дальше, тем больше отличались от нормальных человеческих форм. Кожа на лице превратилась в чешую, лоб скосился назад, а челюсти, наоборот, сильно подались вперед. Острые клыки прорвали губы. Руки и ноги стали тоньше, а на концах пальцев выросли длинные когти. Кожа на спине лопнула и выпустила на свободу черные кожаные крылья огромной летучей мыши. В центре двора встала гротескная фигура, напоминающая мужское тело, но втрое превышающая человеческий рост. Лишь золотые глаза, не изменившись, горели все тем же жутким огнем.

Эти глаза замерли на Тарамис, стоящей на коленях с прижатым к груди кинжалом. На лице принцессы не было никаких других чувств, кроме ужаса.

— Ты! — словно гром прокатился по дворцу. — Ты своими устами обещала быть моей, Тарамис.

Надежда мелькнула в лице принцессы.

— Да, — выдохнула она и, вскочив на ноги, бросилась к своему богу. — Я обещана тебе! А ты — ты дашь мне власть и бессмертие. Ты...

Клешнеобразные лапы подтащили женщины поближе, и огромные крылья на миг скрыли ее. Крик, в котором смешались неверие, разочарование и нестерпимая боль, донесся из-за черных крыльев. Когда они распахнулись, лишь алое шелковое платье слетело к ногам Дагота.

— Вот что значит познать бога и быть познанной богом, — вновь прокатился громовой голос.

Зула с ужасом смотрела на кровавое пятно алоого шелка. К счастью, Дженна не воспринимала происходящее вокруг нее.

Бросившись вперед, Конан схватил обеих за руки и подтолкнул к выходу из дворца.

— Бегите! — скомандовал он им, и они побежали.

— Нет, смертный! — раздался удар грома. — Это Она. И Она принадлежит мне!

Конан почувствовал, как вздрогнула земля, когда Дагот сделал шаг. Женщины не могли пошевелиться от ужаса. Настало время вступить в бой за них. Впервые в жизни Конан был уверен, что противник перед ним — сильнее него, что его нельзя победить. И все же он вышел навстречу богу.

Огненный шар прорезал воздух над его головой и ударился о грудь Дагота. Он отскочил, словно бульжник от горы.

— Беги, Киммериец, — закричал Акиро, — Эрлик тебя раздери! Беги же! Я ничего не смогу поделать с этой тварью!

Крылья Дагота хлопнули за его спиной, и Акиро упал на пол, откатившись к стене двора.

— Ну а ты, смертный, — прогромыхал Дагот в сторону Конана, — ты что, хочешь сразиться с богом? Побойся кары за такую дерзость.

Конан действительно почувствовал захлестнувшую его волну страха. Этот страх смел в нем все — все, называвшее себя Конаном из Киммерии. Теперь посреди дворца стояло

существо из далеких времен. Существо, не знавшее ни имен, ни огня, ни богов. Это существо привыкло восполнять недостаток когтей и клыков, а также меньшую, чем у медведя или тигра, силу большой яростью и волей к жизни. У этого существа был только один ответ на страх. С ревом, когда-то приводившим в ужас древние пещеры, Конан бросился вперед.

Дагот лишь громоподобно хохотал, в то время как раны, наносимые мечом Конана, затягивались, лишь только Киммериец вытаскивал клинок из них. Клещевидные лапы сомкнулись вокруг его тела и поднесли свою жертву к изогнутым клыкам.

Извиваясь в последних попытках вырваться, Конан услышал неясные слова, обращенные к нему. Одно из них крепко отпечаталось у него в голове: «Рог!» Затем звуки сложились в крик Акиро:

— Его единственное уязвимое место — это Рог!

Конан смотрел в золотые глаза без страха. Это чувство покинуло его еще до того, как он

бросился на Дагота с мечом. Он спокойно принял оставшийся ему выбор: убить или быть убитым.

Киммериец засмеялся, выпуская меч и хватаясь обеими руками за сверкающий Рог. Его сильные плечи напряглись, и Рог вылетел из чудовищной головы. Дикая боль перекосила мерзкую рожу бога, и он открыл рот пошире, чтобы разорвать в клочья смертного, доставившего ему такие страдания. Но ярость атаки не так-то легко было выбить из Конана. Почувствовав, что Рог оказался у него в руках, Киммериец перевернул его острым концом вперед, вонзил в один из золотых шаров, зло уставившихся на него, и надавил что было мочи.

Все стоны и крики, которые Дагот издавал до сих пор, показались легким шепотом по сравнению с раздавшимся в этот момент ревом. Конан отлетел в сторону и рухнул на мраморные плиты. Рев все не прекращался. Звук становился все выше и выше... Вот уже уши перестали ощущать его, лишь кожу словно кололи бесчисленные раскаленные иглы.

Сжав руками голову, Конан попытался встать. Он должен сражаться. Он должен убить. Он должен...

Вдруг он, несмотря на всю боль, понял, что может видеть небо и звезды. Видеть их сквозь Дагота. Гигантская тень все еще висела в воздухе дворцового дворика, с каждой секундой становясь все менее плотной, почти неосозаемой. Неожиданно Дагот стрелой взмыл в небо и растворился там. Исчезла и боль в голове Конана.

Киммериец недоверчиво осмотрел двор. Жрецы разбежались кто куда. Из стражников остались лишь те, кому обеспечили покой они с Малаком. Зула склонилась на Дженней, обхватив и прикрыв ее своими руками.

— Она рухнула на землю, когда ты вырвал этот Рог, — сказала Зула, — но я думаю, что это не страшно. Она скоро очнется.

— Привет, Конан, — раздался голос Малака, лежавшего у основания одной из колонн. Акиро, что-то причитая, перевязывал какой-то золотистой тряпкой кровоточающую рану на боку маленького воришки. — Я тут

наткнулся на копьецо, но дело не в этом. Мы победили! Яйца Ханнумана! Мы победили!

— Как знать, — устало сказал Конан. Он сжал амулет на своей груди так сильно, словно хотел раздавить золотого дракона. — Скорее всего, да.

ЭПИЛОГ

С резного алебастрового балкона прекрасного мраморного дворца, некогда принадлежавшего Тарамис, Конан смотрел на восходящее над горизонтом солнце. Второй раз он встречал здесь восход. На размышления и принятие решения у него были день и ночь. Приняв решение, он отдал несколько приказаний и даже пригрозил кое-кому из слуг мечом, когда те попытались поставить под сомнение правомочность его требований.

— Господин Конан, — раздался голос одной из служанок, — принцесса Дженна... э-э... просит вас зайти к ней.

Женщина споткнулась на середине фразы от непривычного сочетания слов. Никогда

раньше аристократки Заморы никого не прошли, а только приказывали. Особенно принцессы.

— Никакой я не господин, — сказал Конан, а затем быстро добавил: — Ладно, веди меня к принцессе Дженнене.

Зал, в котором он оказался, был предназначен для неформальных аудиенций. Трон был поднят всего на высоту одной ступени, да и сам представлял собой резное кресло черного дерева безо всяких драгоценных украшений. Дженна прекрасно смотрелась на нем в своем белом платье. Все остальные присутствующие, казалось, тоже более-менее очухались после всех приключений. Малак довольно сжимал в руке золоченый кубок с каким-то напитком, явно не похожим на воду. Руки Акиро нетерпеливо поглаживали целый ворох древних рукописей и свитков. Зула, опершись на шест, стояла у трона Дженнены как верный телохранитель.

— Конан, — Дженна улыбнулась входящему юноше, — наконец-то. Знаешь, король Тиридатес признал меня наследной принцес-

сой Заморы и передал мне всю собственность и богатства Тарамис.

— Прими мои поздравления, — сказал он. При этом лицо Дженнены стало серьезным.

Затем улыбка снова появилась на ее губах, и новоявленная принцесса сказала:

— Я попросила всех вас прийти сюда, потому что у меня есть просьба к каждому из присутствующих. Малак, сначала ты. Я прошу тебя остаться со мной. Ты можешь жить во дворце, постоянно напоминая мне, что даже тот человек, которого все считают глупым и трусливым, может быть храбрым и, главное, добрым.

— Даже моя мать не называла меня добрым, — негромко произнес Малак, внимательно глядя на золотой кубок в своих руках. — Но я, пожалуй, останусь здесь. На время.

— Лучше всего — сразу приставить к нему охрану, — съехидничал Акиро.

— Акиро, ты тоже останься со мной, — сказала Дженна. — Ты мудрый человек, а мне в будущем понадобятся мудрые советы.

— Это невозможно, — ответил колдун. — Я получил то, ради чего вмешался в это дело, — Свитки Скелов. Но я не могу остаться здесь, пока там эти мерзкие шаманы продолжают свои страшные жертвоприношения. Я поклялся положить этому конец.

— Я дам солдат в твоё распоряжение, чтобы помочь тебе поскорее разобраться с этими шаманами. А потом, когда ты надумаешь вернуться, я отведу тебя в комнаты, где Тарамис собрала множество всяких колдовских книг и волшебных предметов. Ты сможешь изучать их столько, сколько захочешь.

— Солдаты? — пробормотал Акиро. — Ну, я думаю, солдаты вполне справятся с этими мерзкими шаманишками. Так ты говоришь, что там есть несколько комнат? А сколько их, поточнее?

— Много, — рассмеялась Дженна. — Зула, ты тоже должна остаться со мной. Ты уже многому научила меня и как женщина, и как воин. Но еще большему мне предстоит учиться. Например, обращаться с шестом так, как ты.

Чернокожая женщина вздохнула с сожалением:

— Я не могу. Я обязана жизнью Конану, и я должна следовать за ним, пока...

— Нет! — резко оборвал ее Конан. — Долг нельзя отплатить таким образом!

— Тогда как?..

— Пойми, Зула. Я и сам только недавно осознал это. Есть долги, которые нельзя отдать подобным образом. Спаси жизнь другого человека — и я буду считать, что ты расплатилась со мной.

Зула кивнула и повернулась к Дженне:

— Я остаюсь, Дженна. И с большой радостью.

— Конан, — начала Дженна и поспешила продолжить прежде, чем он успеет оборвать ее, — послушай меня, Конан. Останься со мной. Ты будешь сидеть рядом со мной на этом же помосте, на таком же троне, ты...

— Я не могу, — вежливо, но твердо сказал Конан.

— Но почему? Клянусь всеми богами, я хочу, чтобы ты остался. Ты мне нужен!

— Я живу своим умом и своим мечом. Неужели я буду нужен тебе в виде комнатной собачки? А это все, чем я могу стать здесь. Дворцы и шелка — это не по мне.

— Тогда я пойду с тобой, — сказала она и вся напряглась, когда он рассмеялся.

— У туранцев есть такая поговорка, Дженна: орел не бегает по горам, а леопард не летает в небе. Ты принесешь в мою жизнь столько зла и боли, сколько я принесу в твою. Я живу, день за днем сражаясь за свою жизнь или мчусь с ней наперегонки на верном коне. Это мой путь, и тебе на нем нечего делать.

— Но, Конан!

— Прощай, Дженна, и пусть все боги хранят тебя. Будь счастлива.

Он повернулся и вышел из зала. Она еще несколько раз позвала его, но он не обернулся. Как он и приказал, конь уже ждал его, оседланный и отдохнувший, у самых ворот дворца.

Солнце уже стояло в зените, когда он добрался до каменного алтаря на равнине. Ветер нанес песка и грязи вокруг, и Конан

подумал, что Малаку придется потрудиться, чтобы найти точное место, где зарыты драгоценные камни. Кроме этого, ничего не изменилось.

Сняв золотой амулет с груди, он положил его на алтарь. Из мешочка на поясе он извлек флакон, который всучил ему Акиро. Как же давно это было! С тех пор прошла целая вечность. Что ж, некоторые долги не удается отдать напрямую тем, кому они были обещаны.

— Прощай, Валерия, — негромко сказал он и, сорвав закрывающую флакон печать, выпил одним глотком все содержимое.

Жар пробежал по всему его телу. Глаза зажмурились, словно от яркого света. Даже конь невольно задрожал под седоком. Когда Конан снова открыл глаза, жар исчез. Какая-то золотая вещица блеснула перед ним. Какая-то подвеска в виде дракона, подумал он, почему-то оказавшаяся на этой странной груде камней. Он свесился с седла, наклонившись над побрякушкой. Но что-то остановило уже протянутую руку. Что-то непонятное,

ОГЛАВЛЕНИЕ

неведомое твердило ему, что не следует брать эту вещицу. Не иначе, колдовство какое-то, подумал он.

Ну и ладно, в Шадизаре полно незаколдованного золота и девочек, мечтающих усесться к нему на колени и помочь потратить все честно украденное им. Со смехом он пришпорил коня, и тот галопом понесся к городу. Ни разу Конан не обернулся, чтобы взглянуть на эти камни. Не потому, что боялся, а просто не хотел. Он уже совсем забыл о них.

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	53
Глава 4	54
Глава 5	62
Глава 6	106
Глава 7	119
Глава 8	133
Глава 9	149
Глава 10	163
Глава 11	178
Глава 12	195
Глава 13	213
Глава 14	233
Глава 15	243
Глава 16	259
Глава 17	270
Глава 18	283
Глава 19	294
Глава 20	309
Глава 21	325
Глава 22	339
Эпилог	367

Литературно-художественное
издание

Роберт Джордан

КОНАН РАЗРУШИТЕЛЬ

*Перевод с английского
Владимира Правосудова*

Редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Ольга Карпеева
Елена Шнитникова

Верстка
Дмитрий Положенцев

Подписано в печать с оригинал-макета 15.06.95.
Формат издания 70×100¹/32. Печать высокая. Гарнитура Таймс.
Тираж 25 000 экз. Усл. печ. л. 15,5. Изд. № 89. Заказ № 1246.

Издательство «Азбука».
198147, Санкт-Петербург, Бронницкая ул., 17.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Джордан Р.

Д42 Конан Разрушитель: Роман/ Пер. с англ.
В. Правосудова. — СПб.: «Терра» — «Азбука»,
1995. — 384 с.

ISBN 5-300-00089-2

Именно этот роман, повествующий о том, как Конан
добыл магический камень под названием Сердце Аrimана,
лег в основу одноименного фильма с А. Шварценеггером в
главной роли.

Стань Частью Легенды!

Издательство "Азбука"
начинает почтовую игру

ХАЙБОРИЙСКАЯ ВИКТОРИНА.

Для участия в викторине Вам необходимо ответить на пять нижеперечисленных вопросов и выслать ответы по адресу издательства не позднее 1 сентября.

Для победителей мы приготовили призы с хайборийской символикой:
майки, плакаты, значки.

Абсолютный чемпион викторины будет получать бесплатно в течение года все сигнальные экземпляры сериала о Конане-варваре.

Вопросы викторины:

1. Как звали отца и мать Конана?
2. Назовите первое произведение, где появляется Конан. Кто автор этого произведения?
3. Какая часть Хайбории связана с Россией?
Какой народ живет на этой земле?
4. Назовите главную магическую книгу хайборийской эпохи.
5. Где Конан добыл свой меч? Назовите две версии.

Желаем удачи!

Ответы прсылайте по адресу:
198147, Санкт-Петербург, ул.Бронницкая, 17.
Издательство "Азбука"

**Не пропустите следующие выпуски сериала о Конане,
которые выходят в ближайшее время:**

Роланд Грин "Конан и Боги гор"

Леонард Карпентер "Конан на дороге войны"

Леонард Карпентер "Конан и осквернители праха"

Новые
приключения
знаменитого героя
в головокружительном
триллере

Индиана Джонс

против
**ТРЕТЬЕГО
РЕЙХА**

Скромный
археолог
против
танковых
дивизий
и нацистской
магии.

Читайте
в августе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"АЗБУКА"

Родился
русский
КОНАН!

Скоро
читайте
героический
роман
Марии Семёновой
ВОЛКОДАВ!

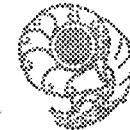

По вопросам
оптовых закупок
этой и других книг
из сериала
о варваре по имени

КОНАН

обращайтесь по телефону:
(812) 291-29-26
или по адресу:
СПб., ул. Гастелло, 9.
АОЗТ "МУХОМОР"

НИК ПЕРУМОВ

завершил
"Летописи Хъёрварда"

Читайте:

Том 1. Гибель Богов.
Том 2. Воин Великой Тьмы.
Том 3. Земля без Радости.

"Летописи Хъёрварда",
безо всякого сомнения,
лучший образец отечественной
героической фантастики
образца 1995 года.

Издательство "АЗБУКА"

Ник Перумов

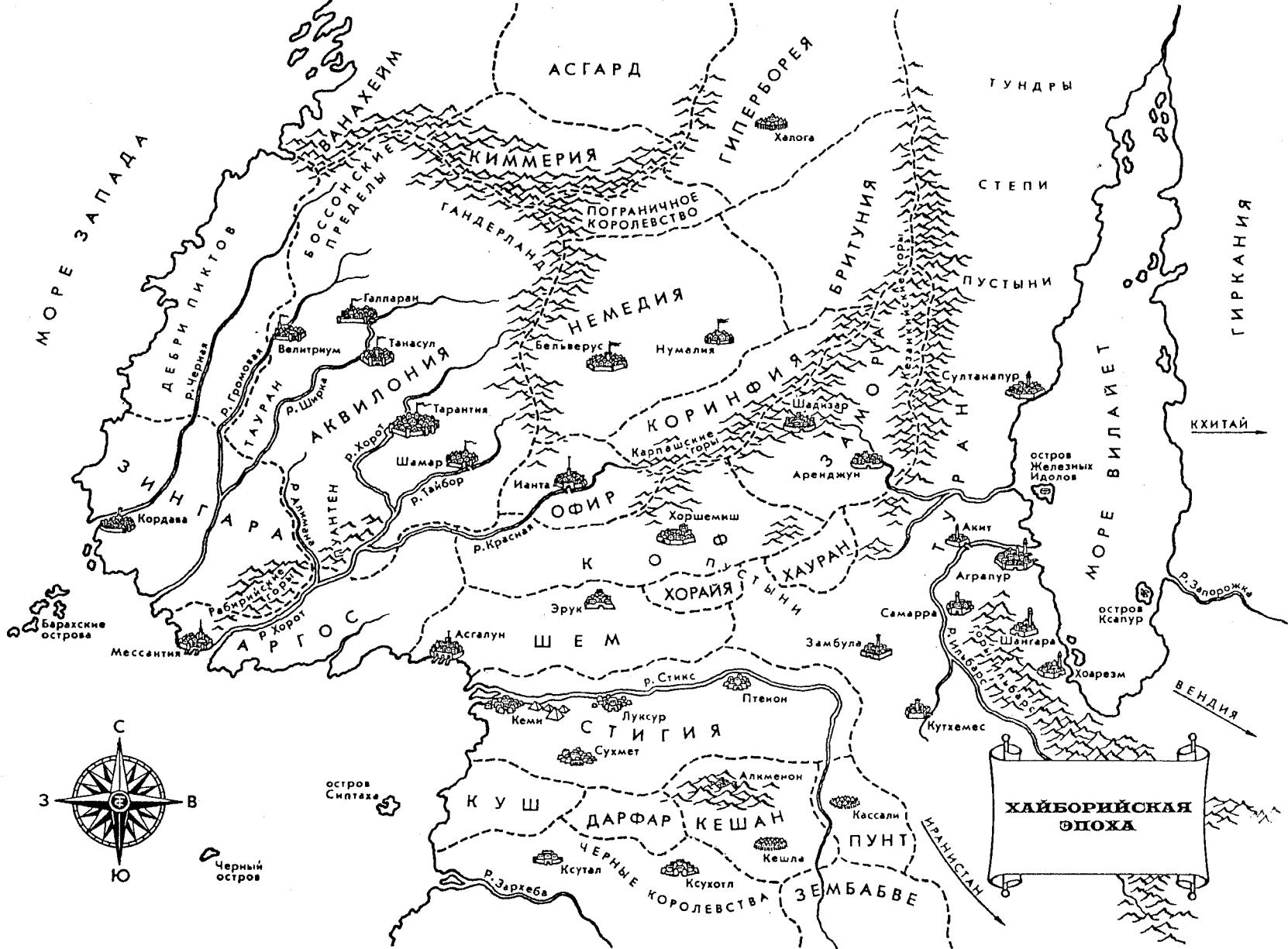
начал работу
над продолжением эпопеи
"Кольцо Тьмы"

Читайте в декабре
новый роман
из жизни Средиземья

"Адамант Хенны".

Следующий роман Ника Перумова, продолжение эпопеи "Кольцо Тьмы", выйдет в декабре. В нем герой Гэндальф и его спутники продолжают борьбу с силами Средиземья. Адамант Хенны — это история о том, как Гэндальф и его спутники продолжают борьбу с силами Средиземья. Адамант Хенны — это история о том, как Гэндальф и его спутники продолжают борьбу с силами Средиземья.

Издательство "АЗБУКА"

CONAN

Никогда ещё на его долю не выпадало
столько опасных приключений,
и никогда прежде он не был
так близко от смерти.

Сначала ему пришлось завоевать
губительный для смертных камень

Сердце Аrimана,

а после, спасая жизнь юной принцессы,
сразиться с древним чудовищем Даготом.

Сталь, колдовство и крепостные стены
были бессильны против того,
кого называли

КОНАН

РАЗРУШИТЕЛЬ

CONAN – зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.